ВИТАЛИЙ ВАВИКИН

КвазиРазмерность

КНИГА СЕДЬМАЯ

фантастика
киберпанк

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вирусная атака блокирует доступ к игровому проекту «Мекка». Тысячи людей не могут покинуть игру. Скрывая от СМИ происходящее, руководство отправляет на закрытую территорию площадки группу ученых, которые, притворяясь обычными игроками, должны восстановить контроль над «Меккой».

- Виталий Вавикин
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая

Виталий Вавикин
КвазаРазмерность
Книга седьмая

Глава первая

Игровая площадка «Фивы». Локация «Аид».

Начертив на кроваво-красном песке символ заблудших душ, бывший контрабандист по имени Сет замер, ожидая, когда навигационные протоколы проложат маршрут через опасную долину, раскинувшуюся у подножия скалы. С вершины, где находился Сет, пустошь выглядела безопасно, но за долгое время, проведенное на игровой площадке, он понял одно – опасность в Аиде поджидает на каждом шагу, особенно после того, как игроманы оживили армии Ареса и проповедников боли.

– Ну что там? – нетерпеливо спросила Саломея.

– Кажется, все чисто, – Сет собирался обернуться, чтобы улыбнуться симпатичной ему девушке, но карта, появившаяся благодаря начертанному символу заблудших душ, задрожала, изменяя фиксированные линии безопасного маршрута.

– Это что еще за номер? – растерялась Саломея.

– Наверное, кто-то пользуется здесь заклинаниями, разрушающими силу символа заблудших душ, – пожал плечами Сет.

– Ты сталкивался с таким прежде?

– Только в районе Голиафских гор, когда враждовал с другими контрабандистами, торговавшими с телебами из Далеких земель.

– Выходит, карта нам сейчас не поможет?

– Выходит… – Сет огляделся, пытаясь отыскать другой маршрут, чтобы обогнуть лежавшую на пути к каньону Ветров долину, но… – Кажется, придется рискнуть, – сказал он, понимая, что у них нет необходимых навыков, чтобы продолжать подъем по отвесным скалам. Да и не так просто это сделать, когда нужно тащить за собой имитацию бога. – Думаешь, от него будет польза, если мы ввяжемся в заварушку? – спросил Сет, бросая косой взгляд на молчаливого Иакха.

Начиная с момента, как они оживили древнего бога в обители Алкемены, используя украденное из храма тушителей свечей сердце и полученную ценой гибели одного из игроков агальму, Иакх не произнес ни слова. Ручной дракон Саломеи Криос – и тот был веселее, чем древнее божество-истукан. Хотя порой карманного дракона хотелось придушить – уж больно вредным он становился.

– Ладно, попробуем прорваться, – решил Сет, начиная спускаться в долину. – На твоем месте я бы не дожидался, когда

опасность станет явной, и активировал дракона.

Саломея не стала спорить. Появление дракона заставило открыться раны на запястьях. В мирное время Криос забирал немного жизненных сил, но стоило использовать его в бою, как жизнь Саломеи начинала убывать на глазах.

– Ну и во что вы вляпались на этот раз? – спросил карманный дракон, лениво махая крыльями, чтобы держаться в воздухе.

Несмотря на маленькие размеры, он давно доказал свою незаменимость в бою. Да и проводник из него получился неплохой.

– Вы что, еще не добрались до каньона Ветров? – скривился Криос, увидев Иакха, армию которого планировали получить под свое начало Саломея и Сет.

– Каньон Ветров находится за этой долиной, – сказал бывший контрабандист.

– Мы думаем, что здесь нас ждет последняя ловушка, – добавила Саломея.

Карманный дракон не ответил, потому что стены каменной тропы, по которой они спускались, начали сужаться. Взмахнув крыльями, Криос поднялся в небо. Саломее и Сету пришлось перейти на бег. Что касается Иакха, то ему горные глыбы не могли причинить вреда. Едва камни приближались к древнему божеству, как тут же начинали крошиться, превращаясь в пыль.

– Хорошо еще, хоть за ним приглядывать не нужно, – сказал Сет, выбравшись из ловушки.

Следом за ними вышел Иакх, окутанный облаком пыли. Имитация древнего бога остановилась на границе, где камни заканчивались, упираясь в выжженную землю долины. Вернулся сбежавший карманный дракон, неловко спикировав с неба, едва не врезавшись в землю. Сет обнажил лабрис, доставшийся ему после гибели Джаво, пожертвовавшего своим игровым персонажем, чтобы кузнец Линос смог извлечь модифицированные протоколы из его точки сборки и создать агальму. Лабрис был хорошим оружием, вот только беда состояла в том, что игровой персонаж Сета не был воином.

Они уже обсудили с Саломеей эту проблему. Сбежав из закрытого города, она получила в комнате личных достижений уведомление от адаптивных алгоритмов, что ей необходимо сменить игрового персонажа. Выбор не впечатлял, но Сет уговорил бывшую танцовщицу, что ради общего дела она должна стать амазонкой. Обновление персонажа должно было произойти в ближайшие часы во время очередной перезагрузки в конце игрового дня. Сейчас, глядя на долину, где их, несомненно, поджидала ловушка, Сет думал, не лучше ли было дождаться,

когда Саломея станет воительницей.

Обернувшись, он посмотрел на закрывшийся проход, позволивший им спуститься с гор.

– Что-то не так? – спросила Саломея.

Сет пожал плечами, понимая, что отступить все равно не получится.

– Будем надеяться, что лабриса и дракона хватит, чтобы пробиться к каньону Ветров, – сказал бывший контрабандист. – Жалко, твоего несовершеннолетнего друга нет сейчас с нами. Джаво, конечно, порой был занудой и явной обузой, но если говорить о сражении, то… – Сет посмотрел на оставшийся от стражника лабрис. – Сейчас я бы предпочел, чтобы этот топор находился в его руках.

– Справимся и без него! – подал голос карманный дракон. – Мальчишка все равно только под ногами путался.

Саломея хотела вступиться, но, вспомнив, что Криос – это имитация, решила, что лучшим будет промолчать.

– Жаль, что не получилось взять с собой боевых кромнов, – сказал Сет, вспоминая добрым словом двуногих лошадей из Далеких земель, затем покосился на Иакха и посоветовал Саломее держаться рядом с древним божеством. – Пока ты не сменишь персонаж танцовщицы на амазонку, от тебя одни неприятности.

– Не забывай, кому принадлежит дракон, – напомнила она. – Каким бы занудой ни был Криос, но пользы от него в разы больше, чем от лабриса Джаво и боевых кромнов.

– Принято, – улыбнулся Сет, поднял топор и ступил на выжженную землю раскинувшейся впереди долины, ожидая мгновенного нападения. Но нападения не последовало.

Бывший контрабандист замер.

– Ну что там? – нетерпеливо спросила Саломея.

– Пока тишина, – пожал плечами Сет. – Наверное, нужно пройти дальше.

– Думаешь, нас заманивают, чтобы лишить возможности отступить к скалам?

– Думаю, да, – бывший контрабандист сделал осторожный шаг вперед.

И снова ничего, если не считать появившихся бледно-фиолетовых алозий – цветов, появлявшихся на могилах погибших персонажей.

– И что это значит? – скривился Сет.

– Думаю, это предупреждение, – сказал карманный дракон. – Самое время повернуть назад и убраться подальше отсюда.

– Тропа, по которой мы спустились сюда, исчезла, умник, –

напомнил имитации бывший контрабандист.

Криос промолчал, недовольно выпустив из ноздрей две струйки белого дыма.

Кузнец из независимого поселения предупреждал, что дорога в каньон Ветров будет опасной, особенно ближе к концу, вот только пока Саломея и Сет еще не сталкивались с трудностями, которые не смогли бы решить. «Может быть, не случится этого и сейчас?» – с надеждой подумал бывший контрабандист, начиная продвигаться вперед, осторожно ступая, стараясь не давить алозии. Впрочем, могильных цветов, выбравшихся из-под мертвой земли долины, было так много, что скоро об осторожности пришлось забыть.

– Надеюсь, это не разозлит мертвецов? – неловко пошутил Сет.

Не успел он после этих слов пройти и десяти шагов, как из земли начали выбираться ийсы – крошечные грызуны Аида. Сначала их было не больше пары дюжин, которые трусливо сбежали едва завидев чужаков, но затем количество ийсов увеличилось. Сотни, а возможно тысячи, крохотных нор появлялись в земле, откуда выбирались грызуны, сбиваясь в стаи.

– Думаешь, они планируют напасть на нас? – спросила Саломея.

Сет не успел ответить, потому что ближайшая дюжина грызунов подкралась к ногам и вцепилась острыми зубами в кожаные сапоги. Обувь бывшего контрабандиста была, конечно, далека по надежности от брони воинов, но зарекомендовала себя с лучшей стороны, когда он пересекал Голиафские горы, где грызуны были в разы крупнее ийсов. Их называли сквадеры, и стоило зазеваться, как эти мелкие пакостники горного народа могли не только разорить караван контрабандистов, но и отгрызть им ноги.

В те времена Сет и приобрел себе кожаные сапоги – средства позволяли купить более достойную броню, но для этого нужно было развивать навыки бойца, на что у контрабандиста не было ни времени, ни желания. Да и сапогов, чтобы уберечь ноги от зубов сквадеров, вполне хватало. К тому же Сет быстро сообразил, что проще раскошелиться и прикупить у голиафцев трех-четырех тяньгоу – небольших хищников, призванных бороться со сквадерами. К тому же тяньгоу, похожих иногда на рыжих лисиц, а иногда на черных собак, можно было выдрессировать идти по опасным горным тоннелям, возглавляя караван. В этом случае они принимали на себя главный удар потревоженных мантикор – кровожадных чудовищ с человеческим лицом и львиной гривой, пасть которых состоит из трех рядов

острых зубов, способных крошить не только камни, но и закаленные клинки.

– Сейчас не помешала бы пара дрессированных тяньгоу, – сказал Сет, повернувшись к Саломее, тщетно пытавшейся прогнать нападавших ийсов. – Попробуй встать так, чтобы на пути у грызунов был Иакх, – посоветовал бывший контрабандист.

– Хорошая идея! – оживилась Саломея.

Ийсы вцепились в ноги древнего божества, превращаясь в пыль. Это охладило ненадолго пыл грызунов, но вскоре их стало так много, что пришлось задействовать карманного дракона. Огненная струя, выпущенная Криосом, проложила дорогу, уничтожив ийсов, наполнив воздух удушливым запахом горелой шерсти.

– Как думаешь, надолго это их отпугнуло? – спросила Саломея, наблюдая, как отступают грызуны.

Фиолетовое море алозий дрожало, уходя за горизонт. Вдали было не видно, но Сет не сомневался, что счет появившихся грызунов идет на тысячи. Здесь не поможет даже настоящий огнедышащий дракон, не то что карманный. Конечно, трусливые ийсы отступят ненадолго, но, как только выжженная Криосом тропа останется за спиной, снова попытаются атаковать, если…

– Ты говорила, что после стычки с ворами в храме Пейофы получила несколько новых способностей, совместимых с твоим персонажем из закрытого города? – оживился бывший контрабандист, заставляя Саломею нахмуриться, вспоминая, как едва не погибла, потому что Криос, испепелив храм, забрал у нее так много жизненных сил, что она едва восстановилась. – Я сказал что-то не так? – растерялся Сет.

– Нет. Просто протоколы, установленные в игровую точку сборки, обостряют восприятия, когда вспоминаешь что-то волнительное. Если вокруг все спокойно, то ничего, но сейчас…

– Я предлагал тебе потратить день на медитацию, получив доступ к снижению восприятия в экстренных ситуациях, – напомнил бывший контрабандист.

– А какой толк? – фыркнула Саломея. – Мне все равно нужно менять игрового персонажа, и большинство навыков пропадет.

– Ты могла бы стать амазонкой на несколько дней раньше. Не понимаю, зачем тянуть до последнего?

– Я привыкла к персонажу танцовщицы.

– Привыкла она! – скривился Сет. – Ведешь себя как Джаво. Но ему хоть простительно – он ребенок.

– Ладно, не ной.

– Я не ною, просто глупо будет погибнуть из-за того, что кто-

то застеснялся откровенных нарядов амазонки.

– Я не застеснялась, просто…

– Проехали, – бывший контрабандист заметил, что выжженная драконом земля начала зарастать алозиями, и ускорил шаг. – Нужно спешить, скоро атака ийсов повторится.

– Не думаю, что у меня хватит сил, чтобы использовать Криоса на протяжении всей дороги через долину, – сказала Саломея, вглядываясь вдаль.

Фиолетовое поле алозий, среди которых сновали голодные грызуны, казалось бесконечным.

– Я о чем и толкую… – крикнул Сет, отбивая нападение осмелевших ийсов, работая топором словно клюшкой. – Уничтожив воров в храме Пейофы, ты получила способности вселять страх в охрану караванов и создавать копию своего персонажа…

– Хочешь, чтобы я попробовала напугать ийсов? – догадалась Саломея.

– Почему бы нет? – Сет ловко отмахнулся топором от новой стайки ийсов. – Ты ведь проверяла способности, пока мы были в поселении.

– Я проверяла их на кромнах!

– Думаешь, ийсы умнее? – бывший контрабандист замер, увидев преградившее дорогу полчище грызунов. – Боюсь, теперь либо ты активируешь свою способность вселять страх, либо используешь карманного дракона.

– Я уже активировала, – растерянно сказала Саломея.

Грызуны, обнажив острые зубы, смотрели на игроков налитыми кровью глазами.

– Почему же они не разбегаются? – спросил Сет.

– Откуда я знаю? – Саломея обернулась, желая убедиться, что они не успели уйти далеко от спасительных скал. Хотя сейчас гарантии, что ийсы не последуют за ними, не было. Может быть, отступать уже поздно. Но и вперед идти, используя дракона, не имеет смысла, потому что его активация отнимает слишком много жизненных сил.

– Что ты делаешь? – растерялся бывший контрабандист, когда Саломея начала приближаться к застывшему полчищу ийсов.

– Хочу кое-что проверить.

– Если они набросятся на тебя, то я не успею прийти на помощь, – предупредил Сет, но это оказалось лишним, потому что грызуны зашипели, но вместо того, чтобы атаковать танцовщицу, начали отступать.

– Кажется, способность вселять страх работает, – сказала Саломея, обернувшись к бывшему контрабандисту.

Ийсы расступились, пропуская танцовщицу. Она осторожно сделала шаг вперед, разгоняя полчище грызунов, как волнорез прибой. Какое-то время они продвигались осторожно, ожидая, что ийсы набросятся в любой момент, но затем армии грызунов стали редеть, а потом и вовсе исчезли. Спасительные скалы скрылись за горизонтом. Протоколы восприятия обострились.

– Чувствуешь? – спросил Сет, тщетно пытаясь побороть непроизвольную дрожь, подчинившую игровую точку сборки. – Кажется, сейчас появится что-нибудь… – бывший контрабандист замолчал, увидев преградившую путь проплешину на бескрайнем поле фиолетовых алозий.

– Думаешь, это ловушка? – спросила Саломея.

– А у тебя есть сомнения?

– Может быть, тогда обойти? – танцовщица огляделась, убеждаясь, что проплешина не выглядит бесконечной.

Они попытались двигаться вправо, но то ли изменились протоколы перемещения, то ли ощущения времени, но проплешина, казалось, преследует их.

– Нет, так ничего не выйдет, – решила Саломея, потратив на бесплодную попытку обойти препятствие больше часа – столько показывали часы, отмеряющие игровой день, да и жизненных сил ощутимо убавилось. – Как думаешь, что нас ждет на этой проплешине? – спросила танцовщица.

Сет пожал плечами и покосился на карманного дракона.

– Надеюсь, Криоса и оставшегося от Джаво топора нам хватит, иначе…

– Будет обидно вылететь из игры, зайдя так далеко, – закончила за него Саломея.

Сет согласно кивнул, помялся и решил, что будет лучше, если он первым выйдет на созданную разработчиками площадку для предстоящего сражения.

– Знать бы еще, кто будет нашим противником, – пробормотал бывший контрабандист.

Едва он покинул поляну алозий, как земля долины вздрогнула. Центр проплешины вздулся и неожиданно лопнул, выбросив в воздух облако пыли. Информационные протоколы, интегрированные в игровую точку сборки во время последней перезагрузки, когда Саломея и Сет приблизились к последнему рубежу, отделявшему их от каньона Ветров, показали историю древних великанов. История хлынула в сознание, подменяя воспоминания, заставляя пережить ужас жителей закрытого города, которые, согласно созданной разработчиками легенде, столкнулись с жуткими созданиями подземного мира, потревоженными, когда фиванские рудники достигли границ

царства великанов.

– Какого черта эти монстры делают здесь? – пробормотал Сет, вспоминая историю Джаво, когда молодой стражник, выполняя полученное задание, спускался в фиванские рудники, чтобы встретиться с богиней и получить от нее искусство заклинания змей. – Я думал, это легенды закрытого города, – сказал бывший контрабандист.

Облако пыли развеялось, позволяя рассмотреть появившийся тоннель. Информационные протоколы показали, как великаны, потерпев поражение от армии кузнецов и магов закрытого города, решили сменить тактику и попытать счастье в землях Аида.

– Нам что, нужно будет сражаться с великаном? – опешил Сет, чувствуя, как протоколы восприятия обостряют страх.

– Надеюсь, что нет, потому что… – Саломея замолчала, почувствовав, как снова содрогнулась земля.

Кто-то поднимался по тоннелю.

– Ты сможешь справиться с великаном? – спросила Саломея ручного дракона.

– Понятия не имею, – сказал Криос, подлетая ближе к тоннелю, желая заглянуть внутрь.

Брошенный великаном камень угодил карманному дракону в грудь, зашвырнув высоко в небо, откуда доставшееся Саломее возле озера Скорби божество рухнуло на землю, скрывшись под фиолетовыми соцветиями алозий.

– Криос? – осторожно позвала танцовщица.

– Кричи громче, – посоветовал Сет. – Он далеко улетел.

Саломея выругалась, но, когда земля под ногами снова содрогнулась, заорала так, что голос сорвался на хрип. Появление великана настолько обострило восприятия, что страх превратился в панику.

От грозного рева разгневанного монстра осыпались лепестки алозий. Выход появившегося тоннеля оказался слишком маленьким для великана, поэтому сын титанов решил проложить себе дорогу, расширив крохотный проход. От ударов снова поднялось облако пыли. По каменному выходу из тоннеля, вспоровшему сухую землю, побежали тысячи трещин. Информационные протоколы показали Саломее и Сету легенду о том, как великаны, пробив тонкие стены рудников закрытого города, выбрались на свободу, сразившись со стражниками.

Дети титанов проникали в мир волнами. Первыми шли громадные, вырубленные из камня великаны в три человеческих роста. Они были расходным материалом, принимая на себя атаки защитников города и пробивая стены, жертвуя конечностями, которые крошились, сталкиваясь с каменными колоннами

и неприступными стенами.

Во второй волне шли великаны… Кристально белые или черные как ночь, напоминавшие мраморные статуи богов, установленные в многочисленных храмах Новых Фив.

Замыкали вторжение предводители, олицетворявшие природные стихии. Одного из них окутывал огонь, способный расплавить все, что окажется в опасной близости. Второго – шквальный ветер, сметавший преграды, разрывая на части противников. Третий предводитель представлял воду, способную превратиться в цунами и обрушиться гигантскими волнами на противников. Последним шел великан, олицетворявший землю, и поступь его была настолько тяжелой, что каждый шаг вызывал землетрясение.

– Надеюсь, нам не придется сражаться с каждым из них, – сказал Сет, сомневаясь, что удастся одолеть хотя бы одного великана.

Саломея предпочла промолчать. Сейчас все силы уходили на то, чтобы заставить себя не сбежать, подчинившись желанию поддельных восприятий. Следовавший за ними Иакх выглядел беспристрастным. «Интересно, есть ли возможность натравить древнего бога на сына титанов?» – нервно соображала Саломея, наблюдая, как великан выбирается из-под земли. Судя по внешнему виду, он принадлежал к первой волне, напавшей некогда на закрытый город, – неуклюжие, вырубленные из камня монстры в три человеческих роста.

Саломея непроизвольно сделала шаг назад, почувствовала, как кто-то укусил ее за ногу, и вскрикнула.

– Что случилось? – спросил Сет, заставляя себя оторваться от созерцания каменного великана.

– Кажется, сбежать у нас теперь не получится, – сказала Саломея, устремляя взгляд к окружившим проплешину ийсам.

Грызуны шипели. С их мелких зубов капала слюна, а шерсть на спине стояла дыбом.

– Постарайся держаться за Иакхом, – посоветовал Сет танцовщице, заставляя себя выйти вперед, привлекая внимание сына титанов.

Надежды на лабрис, доставшийся от покинувшего игровую площадку Джаво, начали казаться смехотворными. Если бы вернуться назад и проконсультироваться со знакомым магом или кузнецом, как усилить при помощи имевшейся агальмы мощь боевого топора, а так…

Сет сжался, услышав приближающийся со спины свист. Очнувшийся дракон пролетел над его головой и, зависнув напротив великана, изверг на своего обидчика струю пламени.

Великан закрылся рукой. Затрещали крошащиеся камни.

– Ого! – присвистнул Сет, покосился на Саломею, у которой дракон обычно забирал много жизненных сил после каждой подобной атаки, но сейчас, кажется, нападение было либо бонусом, либо местью за необоснованную атаку со стороны великана.

Каменный сын титанов взвыл. Правда, продиктовано это было не болью, а гневом. Криос спешно отлетел назад, готовый к новой атаке, но уже по приказу Саломеи, которой это будет стоить немало жизненных сил.

– Думаешь, у нас есть шанс победить монстра? – спросила она Сета.

– Не знаю, – честно признался бывший контрабандист. – Как думаешь, на сколько атак Криоса хватит твоих жизненных сил?

– Три, может быть четыре, – пожала плечами танцовщица.

– Давай тогда ты натравишь на монстра нашего карманного дракона, а я попытаюсь в это время напасть на него, – предложил Сет.

Саломея не стала возражать.

– А я только за, – сказал Криос, снова приближаясь к великану, который на этот раз попытался отмахнуться от карманного дракона.

Каменный кулак просвистел в опасной близости от головы Криоса, но дракон оказался ловчее. Резко нырнув под руку неповоротливого истукана, он залетел ему за спину, окатив струей огня. Великан взвыл и начал разворачиваться, позволяя Сету начать атаку. Бывший контрабандист успел нанести шесть ударов, прежде чем карманный дракон взял передышку. Сет спешно отскочил назад.

– Как успехи? – спросила Саломея, переводя дыхание.

Кровотечение из открывшихся при активации Криоса ран усилилось.

– Я пытаюсь лишить великана подвижности, разрушив его ноги, – сказал бывший контрабандист, пытаясь разглядеть нанесенные каменному истукану повреждения. – Думаю, если монстр не изменит тактику, то три-четыре атаки Криоса – и я отрублю великану ногу. Как думаешь, хватит у тебя сил?

– У меня есть выбор? – скривилась Саломея, готовясь послать карманного дракона в новую атаку, но на этот раз предыдущий сценарий не повторился.

Каменный истукан взвыл и вместо того, чтобы пытаться достать огнедышащего противника, сосредоточился на Сете. Не ожидавший подобного поворота бывший контрабандист успел

увернуться от кулака великана лишь в последний момент, выронив лабрис. У монстра был выбор: попытаться растоптать противника или его оружие. Каменный истукан выбрал последнее. Громадная ступня опустилась на боевой топор, но лабрис устоял – Сет вытащил его из оставшегося в сухой земле отпечатка.

– Нужно менять тактику! – крикнул бывший контрабандист Саломее. – Если не отвлечь монстра, дав новую цель, то я не смогу отрубить ему ногу!

Он уставился на Иакха, пытаясь придумать, как задействовать древнего бога. Если натравить на него великана, то возможно, и дракон не понадобится – Иакх сам справится с каменным истуканом, только как заставить имитации, у которых не прописано на этом этапе противоборство, сражаться друг с другом?

– А что если я создам своего двойника и попробую привлечь внимание монстра? – предложила Саломея, напоминая о второй способности, доставшейся ей после того, как они с Джаво выбрались из ловушки воров, устроенной им в храме Пейофы.

Идея показалась Сету неплохой. Оставалось надеяться, что все сработает.

Бывший контрабандист переместился на край отведенной для боя с великаном площадки, велев Саломее создать ее двойника у противоположной стороны, а самой спрятаться за Иакхом. Проблема была лишь в том, что теперь жизненные силы танцовщицы заканчивались еще быстрее. Великан ревел, колотя каменными кулаками образ Саломеи, карманный дракон жег истукана сбоку, а Сет атаковал со спины.

– Не знаю, хватит ли мне сил провести еще одну такую атаку, – призналась Саломея.

– Ты должна, иначе все было зря, – сказал бывший контрабандист.

Танцовщица тяжело вздохнула, жалея, что по дороге сюда пропустила поляну аваров, где могла увеличить жизненные силы. Сейчас это бы пригодилось…

– Будь готов, что Криос закончит эту атаку раньше, чем предыдущую, – предупредила Саломея. – Не знаю, насколько у меня хватит сил, так что…

– Ты должна продержаться, пока я не отрублю ему ногу, – сказал Сет, готовясь к новой атаке.

Каменная конечность великана держалась уже на честном слове, но кто знал, сколько потребуется еще нанести ударов. Бывший контрабандист замер, дождался, когда карманный дракон окатит великана струей пламени, и бросился в атаку.

Не замечая противника, монстр колотил двойника танцовщицы. Подбежав к нему со спины, Сет размахнулся, вкладывая в удар всю силу, что у него есть. Лабрис лязгнул о каменную поверхность противника. Бывший контрабандист покосился на дракона, продолжавшего поливать великана огнем, и повторил атаку. Он успел нанести еще четыре сокрушительных удара. Затем силы Саломеи начали кончаться. Ее двойник стал прозрачным, а огненная струя Криоса уменьшилась, разбавившись черным дымом, давая великану передышку.

– Ну уж нет! – проворчал Сет, понимая, что нового шанса не будет.

Рискуя пропустить смертельный удар, он бросился на великана. С трудом избежал встречи с каменным кулаком и рубанул что было сил по правой ноге, завершая то, что не успел минутой ранее. Монстр взвыл и грузно повалился на живот. От его падения земля содрогнулась так сильно, что Сет с трудом устоял на ногах. Поднялось облако пыли, скрывая великана, но ждать было нельзя. Забравшись на поверженного монстра, бывший контрабандист отрубил ему голову, на что потребовалось четырнадцать ударов. Великан затих.

Пытаясь отдышаться, Сет спрыгнул с поверженного противника на землю. Схватка отняла так много сил, что лабрис начал казаться неподъемным. Едва передвигая ноги, бывший контрабандист поплелся к Саломее, распластавшейся у ног древнего бога, которого они вели в каньон Ветров, чтобы оживить четвертую армию Аида.

– Эй, ты как? – спросил он танцовщицу.

Саломея открыла глаза и первым делом посмотрела на великана. Сет услышал, как она облегченно выдохнула, и улыбнулся, помогая танцовщице подняться.

– Ты забрал силу великана? – спросила Саломея.

– Что? – не понял Сет.

– Лабрис поглощает силу поверженных врагов, увеличивая свою мощь. Я видела, как это делает Джаво, – пояснила танцовщица. – Обычно это работало с оружием соперников, но в случае с каменным истуканом… Думаю, он сам – это и есть оружие.

– Сейчас попробую, – сказал Сет, решив, что если действительно удастся улучшить боевой топор, то это станет отличным подспорьем в будущем.

С трудом переставляя словно налитые свинцом ноги, он подошел к поверженному противнику и прикоснулся к нему острием лабриса. Несколько секунд ничего не происходило, затем бывший контрабандист ощутил легкое дуновение ветра. Великан

рассыпался, превращаясь в пыль. Воздушные завихрения подхватывали крошечные песчинки, унося прочь. Процесс распада ускорялся на глазах, и не прошло минуты, как от великана ничего не осталось.

Сет не знал, насколько мощнее теперь стал доставшийся ему от Джаво боевой топор, но сил, казалось, добавилось не только лабрису, но и персонажу Сета.

– Нужно дождаться ночной перезагрузки и посмотреть в комнате личных достижений, какие бонусы я получил за победу над великаном, – сказал он, когда к нему подошла Саломея.

– Думаю, бонусы распределятся между нами поровну, потому что я тоже ощутила прилив сил, когда распался великан, – сказала она.

Застывшие впереди горы ждали их. В пылу сражения они не заметили, но расстояние изменилось. Долина аваров заканчивалась.

– Надеюсь, сегодня больше боев не будет, – проворчала Саломея, деактивируя дракона, позволяя ранам на запястьях перестать кровоточить, лишая необходимых для путешествия сил.

До края долины оставалось не больше сотни шагов. Преодолев это расстояние, бывший контрабандист и танцовщица оказались на каменной площадке, окруженной высокими скалами. Иакх тенью следовал за ними, но они давно перестали обращать внимание на имитацию древнего божества.

Когда Саломея и Джаво покинули закрытый город, то с ними была имитация нимфы, болтавшая так много, что ее хотелось придушить. Иакх оказался полной противоположностью. Начиная с момента, как они оживили его, использовав спрятанное в животе нимфы сердце, древнее божество не произнесло ни слова.

– И куда теперь? – спросила Саломея, понимая, что по отвесным скалам подняться не удастся.

Сет огляделся, с трудом отыскав взглядом небольшой проход, заканчивающийся тупиком, где лежал колчан со стрелами и лук.

– Думаю, будет лучше, если это возьмешь ты, – сказал он.

– Почему я? – опешила Саломея.

– У меня есть лабрис.

– А я танцовщица.

– Завтра, после перезагрузки, система заставит тебя сменить несовместимого с Аидом персонажа, – напомнил контрабандист. – Так что, думаю, лук и стрелы – это то, что нужно для амазонки.

– Черт! Не напоминай, – поморщилась Саломея, однако возражать не стала, добавив найденное оружие к скудной

амуниции. – И что теперь? Куда нам идти?

– Понятия не имею, – признался Сет.

Они вернулись на каменную площадку, пытаясь отыскать другой проход.

– Может быть, чтобы попасть в каньон Ветров, необходимо знать какое-нибудь заклинание? – предположила Саломея.

– Почему тогда не было отдельного квеста, связанного с этим? – покачал головой Сет. – Нет, здесь что-то другое.

– Только не говори, что нужно было осваивать навыки скалолазания.

– Исключено. По таким скалам никому не подняться.

– Что тогда?

– Скорее всего, мы просто не видим очевидного или что-то упустили. – Сет долго крутил головой, пока взгляд не зацепился за оставшиеся позади проплешину, где они сражались с великаном. – Думаю, нужно вернуться.

– Зачем?

– Не знаю, но здесь, кажется, нет ничего, кроме лука и стрел.

Саломея выругалась, используя сленг коренного жителя Размерности, но спорить не стала. Бывший контрабандист ухмыльнулся, забавляясь набору бранных слов, но акцентировать на этом внимание не стал. Игровой день подходил к концу, и хотелось как можно быстрее покинуть небезопасную долину. Кто знает, какие сюрпризы уготовят им игровые адаптивные алгоритмы после перезагрузки.

– И что нужно искать? – спросила Саломея, когда они добрались до места сражения с каменным великаном. – Помню, когда мы спускались с Джаво в королевские подземелья закрытого города, то там за убийство монстра, обитающего на нижних уровнях темниц, мы получили кристалл, освещавший дорогу. Думаешь, здесь может быть что-то вроде ключа для невидимой скважины в горах?

– Пожалуй, все намного проще, – сказал Сет.

Подойдя к вспоровшему землю тоннелю, откуда выбрался великан, бывший контрабандист заглядывал внутрь.

– И что там? – спросила Саломея, подходя к другу.

– Думаю, это проход.

– Понятно, что проход. Оттуда ведь выбрался великан и… – танцовщица нахмурилась, начиная понимать, куда клонит Сет. – Нет. Только не говори, что нам придется спускаться туда, чтобы попасть в каньон Ветров.

– Ты знаешь другой способ, как преодолеть отделившие нас от каньона горы?

– Нет, но где гарантии, что этот тоннель выведет нас

к каньону?

– Это же игра. Забыла? Здесь многое подчиняется логике.

– Да, может, нам даже не позволят войти в… – Саломея замолчала, увидев, что Сет начинает спускаться.

– Кажется, никаких ограничений, – широко улыбнулся он, жестом предлагая танцовщице присоединиться. – Или ты хочешь остаться в долине на ночь, а завтра снова сражаться с ийсами и каменным монстром? И не надейся, что адаптивные алгоритмы изменят правила. Спускаться в тоннели великанов все равно придется.

Глава вторая

Игровая площадка «Фивы». Локация «Далекие земли».

Если Аид разрывали противоборствующие силы непримиримых армий, то у обособленных телебов все обстояло с точностью до наоборот. Впервые в истории существования Далеких земель племена телебов начали объединяться. Не то чтобы дело было в каком-то новом настрое игроков или вмешательстве в процесс развития разработчиков – нет. Просто в Далеких землях впервые появился лидер, предложивший игрокам новые цели.

Конечно, сама идея сплотиться в единую армию и пересечь неприступные Голиафские горы, хлынув дикой лавиной в земли Аида, не была новой, но прежде никто не предлагал четкого решения возникавших на пути проблем. Да и не было раньше в Далеких землях такого количества игроков, как сейчас. Разработчики создали эту локацию в виде отстойника, куда отправлялись все, кто нарушал правила в Аиде или в закрытом городе. Здесь не было законов, установленных разработчиками. Если не считать деления на племена – гаты, лигурийцы, экронцы, ашдоты, – то мир Далеких земель строили сами игроки. Имитаций, притворявшихся обычными игроками, здесь тоже не было, в отличие от других локаций «Фив», где благодаря имитациям скрывали падающий спрос на игровые ключи доступа и контролировали при необходимости сюжетные линии.

Долина Ксифос славилась тем, что только там телебы могли добывать низкосортную руду для оружия. Конечно, существовал небольшой товарооборот с внешним игровым миром через посредников голиафского народа, населявшего неприступные горы, отделившие телебов от остальных игровых локаций, но партии долгое время были незначительными. Торговцы, базировавшиеся на рынках долины Махайра, в основном меняли кромнов на клинки воинов армии Тидея, превосходившие по качеству и способности нанести урон местное оружие в десятки раз.

Прежде за рудники долины Ксифос, принадлежавшие лигурийцам, постоянно шли битвы с представителями долины Цестус – экронцами. Новый лидер, начавший объединение телебов, смог положить конец подобным войнам, заключив союз с ашдотами – торговцами Махайры, которые, в отличие от представителей племени гат, считались нежелательными субъектами на рынках, потому что продавали исключительно ворованный товар.

Прай-Ми, лигуриец, начавший объединение телебов, первым делом приобрел крошечный земельный надел, якобы планируя добывать там железную руду для оружия Далеких земель. Цена была минимальной, учитывая, что основные затраты требовались на обработку и очистку руды. Средства для операции были заимствованы у ашдотов, с представителем которых Прай-Ми познакомился в первые дни пребывания на игровой площадке. Ашдота звали Тронт и, несмотря на высокое место, занимаемое в воровской иерархии племени, вонь от него стояла такая сильная, что начинали слезиться глаза. Впрочем, неслабым запашком отличались все ашдоты, считавшиеся падальщиками рынков Махайры.

Никогда прежде игроки других племен не пытались объединиться с ашдотами. Разве что сделать заказ что-нибудь украсть. Да и сами ашдоты были разделены настолько, что ни о каком союзе не могло идти речи. Что касается Прай-Ми, то ему пришлось работать с каждым влиятельным ашдотом в отдельности. Ни о какой реальной коалиции речи не шло. Тронт помогал новому игроку связываться с влиятельными представителями своего племени, в остальном Прай-Ми договаривался сам, пользуясь пониманием игровых процессов, появившимся благодаря тому, что он некогда входил в первый круг разработчиков «Фив». Тонкости, известные ему, порой удивляли не только обычных участников проекта, но и заядлых игроманов.

Фокусы, которые показывал Прай-Ми, создавая точные копии оружия, демонстрируя невосприимчивость к смертельным ранам или возможность становиться невидимым, закрепили за ним образ мага. Подобная слава породила слухи, что новичок планирует открыть кузницу на выкупленном участке, где будет создавать оружие, которое по наносимому урону и крепости превосходит клинки армии Тидея из Аида.

Некоторые игроки шептались, что Прай-Ми не кто иной, как создатель конкурирующего с «Фивами» проекта «Мекка», решивший обрушить систему, чтобы избавиться от соперника. Подобные слухи ходили в основном среди новичков, недавно появившихся в Далеких землях, поэтому осведомленных о том, что происходит вне игрового процесса, было мало. Масла в огонь этих сплетен подливали открытые заявления Прай-Ми касательно его планов сплотить телебов, переправиться через Голиафские горы и свергнуть правительницу Аида.

Конечно, подобное бахвальство оставалось незамеченным среди ветеранов, но молодежь смотрела на Прай-Ми с явным интересом, выжидая дальнейшего развития событий. Был ли

у хвастливого кудесника определенный план? Несомненно. Вот только осуществить его было невозможно щелкнув пальцами. Требовались время и везение.

Брат Прай-Ми, оставаясь в тени, внедрился в группу контрабандистов, занимающихся торговлей оружия с представителями Аида. Торговца звали Гамбино, и он дал новичку испытательный срок, который тот с успехом выдержал. Правда, для этого ему пришлось пересечь с группой торговца Голиафские горы и выполнить поручение представителя горного народа, который хотел, чтобы они достали ему амулет ин-незов, позволявший голиафцам, привязанным к своим горам, менять игровые локации. Предприятие было нелегким, и Арк-Ми, брат Прай-Ми, едва не погиб во время вылазки в Аид.

Голиафца, поручившего им найти амулет ин-незов, звали Ламбро, и он покинул группу сразу, как только вывел их опасными узкими тоннелям на другую сторону гор.

– Теперь вы сами по себе, – буркнул он. – Без амулета ин-незов мы не можем покидать свою локацию.

Аид ждал торговца и его группу. Игровые точки сборки телебов адаптировались к новой локации нормально, лишь в первые часы ощущалась повышенная нервозность и обостренное восприятие заставляло пугаться каждой тени. Впрочем, тени в Аиде порой таили опасности больше, чем реальный противник. Конечно, большинство теней принадлежало армии падальщиков Химеры, собиравшей истории игрового дня в колодце воспоминаний, куда мог спуститься игрок, получив нужную ему информацию. Но иногда встречались тени, созданные магами или зоргулами – крупными ящерицами, прислуживающими правительнице Аида Сфинкс. В этом случае тени выполняли функцию капкана – блокировали жертву, пока не появлялись иддалы из группы охотников Сфинкс, чтобы транспортировать бедолагу во дворец правительницы.

В один из таких капканов попала группа торговца Гамбино, едва спустившись с гор на выжженные земли Аида. Тень от громадного валуна ожила, запеленав телеба в черный саван, который невозможно было повредить ни огнем, ни мечом, ни чарами, хотя находившаяся в караване колдунья по имени Агва считалась в Далеких землях профессионалом своего дела.

Телебы зашептались о западне, ожидая нападения в любой момент. Тарос, глава охраны, велел организовать круговую оборону.

– Думаешь, горный народ заключил договор с представителями Сфинкс? – спросил Гамбино молодую колдунью.

Судьба игрока, угодившего в капкан, не заботила его.

– Сомневаюсь, что имеет смысл говорить о заговоре, – вмешался в разговор Арк-Ми, изучив полученную от голиафца карту предположительного местоположения амулетов ин-незов. – Здесь указаны подобные ловушки, – он увеличил трехмерный образ карты, демонстрируя черное пятно на месте, где телеб попал в капкан.

– Выходит, просто случайность? – нахмурился торговец.

– Этой карте уже несколько лет. Если заговор и был, то точно не против нас. К тому же карта не принадлежит горному народу. Не знаю, как она досталась Ламбро, но создана она была явно не в Голиафских горах, – Арк-Ми указала на едва заметный фиолетовый отлив в углах карты.

– И что это значит? – спросил торговец.

– Каждая игровая локация «Фив» имеет незначительные различия. Системы следят за игровыми точками сборки. Обычно, когда игрок меняет игровую локацию, то модернизация ТС происходит во время ежедневной перезагрузки. Если подстройка точки сборки невозможна, то игроку предлагают выбрать другого персонажа… Что касается второстепенных магических артефактов, то их так много, что уследить за всеми нереально. Так что проще не обращать внимания на незначительные лаги. Тем более что магические артефакты, как правило, создаются для определенной локации, а что касается оружия и карт, то здесь всегда могут быть нестыковки, – Арк-Ми беспечно пожал плечами, пытаясь вспомнить примеры. – На моей практике встречались клинки, способные пробивать любую броню, и встречались заклинания сохранения жизни, благодаря которым здоровье игрока вообще не уменьшалось в бою… Но подобное, как правило, выявлялось в течение дня и устранялось во время плановой перезагрузки.

– И где, по-твоему, была сделана наша карта? – спросил Гамбино.

– Фиолетовый оттенок говорит в пользу Аида. Бывают, конечно, исключения, но…

– Почему ты думаешь, что голиафцы не могли заключить договор с магом из Аида?

– Маги не могут создавать подобные капканы. Это право сохранено исключительно за имитациями, которые ни с кем не вступают в союзы. Их задача – пополнять королевские покои рабами и жертвами. Считай это догмой, частью игровой легенды, которую нельзя менять.

– Ладно… – Гамбино покосился на образовавшийся из тени кокон, проглотивший его стражника. – Допустим, ты прав.

Как нам тогда вытащить парня?

– Можно попробовать дождаться, когда появятся стражники Сфинкс, и устроить им засаду.

– Ты предлагаешь сражаться с иддалами?

– Иддалы не так страшны, как кажется. Главное, чтобы с ними не оказалось кербера. Вот псы Аида могут стать настоящей проблемой.

– Значит, проще будет бросить Тима?

– Никого мы бросать не будем! – вмешался в разговор глава охраны по имени Тарос.

Гамбино смерил его недовольным взглядом.

– Мне напомнить, кто кому здесь подчиняется? – хмуро спросил торговец.

– Мы подчинялись тебе, когда взялись сопровождать караван в Голиафские горы и обратно на рынки Махайры. После того, как Ламбро сделал нам предложение достать для него амулет иннезов в обмен на тайну прохода по тоннелям горного народа в Аид, мы стали командой, где у каждого равные права, – Тарос покосился на Агву, пытаясь понять, с кем она будет, если сейчас возникнет спор.

Молодая колдунья сомневалась несколько мгновений, затем сделала шаг в сторону торговца. Телебы Ковен и Гедер присоединились к Таросу. Выбор оставался за Арк-Ми. Он мог либо уравновесить силы, либо занять позицию воинов, которые, в отличие от Гамбино, хорошо относились к нему с первого момента его появления в игре. Впрочем, Агва, занявшая сейчас сторону торговца, лечила раны Арк-Ми и всегда была доброжелательной.

– Дилемма, – пробормотал Арк-Ми, устремляя взгляд к капкану, в который попал Тим.

Молодой телеб первым поверил Арк-Ми и перестал смеяться над его историей, как он оказался на игровой площадке «Фив». «Как бы поступил брат?» – спешно соображал Арк-Ми, рассматривая десятки вариантов, ни один из которых не казался верным.

– Пора определиться, – поторопил его Тарос.

Арк-Ми кивнул, смерил расколовшуюся команду тяжелым взглядом и пошел прочь.

– Куда ты? – крикнул торговец.

– Хочу взвесить шансы, если придется сражаться с иддалами, – крикнул Арк-Ми.

– Так ты на нашей стороне? – обрадовался Тарос.

– Я на стороне Тима. Если можно спасти парня, то нужно попытаться это сделать. Но если шансов нет, то погибать ради

него глупо.

– Логично, – согласились в один голос Тарос и Гамбино и долго наблюдали за Арк-Ми, пытаясь понять, что он делает. Затем потеряли терпение, сдались и решили спросить.

– Когда входишь в первый круг разработчиков, привыкаешь смотреть на игровые процессы иначе, – сказал Арк-Ми, обращая внимание группы на расположение камней и рельеф подступавшей к скалам долины. – Все это в большинстве своем имеет мало значения, когда сражаешься с другими игроками, но если твоим противником будут имитации, то не стоит пренебрегать этими мелочами. Они могут стать решающим фактором. Главное – понимать, как работают адаптивные алгоритмы. Учитывая, что капканами, в один из которых угодил Тим, занимаются в основном имитации, думаю, выбор позиции будет немаловажным в предстоящей битве. Главное, чтобы с ними не было керберов. Мой брат лично менял протоколы псов Аида, когда на совете разработчиков прошла его идея создать мистифов – черных магов, способных подчинять имитации полубогов. Не скажу, что идея была удачной, по крайней мере ажиотажа и существенных прибылей она не принесла, но ряд полубогов был серьезно доработан, а поведение их стало намного сложнее.

– Мистифы, насколько я понимаю, это что-то типа нашей колдуньи? – спросил Тарос.

– Мистифы отличаются от магов и целителей тем, что не работают с реальными игроками. Агва, например, какого бы уровня мастерства ни достигла, не сможет взаимодействовать с имитацией, а у мистифов подобная способность заложена изначально.

– То есть в Далеких землях они фактически бесполезны, – скривился Тарос.

– Ну почему же? – Арк-Ми улыбнулся. – У телебов есть имитации. Конечно, вы гордитесь тем, что полностью контролируете игровой процесс, но подумайте о низших формах жизни в локации. Кромны, авары, ийсы, люмиды – все это имитации. Мистиф с высоким уровнем мастерства может создать армию кромнов, которым не нужны всадники, а перед сражением, можно будет наслать на противников полчища грызунов. Представляете, какой ущерб могут причинить ийсы, если научиться управлять ими?

Телебы переглянулись, решив промолчать. Арк-Ми тоже не спешил продолжать, выбирая оптимальное место для засады.

– Если мне не изменяет память, то при срабатывании ловушки, как та, в которую попал Тим, иддалы должны появиться

до конца игрового дня. Если мы им не помешаем, то наш друг очнется завтра в темницах Сфинкс.

– То есть нам не обязательно захватывать их в плен, заставляя освободить Тима, – достаточно дождаться перезагрузки? – догадался Тарос.

Арк-Ми кивнул, похвалив телеба за сообразительность.

– Ничего особенного, – смутился тот. – Просто большинство ловушек в Далеких землях работает по такому же принципу.

Разделившись на две группы, они начали ждать появления иддалов. Арк-Ми, Гамбино и Агва должны были принять на себя главный удар. Им надлежало устроить западню для иддалов, напасть на воинов Тидея, пользуясь магией Агвы и пращами телебов – то есть не сближаться с опасными бойцами, – а затем отступить, перегруппироваться и приготовиться прийти на помощь к Таросу, Ковену и Гедеру, которые должны были сдерживать иддалов, не позволяя забрать Тима.

– Главное – продержаться до вечерней перезагрузки, – сказал Арк-Ми перед тем, как они заняли позиции, хотя все и так поняли суть задуманного.

– Как бы не потерять в заворушке еще больше людей, – ворчал торговец, набирая камней, чтобы метать из пращи.

– Бери те, что находятся на территории Голиафских гор, – посоветовал Арк-Ми. – После того, как телебы начали довольно часто покидать Далекие земли и проникать в Аид, разработчики снизили процент попадания брошенных из пращи снарядов, увеличив погрешность в соответствии с удаленностью от родины телебов. Сомневаюсь, что кто-то особенно распространяется, но если телеб попадет, скажем, в закрытый город или в Эдем, то там его промахи составят до пятидесяти процентов вместо практически абсолютной точности в Далеких землях. Так что бери камни Голиафских гор. Здесь погрешность при броске будет не больше двадцати процентов.

Гамбино проворчал что-то себе под нос, выражая недовольство, но к совету все-таки прислушался. Неважно, что купец не держал в руках оружия уже очень давно, главное – он был телебом, а это означало, что навыки пользования пращой были изначально заложены в его точку сборки. Как и то, что в смертоносный снаряд мог быть превращен любой предмет. Телебы не могли использовать для метания разве что воздух. Все остальное несло смерть противнику. Одно время игроки других локаций, считая, что все дело в волшебной праще, покупали примитивное оружие жителей Далеких земель через голиафских перекупщиков, но затем все поняли, что дело в игровых точках сборки самих телебов.

– Если с иддалами не будет мистифа или кербера, то воспользуйся заклинанием связывания, – сказал Арк-Ми колдунье. И, уже обращаясь к торговцу: – Иддалы практически неуязвимы. У них глаза по всему туловищу. Наша задача – лишить их этого преимущества. Не бросайте снаряды беспорядочно – старайтесь выбивать им глаза с одной стороны, чтобы у группы Тароса был шанс использовать это в близком бою.

– А если появится мистиф или кербер? – спросила Агва, смутно догадываясь, что скажет новый знакомый. – В этом случае мне придется отвлечь их внимание на себя, верно?

– Верно, – согласился Арк-Ми.

– А если у меня не получится? В Далеких землях нет керберов, поэтому мне неизвестно, какие применять заклинания. Я уже не говорю о поединке с мистифом…

– О мистифе можешь вообще не переживать. Они не такие могущественные, как кажется. Сама подумай – им дана власть над имитациями в обмен на запрет взаимодействовать с обычными игроками. Если доведется с ним столкнуться, то следи, чтобы он не натравил на тебя имитаций, которые будут крутиться поблизости. Есть у них, конечно, способность взаимодействовать, как и у обычного мага, с неживыми предметами, но этим, насколько я понимаю, ты и сама не брезгуешь. К тому же мистифов высокого уровня не так много, да и маловероятно, что они станут мараться, собирая пойманных в ловушку жертв. Если кто-то и появится, то это, скорее всего, будет ученик мистифа, которого мастер натаскивает управлять имитациями иддалов, а с таким, ты, пожалуй, должна иметь преимущество. Главное – помни, что мистифы не могут причинить вред игроку напрямую, только взаимодействуя с имитациями.

Они замолчали, увидев появившуюся на горизонте группу чужаков. Установленные на подступах к ловушке магические камни слежения показали, что в группе из шести персонажей только один является настоящим игроком.

– Полагаю, это мистиф? – спросила Агва, разглядывая человека в черном плаще.

Голову незнакомца скрывал капюшон. Системы анализа не могли узнать уровень умений, так что оставалось надеяться, что Арк-Ми оказался прав и за жертвами настоящий мистиф не пойдет сам, а отправит ученика.

– А вот это уже нехорошо, – тихо сказал Гамбино, разглядев трехголового пса со змеей вместо хвоста. – Думаешь, Агва сможет противостоять сразу мистифу и керберу? – спросил он Арк-Ми.

– Сомневаюсь.

– Может быть, тогда связаться с Таросом и сказать, что засада отменяется?

– Не думаю, что он согласится бросить Тима… Да и поздно уже идти на попятный, – сказал Арк-Ми, указывая на кербера, три головы которого принюхивались, почуяв чужаков.

– Что тогда делать? – занервничал торговец. – Попробовать стравить кербера с кромном? Но что если кромн получит сильные повреждения? Кто тогда будет тащить повозку с товаром?

– Нельзя использовать кромна, – сказал Арк-Ми, злясь на несообразительность Гамбино. – Кромн – имитация. Мистиф, скорее всего, подчинит его волю и натравит его на нас.

– Верно, – торговец нервно грыз полные губы. – Значит, остается бежать?

– Тарос не побежит, – напомнила ему Агва.

– Но…

– Никто никуда бежать не будет, – Арк-Ми оборвал торговца на полуслове. – Кербер уже почувствовал нас. Думаешь, он позволит нам сбежать?

– Лучше призрачный шанс, чем никакого.

– Призрачный шанс – это остаться здесь и попытаться перехитрить мистифа.

Озвученная Арк-Ми идея показалась Гамбино настолько безумной, что он не смог даже рассмеяться, хотя желание превратить новичка в посмешище было. Особенно не нравилась торговцу та часть, где он должен был превратиться в приманку и увести за собой кербера.

– Если повезет, то ты успеешь добежать до повозки с товаром. Мы будем отвлекать мистифа, так что у тебя появится шанс натравить на трехголового пса кромна. Думаю, последний сможет продержаться, пока на помощь не подоспеют Тарос, Ковен и Гедер, – сказал Арк-Ми.

Гамбино растерянно кивнул, покосился на Агву, надеясь, что у нее появится план получше, но колдунья молчала. Купец тяжело вздохнул и, держась за нагромождением валунов, начал продвигаться в сторону от места засады. Заняв наиболее удобную позицию, он подпустил приближающуюся группу на расстояние выстрела пращи и выпустил три снаряда, стараясь попасть в трехголового пса. Все три снаряда попали в цель. Кербер зарычал, его змея-хвост зашипела. Гамбино вышел из укрытия, раскрутил над головой пращу и выпустил еще четыре снаряда. Два из них попали керберу в грудь, два других были нацелены в мистифа, на случай, если чернокнижник контролирует кербера, не позволяя начать преследование наглеца.

– Ого! – сказала Агва, увидев, как появившееся защитное поле

превратило в пыль выпущенные торговцем камни. – Я бы так не смогла. Если подобные способности доступны ученику, то боюсь даже представить, какой силой обладает мистиф-мастер.

– Сомневаюсь, что перед нами ученик, – сказал Арк-Ми, признаваясь, что понятия не имеет, что такой сильный маг делает возле Голиафских гор. – Может быть, Гедер прав и голиафцы в последнее время стали торговать со всеми народами «Фив»?

– Что делать нам? – занервничала Агва, наблюдая, как кербер начинает преследовать торговца.

Купец бежал быстро, но расстояние между ним и трехголовым псом сокращалось быстрее.

– Какое из запрещенных в Аиде заклинаний ты можешь сделать? – спросил Арк-Ми, понимая, что план нужно срочно менять.

– Не знаю, – растерянно пожала плечами Агва. – Может быть, получится вызвать кровавый дождь. В Далеких землях он эффективен во время погребальных ритуалов, позволяя преобразовать появляющиеся в местах захоронений предметы мертвецов в энергию, которую маг может использовать для других заклинаний.

– Я знаю, что такое кровавый дождь, – сказал Арк-Ми.

– Это привязанное к локации мага заклинание, так что здесь, думаю, оно будет вне закона, – колдунья нахмурилась. – Вот только не понимаю, как подобное сможет нам помочь?

– В качестве наказания появится Грифон. Он захочет покарать тех, кто осмелился нарушить игровые правила…

– То есть тех неприятностей, что уже есть, нам мало? – окончательно запуталась Агва.

– Мистифы не должны появляться здесь. Так что Грифон, надеюсь, заинтересуется не только нами, но и другим нарушителем.

Агва покачала головой, обозначив, что не верит в успех авантюры.

– У тебя есть другие идеи? – спросил Арк-Ми.

Колдунья тяжело вздохнула и начала подготавливать сложное заклинание, жалуясь, что оно требует потратить треть имевшихся у нее с собой специальных трав и порошков из перемолотых костей животных.

– К тому же я не знаю, какой эффект оно будет иметь здесь, – проворчала она, вычерчивая на земле десяток символов, необходимых для финальной части заклинания.

Низкое серое небо начало пульсировать. Послышался далекий раскат грома. Мерзкая желеобразная масса, служившая в Аиде облаками, вздулась сотнями гнойных нарывов.

Иддалы и мистиф, приближавшиеся к устроенной им засаде, замерли и, запрокинув головы, уставились на небо. Из своего убежища Арк-Ми мог видеть лицо чернокнижника, для которого происходящее, кажется, стало неожиданностью. По гнойным нарывам побежали тысячи крохотных трещин.

– Думаю, будет лучше спрятаться куда-нибудь, – сказала Агва. – Кажется, в Аиде заклинание кровавого дождя имеет какой-то другой эффект.

Колдунья смешала порошки из разных мешочков, извлеченных из походной сумки, и, сдув смесь с ладони на гигантский валун, произнесла короткое заклинание. Часть валуна превратилась в пыль, образовав углубление, в котором могли спрятаться два человека. Агва схватила Арк-Ми за руку и затащила в убежище за мгновение до того, как вздувшиеся на небе нарывы лопнули, высвобождая сотни молний, ударивших в долину и Голиафские горы. Арк-Ми на мгновение выглянул из убежища, желая убедиться, что вакханалия имеет ограниченный периметр и не затрагивает устроенную Таросом засаду.

– Ну что там? – спросила Агва, перекрикивая раскатистые удары грома.

– Сложно сказать, досталось Таросу или нет, а также успел ли Гамбино покинуть зону поражения, но мистифа точно накрыло. Конечно, он успел активировать защитный купол, но… – Арк-Ми подготовил набранные в Голиафских горах камни и достал пращу. – Сейчас, пока не появился Грифон, нам нужно втянуть мистифа в битву.

– Ты с ума сошел? У меня нет заклинания, способного защитить нас от молний.

– Дойдем так. Они бьют по определенной системе. Не скажу, что занимался именно молниями, но принцип работы всех природных стихий в «Фивах» схож, так что… – Арк-Ми выбрался из убежища, отмечая, что непогода стихает. – Нам нужно вступить с мистифом в переговоры, – он раскрутил над головой пращу и выпустил снаряд, привлекая к себе внимание.

Камень разбился о защитный барьер, созданный мистифом. Иддалы заметили нового противника, оскалили пасти, находившиеся в районе животов, готовясь к атаке, но чернокнижник контролировал их.

– Пойдем! – позвал Арк-Ми колдунью, увернувшись от ударившей в землю возле его ног молнии.

– Мы погибнем! – крикнула Агва, не собираясь покидать безопасное убежище.

– Ты погибнешь, если останешься здесь. Как думаешь,

что произойдет, когда появится Грифон?

– Ты сказал, что мистиф нарушает правила, так что…

– Ты тоже нарушила правила, вызвав этот шторм.

Агва заворчала, присоединяясь к Арк-Ми. Не переставая атаковать мистифа, они приблизились к нему, трижды едва не поджарившись от прямого попадания молнии. Но, кажется, у них, как сказал Арк-Ми, действительно была система, зная которую можно избегать прямых попаданий.

– Кто вы такие? – спросил мистиф, продолжая прятаться за силовым полем, которое не могли разрушить ни молнии, ни камни Арк-Ми, ни заклинания Агвы. – Вы понимаете, что не сможете навредить мне? А эта буря… Не знаю, понимаете вы или нет, но от подобного заклинания больше бед, чем пользы. Это запрещено в Аиде. С минуты на минуту появится Грифон, чтобы наказать нарушителей. Полагаю, объяснять, по чью душу он придет, не требуется?

– Грифон карает любых нарушителей, попавших ему под руку, – сказал Арк-Ми, продолжая маневрировать, избегая смертельных попаданий молний. – И не говори, что оказался здесь случайно. Тебя привел попавший в ловушку игрок. Думаю, ты, будучи мистифом, работаешь над тем, чтобы снять ограничения, не позволяющие тебе работать с точками сборки обычных игроков.

– Не понимаю, о чем ты, – сказал мистиф.

– Перестань, – Арк-Ми улыбнулся, едва не прозевав очередной удар молнии. – Я входил в первый круг разработчиков «Фив» и неплохо знаком с принципами создания тех или иных персонажей, а также с системой последующей раскрутки этих персонажей среди поклонников игры.

Арк-Ми запрокинул голову, велев Агве замереть. Несколько молний ударили в землю так близко от них, что, продолжай они двигаться, попаданий было бы не избежать.

– А это было близко, – вытаращила глаза колдунья, прервав на мгновение чтение заклинаний атаки, отчего магические потоки энергии, атаковавшие щит, утратили стройность, растаяв искрящимися завихрениями.

Иддалы зарычали, попытались выбраться за пределы созданного мистифом барьера и атаковать колдунью.

– Думаю, Грифон появится раньше, чем закончится буря, – сказал Арк-Ми, продолжая смотреть в небо.

Его слова заставили чернокнижника усилить мощность созданного барьера, чтобы не выпустить иддалов.

– Почему ты хочешь погубить меня? – спросил он. – Что я тебе сделал?

– Ничего.

– Тогда зачем жертвовать собой, вызывая Грифона?

– Никто никем не жертвует. – Арк-Ми схватил Агву, спасая от очередной молнии. – Мне, если честно, вообще до тебя не было никакого дела, пока в капкан теней не угодил один из нашего каравана.

– Каравана? – растерялся мистиф. – Так вы контрабандисты? Не знал, что голиафцы стали пропускать телебов через горы.

– Они обещали раскрыть нам тайну своих тоннелей, если мы достанем для них амулет ин-незов.

– Амулет ин-незов? – мистиф нахмурился, пытаясь понять, как могут использовать этот магический артефакт представители горного народа. – На кой черт голиафцем сдался амулет ин-незов?

– Они привязаны к своей локации. Амулет поможет им обойти эти ограничения. Представь, если бы этот артефакт мог помочь тебе получать контроль не только над имитациями, но и над игроками. Разве ты не захотел бы получить его? – Арк-Ми увидел, как вспыхнули под капюшоном глаза мистифа. – Не радуйся, амулет ин-незов в реальности бесполезен для тебя. По крайней мере, решить проблему взаимодействовать с точкой сборки игроков не поможет – точно. Поверь мне. Я знаю, что говорю, потому что лично занимался программированием многих систем в «Фивах».

– Если ты был разработчиком, то почему стал игроком?

– Долгая история, – отмахнулся Арк-Ми, разглядев в небе образ приближающегося Грифона. – Скажу лишь, что нас в «Фивах» целая группа и мы планируем сбросить с трона Сфинкс и захватить закрытый город. Не знаю, как тебе, а мне кажется, это намного интересней, чем ловить игроков, пытаясь разблокировать дополнительные возможности мистифа, которые в реальности – всего лишь миф, придуманный разработчиками, чтобы повысить спрос на игровые ключи персонажа.

– Так все мои старания напрасны? – растерялся чернокнижник. – А как же тайные задания и сложные квесты, в которых многие ссылки косвенно намекают, что снятие блокировок возможно?

– Вот именно – намекают, но нет ни одного очевидного указания. Подумай сам, ведь мистиф, который сможет подчинять не только имитации, но и простых игроков, станет обыкновенным прокачанным магом. Зачем разработчикам тогда вообще создавать мистифов?

Чернокнижник промолчал, наблюдая, как, кружась по спирали, с неба спускается Грифон.

– Сейчас все зависит от тебя, – сказал Арк-Ми мистифу. – Либо мы продолжим вражду и вылетим из игры, потому что для Грифона мы все нарушили закон, либо объединимся в группу, обозначив главной целью организацию устойчивого торгового канала между Аидом и Далекими землями. Не знаю, в курсе ты или нет, но разработчики поощряют образование союзов. Это выгодно как с экономической точки зрения, так и с точки зрения адаптивных алгоритмов «Фив», контролирующих игровой процесс и поведение имитаций, потому что группы игроков проще контролировать, чем одиночек.

– Не понимаю, как это поможет нам избежать кары Грифона?

– Адаптивным алгоритмам запрещено уничтожать группы. Если ты, я и Агва вступим в союз, то образуем группу с минимальным количеством участников. Убив одного из нас, Грифон уничтожит группу, нарушив директиву разработчиков. Конечно, нарушение с нас никто не снимет, и стоит только принять в группу новичка или самолично развалить группу, что случится, если один из нас погибнет, то Грифон тут же нарисуется, чтобы забрать жизни остальных, но к тому времени, надеюсь, мы что-нибудь придумаем. Главное – избавиться от стража Аида сейчас. – Арк-Ми тронул Агву за руку, попросив перестать атаковать защитное поле мистифа. – Полагаю, мы только что приобрели союзника.

– Что? – растерялась колдунья, недоверчиво глядя на мистифа.

– Я прав? – спросил чернокнижника Арк-Ми, стараясь не обращать внимания на приземлившегося за спиной Грифона.

Мистиф сомневался, пока не услышал грозный львиный рык стража Аида.

– Хорошо! – сдался он. – Давайте организуем группу… Мне все равно надоело уже играть в одиночку.

Глава третья

Каменный тоннель уходил круто вниз, открывая игрокам проход в мир великанов. Протоколы восприятия обострялись, оживляя информационные базы о жутких временах, когда, по задумке разработчиков, великаны жили на поверхности. Чувства страха и дрожь были искусственными. Саломея и Сет понимали это, но противиться этому не могли. Перед глазами настырно витали образы вырубленных из горных пород тел великанов-штурмовиков, крушащих защитные сооружения армий Аида ценой своих конечностей, чтобы идущие за ними братья смогли добраться до предводителей новых богов.

– По-моему, с информационными протоколами разработчики иногда перебарщивают, – сказал Сет.

– А меня больше напрягают чрезмерно обостренные восприятия, когда нужно выполнять сложные задания, – сказала Саломея.

Освещение в тоннелях великанов осуществлялось благодаря фиолетовой люминесценции разбросанных повсюду камней. Победив каменного великана, Саломея и Сет спустились в созданный им тоннель, надеясь, что этим закончится игровой день, а после перезагрузки они очнутся на финишной прямой, в конце которой их будет ждать каньон Ветров и четвертая армия, но не все было так просто. Покинув комнату личных достижений, Саломея и Сет обнаружили себя там же, где закончили предыдущий игровой день.

– У меня в КЛД после победы над каменным великаном открылась возможность смены персонажа, – сказал Сет. – Конечно, мне это сейчас уже не выгодно, но предлагают стать странником. Если верить информационным протоколам, то этого персонажа невозможно приобрести, начиная игру, – только заслужить, выполнив сложный квест или приняв участие в грандиозном сражении… – бывший контрабандист старался говорить не поднимая глаз, чтобы не злить Саломею, персонаж которой сменился на амазонку. – Я теперь в раздумьях, – продолжал он, осторожно продвигаясь вперед, все глубже и глубже под землю, в мир великанов. – С одной стороны, стать странником – это круто, а с другой – я потеряю большую часть навыков, приобретенных за время, когда был контрабандистом. Вот если бы система пошла навстречу, позволив сохранить хотя бы половину умений, как в твоем случае… – Сет улыбнулся, услышав брань Саломеи, которая последний час крыла на чем свет стоит свой новый образ полуобнаженной воительницы. –

Успокойся, – посоветовал бывший контрабандист. – В современно мире никого не заботит сексуальность людей. Я уже не говорю о том, что «Фивы» построены в Подпространстве, где плоть по определению отсутствует, а то, что нас окружает, имеет образы, напоминающие материальный мир, только благодаря протоколам восприятия, заложенным в наши точки сборки.

– Не забывай, что я работала инженером, – поморщилась Саломея. – Так что разбираюсь в подобных деталях получше тебя, вот только… – она в очередной раз окинула по мере возможности свое тело гневным взглядом. – Черт, знаешь, что больше всего раздражает?

– Что нельзя сменить одежду?

– Одежду? Да на мне практически нет одежды!

Саломея выругалась, услышав смех Сета. В первые минуты после начала нового игрового дня она потратила четверть часа, чтобы прикрыться, но любая одежда, которую она пыталась надеть, превращалась в пыль. Допускались лишь две узкие полоски кожи, опоясывающие грудь и бедра.

– Да у меня на сапогах кожи больше! – разозлилась Саломея.

Амазонки были сильными и ловкими, но разработчики не предусматривали использование какой-либо брони. Не был обширным и доступный им арсенал, зато луком, копьем, лассо и коротким кинжалом они владели в совершенстве даже на базовых уровнях, не говоря уже о практически безграничной возможности развития этих навыков.

Также амазонки не могли пользоваться заклинаниями и прочими магическими штучками, включая те, что использовали целители. Взамен разработчики наделили их впечатляющими показателями выносливости, здоровья, живучести и самоисцеления. Мало кто мог забрать жизнь воительницы одним ударом, пусть и самым точным. Смерть наступала по совокупности ранений.

– Попробуй выстрелить из лука, – посоветовал Сет, когда гнев Саломеи на полуобнаженный образ воительницы начал стихать.

Лук и колчан со стрелами они нашли после победы над великаном. Тогда уровень оружия и его особенности были неизвестны им, но сейчас Саломея обнаружила, что, сколько бы стрел она ни выпустила, колчан за плечами остается полным.

Навыки стрельбы тоже были на высоте. Смена персонажа повлекла за собой смену игровой точки сборки, а также информационных протоколов. Конечно, прежний образ танцовщицы превосходил амазонку в плане гибкости, но вот все остальное… Саломея не хотела признаваться, но ей нравилось чувствовать силу, зная, что в новой заварушке она не станет

обузой, а сможет теперь постоять за себя.

Тоннель сузился, а затем и вовсе уперся в тупик, образовавшийся в результате обвала горных пород.

– Думаю, планируется, что мы должны его разобрать, – сказал Сет, оглядевшись, но не найдя других вариантов продвижения по тоннелю.

Он подошел к завалу и попытался откатить самый большой камень.

– Чего стоишь, помогай! – зашипел бывший контрабандист на Саломею, напоминая, что она теперь не хрупкая танцовщица. – Думаю, сил у тебя не меньше, чем у меня… – он замолчал, потому что Саломея без видимых усилий убрала с пути камень, который он не мог сдвинуть с места. – Ого!

– Хоть какие-то плюсы, – проворчала Саломея, наклонилась, собираясь, убрать с пути еще одни камень, поймала на себе взгляд Сета, выругалась. – Может, хватит пялиться?

– Да я не…

– Давай помогай разбирать завал, хиляк! – она подхватила увесистый булыжник и передала другу, зная, что для него это слишком большой вес.

Сет крякнул, согнулся под тяжестью ноши и, шатаясь, понес булыжник прочь.

– То-то же, – буркнула Саломея, убирая с дороги следующий камень.

Когда они закончили с завалом, из проделанного отверстия повеяло жаром. К фиолетовой люминесценции камней добавились красные всполохи далеких огненных вспышек. Редкие шорохи, рождаемые пробегавшими под ногами грызунами, да звуки осыпавшихся крошечных камней и песка сменились звуками бурлящей лавы, ударами топоров, криками надсмотрщиков и грохотом гигантских каменоломен.

От обостренного восприятия перехватило дыхание, но информационные протоколы остались глухи к происходящему, не добавляя сведения о том, что происходит за образовавшейся брешью. Были доступны лишь небольшие сведения о мире великанов, которые воспринимались на уровне сплетен, услышанных когда-то, – фиктивные ядра воспоминаний, способные временно подменять реальные ядра игроков.

– Вот это мне тоже не нравится, – проворчала Саломея. – Почему создатели «Фив» считают, что у них есть право забираться к нам в голову?

– Зато усиливает ощущение полного погружения, – улыбнулся Сет.

– И заставляет забывать реальность, – подметила бывшая

танцовщица, вспоминая, как, находясь в закрытом городе, не могла не то что говорить об оставшейся в реальности дочери, но даже думать о ней. – Я почти забыла Аришу, – сказала она. – Если бы мне не посоветовали выделить для воспоминаний о дочери часть информационного пространства в комнате личных достижений, то, думаю, я могла бы просто забыть о ней.

– Многие ради этого и приобретают ключи игроков, – пожал плечами Сет. – Хотят отвлечься, забыться.

– Не спорю, но зачем всех стричь под одну гребенку? – новоиспеченная амазонка жестом велела Сету первому пробраться в отверстие, ведущее в мир великанов. – Почему-то большинство проектов, созданных в Подпространстве, нацелены на то, чтобы разорвать связь человека с его прежней жизнью. Не все этого хотят.

– Говоришь как коренной житель первого уровня реальности, – подметил Сет, выбравшись с другой стороны завала.

– Так и есть, – не без гордости сказала Саломея, карабкаясь следом за другом. – Когда я работала инженером в игровом проекте Размерности, то мы вообще не вмешивались в процессы восприятия игроков. Они получали тела клонов, и на этом перемены заканчивались. А в «Фивах»… – она выбралась из узкого отверстия и встала рядом с Сетом. – Ты знал, что в закрытом городе контролируют разговоры между игроками, не позволяя отклоняться от легенды твоего персонажа?

– Да ну! – вытаращил глаза бывший контрабандист. – Если честно, то верится с трудом, потому что в Аиде ничего подобного не встречается.

– Насколько я поняла, системы начинают контролировать общение, когда вокруг преобладают имитации, притворяющиеся реальными игроками. Это позволяет им не выдать себя, сохраняя иллюзию востребованности площадки. Говорят, что в закрытом городе соотношение имитаций с игроками давно не в пользу последних.

– Ну, в стране великанов, думаю, мы вообще не встретим реальных игроков, – пожал плечами Сет, начиная осторожно продвигаться вперед.

– Дело не в наполнении площадки имитациями, а в том, что разработчики начинают вмешиваться в процесс восприятия обычных игроков, – возразила Саломея. – Погружение в процесс – это, конечно, хорошо, но подмена воспоминаний и блокировка нежелательных разговоров – никуда не годится. В конце концов, какой бы интересной и динамичной ни была игра, она не должна заставлять человека терять связь с реальностью…

Они услышали далекий рев великана и растерянно переглянулись.

– Не знаю, как тебе, а лично мне интересно посмотреть, что нас ждет в мире великанов, – сказал Сет.

Саломея взялась за лук, готовая отражать атаку. Впервые за этот игровой день она подумала, что быть амазонкой не так уж и плохо. По крайней мере, теперь не нужно прятаться за спины других. К тому же у нее сохранилась способность вызывать карманного дракона. Теперь, учитывая живучесть амазонок, можно будет использовать Криоса чаще. А потерю таких магических способностей, как вселять страх и создавать двойника, приобретенных, когда она уничтожила храм Пейофы, можно пережить.

Саломея обернулась, наблюдая, как оживленный бог Иакх, утратив материальность, проходит сквозь завал. Имитация не вызывала проблем прежде, и бывшая танцовщица надеялась, что не вызовет в будущем. Но надежды не оправдались.

Мир великанов выглядел сложным, непостоянным, пластичным. Саломея и Сет выбрались из тоннеля и замерли, пытаясь понять, что происходит в локации, где они оказались, выполняя задание, связанное с оживлением четвертой армии. Пещера выглядела необъятной. Десятки гигантских вулканов выбрасывали лаву, которая по вырубленным в скалах желобам перенаправлялась на жернова или подъемные роторные механизмы, приводимые в действие тысячами голиафцев, закованных в кандалы. Лопасти роторов поднимали лаву к терявшемуся в копоти и облаках пепла верху пещеры-мира, откуда она струилась по вырубленным в стенах канавкам десятками тысяч крохотных ручьев, обогревая и освещая мир великанов. Ближе к низу лава остывала и становилась частью горных пород, съедая пространство.

Другие пленные голиафцы, звеня кандалами на ногах, без устали работали на каменоломнях, вгрызаясь в горы, чтобы мир, уменьшающийся из-за постоянно поступающей лавы, сохранял свои размеры. Расколотые горные породы грузились в емкости подвесного конвейера и доставлялись к жерновам, где уничтожались. Чтобы пыль от переработки каменной породы не заполняла воздух, в жернова поступала лава. Смешивая с измельченными камнями, она вытекала в установленные внизу отстойники, где рабы-голиафцы ковали из нее кандалы и инструменты для каменоломни.

Добавленные в точки сборки Саломеи и Сета информационные протоколы показали, что в мире великанов требуется постоянно поддерживать высокие температуры,

необходимые для нормального существования детей титанов. Согласно игровой легенде, в давние времена, когда они жили на поверхности, мир Аида был другим. Повсюду клокотали вулканы. Небо закрывали облака серы. Температуры намного превышали нынешние. А дети титанов, расплодившись, уничтожали мир, потому что им стало тесно жить бок о обок с обычными людьми и правящими ими богами. Великаны готовились к великой войне, желая остаться единственными хозяевами темного мира.

Тогда древние боги заключили договор с первыми магами, наделив их силой, чтобы армии людей могли бороться с великанами. Также боги понизили температуры, сделав их некомфортными для детей титанов. Чувствуя покровительство свыше, жители Аида объединились и смогли изгнать детей титанов сначала в Голиафские горы, а затем дальше, под землю. Но великаны успели пленить представителей горного народа, создав из них армию слуг, которые построили для них подземный мир.

Сейчас дети титанов находились в состоянии дремоты, так как температуры в подземельях были недостаточными для их нормального существования. Тысячи пленных голиафцев работали не покладая рук, отыскивая новые жерла вулканов и перенося дремлющих великанов к новым источникам тепла, но этого было недостаточно.

Иногда тот или иной ребенок титанов пробуждался и, помня о былых временах, пытался выбраться наружу. С одним из них столкнулись Саломея и Сет. Дополнительные информационные протоколы показали ряд второстепенных квестов, выполнив которые можно получить волшебные кандалы пленных голиафцев, преумножающих силу в десяток раз, магическую кирку, благодаря которой игрок мог проложить самостоятельно проход в большинстве горных пород или освоить заклинание, необходимое, чтобы создавать вулканы на поверхности Аида. Также сообщалось, что при желании получить дополнительные сведения о доступных бонусах и квестах в мире великанов нужно отыскать среди пленных голиафцев шамана, после чего станут доступны новые информационные ядра.

– Похоже, победив вчера великана, мы открыли доступ к новой локации, – сказал Сет.

– Думаю, доступ был открыт и прежде, просто разработчики не угадали с выбором местоположения входа, – сказала Саломея, вспоминая приключения Джаво, когда мальчику пришлось спускаться в королевские рудники закрытого города, чтобы встретиться с богиней Гекатой и получить от нее способность

укрощения змей, необходимую, чтобы он смог избавиться от наложенного на него заклятия. – Там тоже, по его словам, было много тоннелей, ведущих в мир великанов, – напомнила Саломея, хотя Сет и без нее знал историю Джаво – до того, как покинуть игровую площадку, мальчишка все уши прожужжал друзьям, рассказывая о том, какие квесты выполнял перед тем, как попасть в Аид.

– Да, закрытый город – явно неудачный выбор входа в мир великанов, – согласился Сет. – Люди, приобретающие ключ игрока этой локации, явно хотят просто отдохнуть от двухуровневого мира в вымышленной реальности, где нет грандиозных сражений и постоянного движения… Слышал, что там есть даже персонажи хлебопашцев, которые сеют поля и занимаются торговлей.

– Я начинала игру со встречи с хлебопашцем, – поморщилась Саломея. – Хотя быть актрисой или танцовщицей тоже не очень интересно.

– Думаю, тебе вообще не нравятся игровые площадки, – подметил Сет. – За все время, что я тебя знаю, ты постоянно чем-то недовольна. Не обижайся, конечно, но зачем ты вообще приобрела ключ игрока?

– Говорю же, хотела заработать, – пожала плечами новоиспеченная амазонка.

Сет хотел поспорить, но его отвлек следовавший за ними Иакх. Древнее божество, обычно флегматичное до отвращения, оживилось и, подойдя к краю скалы, начало с интересом изучать мир великанов.

– Что это с ним? – растерялся Сет.

Информационные протоколы показали древних богов, решивших избавить созданный ими мир от губительного воздействия великанов, даровав жителям Аида силу победить детей титанов. Иакх был среди тех богов, что вынесли приговор великанам. Сейчас, видя, что дети титанов уцелели, он был зол.

– Куда он пошел? – всплеснул руками Сет, увидев, как древнее божество начинает спускаться в центр мира детей титанов вместо того, чтобы двигаться вдоль обраставших застывшей лавой стен к выходу в каньон Ветров.

Саломея выругалась и побежала догонять Иакха. Она собиралась остановить его, схватив за руку, но получила электрический разряд такой силы, что не удержалась на ногах.

– Ты в порядке? – спросил Сет, помогая подняться.

Саломея кивнула и продолжила преследование Иакха, правда на этот раз не пытаясь его остановить.

– Что, черт возьми, он задумал? – ворчал бывший

контрабандист.

Плененные голиафцы, рост которых превосходил рост Сета и Саломеи в два раза, почтенно расступались, пропуская имитацию древнего бога. Надсмотрщики, тоже из рода голиафцев, но, согласно игровой легенде, за тысячелетия существования мира великанов возомнившие себя наместниками детей титанов, замирали с занесенными для удара кнутами. Лишь одному из них хватило смелости хлестнуть вверенную ему группу закованных в цепи голиафцев, заставляя продолжать вращать роторы, поднимавшие лаву.

– Чего замерли, псы? – заорал он. – Хотите, чтобы дети титанов замерзли и погрузились в вечный сон?

Рабы не двинулись с места, пялясь блестящими глазами на черных от копоти лицах на проходящего мимо них Иакха, словно чувствуя в нем силу. Это разозлило надсмотрщика, и он попытался хлестнуть Иакха. Длинный кнут со свистом рассек воздух, но превратился в пепел, едва коснувшись древнего бога. Распад начался от кончика кнута и закончился рукояткой, перекинувшись на надсмотрщика, который успел лишь вскрикнуть, а затем превратился в пепел. Среди рабов прокатился тревожный шепот. Иакх замер, обернулся, наградил закованных в цепи голиафцев отрешенным взглядом, затем пошел дальше. Кандалы пленников открылись, падая со звоном на камни под ногами. Дарованная свобода, казалось, напугала голиафцев сильнее, чем смерть надсмотрщика. Какое-то время они растерянно оглядывались, затем осторожно начали покидать рабочее место, рядом с которым провели всю жизнь.

Свобода пьянила. Рабы качались и начинали оживать. Голоса их становились громче: сначала удивленные возгласы, затем рациональные реплики о полученной свободе, и наконец – крики негодования, когда в поле зрения попали другие скованные цепями рабы и приставленные к ним надсмотрщики с кнутами. Возмущенные вопли эхом прокатились по громадной пещере.

Получившие свободу голиафцы загалдели, бросившись освобождать ближайших к ним братьев. Надсмотрщики оживились, начали хлестать рабов. Некоторые из них выразили недовольство, но большинство начало послушно исполнять приостановленную во время появления Иакха работу. Жернова и роторы снова начали вращаться, оживляя мир великанов. Лава, поднятая к сводам пещеры, потекла вниз, повышая температуру. Застучали молотки в каменоломнях и кузнях, где делали инструменты… Но маленький бунт продолжался.

Освобожденные голиафцы быстро поняли, что не смогут сорвать голыми руками кандалы с рук собратьев и бросились

к ближайшей кузне, не обращая внимания на надсмотрщиков, охаживавших их без устали кнутами. Бывшие рабы хотели получить необходимый инструмент, чтобы разрубить цепь, сбить заклепанные кандалы с рук и ног братьев.

Бунт был крохотным в масштабах огромного мира великанов и, скорее всего, обречен захлебнуться, но протоколы восприятия Саломеи и Сета обострялись, заставляя переживать за борьбу голиафцев, желавших получить свободу.

– Иакх! – вспомнила Саломея, когда ноги уже сами несли ее помогать восставшим голиафцам.

– После! – одержимо крикнул Сет, сжимая в руках лабрис, предвкушая, как раскроит боевым топором череп надсмотрщика.

– Соберись! – крикнула Саломея. – Это не ты говоришь. Сейчас восприятия обострены до предела, заставляя плясать под дудку разработчиков. Ввяжешься в заварушку и будешь до конца дней выполнять задания и квесты мира великанов. Забыл, зачем мы здесь? – схватив Сета за руку, она заставила его остановиться.

– Но голиафцам нужна помощь! – заупрямился бывший контрабандист.

Саломея влепила ему пощечину, надеясь, что это приведет друга в чувства. Удар вышел настолько сильным, что Сет не устоял на ногах.

– Извини, забыла, что у меня теперь новый персонаж, – улыбнулась новоиспеченная амазонка, помогая бывшему контрабандисту подняться.

Он проворчал что-то нечленораздельное, потирая ушибленную щеку.

– Извини. Сам не знаю, что на меня нашло, но руки так и чешутся пустить в ход топор.

– Попытайся сосредоточиться на главном квесте, – Саломея указала взглядом на удаляющийся образ древнего бога, необходимого им, чтобы оживить четвертую армию Аида.

– Куда он идет? – спросил Сет, заставляя себя игнорировать шум начинавшегося восстания голиафцев.

– Понятия не имею, но думаю, нужно идти за ним.

Они побежали по вырубленной из цельного камня дороге, но прежде, чем сумели догнать Иакха, дорогу им преградил надсмотрщик. В отличие от собратьев, он не пытался подавить бунт, предпочитая наблюдать за происходящим со стороны, но вот чужаков заметил и решил, что обязан задержать. Высокий и мускулистый. Его украшенный скарификацией и причудливыми ожогами обнаженный торс лоснился от пота. Саломея едва успела увернуться от вспоровшего воздух кнута.

– Ловкая самка! – протянул голиафец-надсмотрщик, обнажая в улыбке острые, специально заточенные зубы.

Саломея и Сет едва доходили ему до пояса.

– Думаю, из вас получатся плохие рабы, слабые, – сказал надсмотрщик. – Таких проще придушить – и дело с концом, чем тратить на ваши спины кнут.

Он снова замахнулся, но на этот раз сделал ложный выпад, пытаясь вычислить, как будут действовать чужаки, и только после этого ударил по-настоящему.

Кнут описал дугу и опустился бывшему контрабандисту на плечо. Боль была такой сильной, что в первый момент ему показалось, что надсмотрщик отсек ему руку.

– Стреляй в него из лука! – крикнул он Саломее.

Бывшая танцовщица выругалась, признаваясь, что забыла о смене персонажа и успела выпустить в надсмотрщика три стрелы, прежде чем он нанес еще один удар кнутом. На этот раз кнут опутал Сета за пояс. Надсмотрщик кровожадно улыбнулся и потянул бывшего контрабандиста к себе. Рывок был таким сильным, что Сет пролетел шагов десять, распластавшись на каменной дороге. Три стрелы торчали из груди голиафца-надсмотрщика, но он не обращал на это внимания.

Отойдя от падения, бывший контрабандист взмахнул обоюдоострым топором, перерубив кнут. Надсмотрщик взвыл, разгневанный случившимся. Выбросив кнут, голиафец сцепил руки в замок и, занеся кулаки-молоты над головой, побежал к Сету.

– Стреляй ему в ноги! – крикнул бывший контрабандист.

Саломея выпустила в колени надсмотрщика четыре стрелы, две из которых попали в цель, но это не остановило приближающуюся громаду мышц.

– Мне конец, – пробормотал Сет, крепче сжимая в руках лабрис, но не веря, что у него есть шансы против разъяренного голиафца.

Внезапное спасение пришло в виде освободившихся рабов. Избавившись от оков, они пересекали вырубленную в камне дорогу, чтобы освободить от рабства других собратьев, невольно преградив дорогу надсмотрщику. Замерев, рабы-голиафцы хмуро уставились на своего истязателя. Повисла пауза в несколько секунд, затем рабы набросились на надсмотрщика, разрывая его на части голыми руками.

– Думаю, с нами они поступят так же, как только поймут, что мы чужаки, – тихо сказала Саломея.

Сет не спорил. Пользуясь суматохой, он и бывшая танцовщица обогнули свору почуявших кровь бывших рабов,

надеясь, что удастся догнать Иакха прежде, чем он наделает новых бед, – пустые мечты.

Древнее божество, почувствовав находящихся в спячке детей титанов, направлялось к ближайшим покоям, где спали великаны. Рабы-голиафцы попытались преградить ему дорогу на входе в опочивальню, но Иакх превратил их в пепел, не потратив на это ни секунды лишнего времени. Подобная участь ждала и первых великанов, к которым он прикоснулся. Каменные исполины раскалялись докрасна, пульсировали так пару мгновений, затем взрывались.

Облака пыли заполнили чертоги великанов. Температура повысилась в разы, пробуждая остальных детей титанов. Когда Саломея и Сет наконец-то нашли Иакха, то информационные протоколы игровой точки сборки показали, как в других опочивальнях начинают пробуждаться дети титанов. Скоро они объединятся и уничтожат чужаков. В вещмешке Саломеи появились песочные часы. Обратный отсчет начался.

– Если я ничего не путаю, то у нас есть четверть часа, чтобы убраться отсюда, – сказала она, изучая полученные часы.

– Как быть с Иакхом? – спросил Сет, наблюдая, как древнее божество разделывается с последними каменными истуканами в покоях.

Две дюжины уничтоженных великанов, кажется, успокоили гнев Иакха. Саломея ждала, что он отправится к другим покоям детей титанов, но древний бог вышел из уничтоженного чертога и замер, вернувшись под контроль игроков.

Бунты рабов тем временем обрели масштабный характер. Убийство надсмотрщика сплотило остальных надзирателей. Объединяясь в группы, они преследовали голиафцев, которым удалось освободиться. Другие, все еще скованные цепями, галдели, пытаясь вырваться, но кандалы были крепкими и надежными.

Вращающиеся жернова и роторы, поднимавшие лаву к вершинам пещеры, остановились. То тут то там взрывались переполненные жерла вулканов. Звуки взрывов смешивались с ревом пробуждавшихся великанов. Лава начинала вытекать на дороги. Температура стремительно повышалась. Видимость ухудшилась из-за пепла и копоти.

– Нужно убираться отсюда! – закричал Сет.

– А ты знаешь дорогу? – Саломея оглядывалась, пытаясь понять, куда им идти.

– Думаю, нам туда! – бывший контрабандист указал на едва различимый пролом на верхних ярусах мира великанов, куда затягивало черные облака, образовавшиеся в результате

извержений десятков крошечных вулканов.

– Ты уверен?

– Нет, но это единственная подсказка, что там есть выход наружу. Ты видишь что-нибудь другое?

Саломея решила не спорить. Они начали продвигаться к вырубленным в стенах пещеры лестницам, ведущим наверх. Иакх послушно шел следом. Время от времени у него на пути вставали либо рабы, либо надсмотрщики, которых он превращал в пепел. В отличие от древнего бога, Саломее и Сету подобные столкновения доставляли куда больше хлопот. Спасала лишь хитрость – они прятались за Иакхом, заставляя голиафцев сначала нападать на древнее божество, уничтожавшее их без видимых усилий.

Но кроме голиафцев появилась еще одна проблема – пробудившиеся ото сна великаны. Выбираясь из чертогов, где спали, они искали бросившего им вызов Иакха. Пока это были в основном каменные исполины, но на очереди шли те, что представляли собой природные стихии. Информационные протоколы, мешая продвигаться вперед, снова и снова показывали картины детей титанов: одних окутывал огонь, способный расплавить все, что окажется в опасной близости, вторых – шквальный ветер, сметавший преграды, разрывая на части противников, третьи представляли воду, способную превратиться в цунами или обрушиться гигантскими волнами на неугодных.

Последними пробуждались великаны, олицетворявшие землю. Они были крупнее собратьев, а их поступь заставляла пещеру содрогаться. Хрупкий мир, построенный внутри гор, не мог выдержать подобного. Сверху начинали срываться гигантские камни. Падая вниз, они разрушали строения, давили голиафцев. Несколько каменных осколков едва не расплющили Саломею и Сета. Их спасло то, что в этот момент они находились рядом с Иакхом, и огромная глыба превратилась в песок прежде, чем успела прикоснуться к древнему богу. Вот только песка при распаде оказалось так много, что они едва выбрались из завала.

К этому моменту бывший контрабандист и новоиспеченная амазонка находились на третьем ярусе пещер великанов – в двух лестничных пролетах от спасительного выхода. Пробудившийся великан преградил им дорогу. Его тело окутывали завихрения ветра. Свист вблизи стоял такой сильный, что заглушал грохот разваливающегося на части мира детей титанов. Земля дрожала, и от этого начали ломаться конструкции роторов, подымавших лаву к сводам пещеры. Часть сооружений устояла, но несколько

из них дали трещину в основании, завалились на бок и рассыпались. Гигантские роторы покатились, давя все на своем пути. Не щадили они ни голиафцев, ни великанов. Один из таких дисков врезался в стену, разломав лестницу, по которой поднимались к спасению Саломея и Сет, раздавив заодно преградившего им путь великана. Сын детей титанов был еще жив, когда бывший контрабандист подскочил к умирающему противнику и начал рубить его топором.

– Ты что делаешь? – заорала Саломея.

– Хочу прикончить его и получить бонусы за победу над великаном! К тому же представь, каким сильным станет лабрис, поглотив силу сына титанов.

На то, чтобы завершить задуманное, Сету потребовалось чуть больше минуты. Яркая голубая вспышка ослепила на несколько секунд глаза. Саломея уже перебралась через разрушенную лестницу. Ей пришлось прыгать с камня на камень, цепляться за выступы и балансировать на шатких возвышениях. Все это время следовавший за ней Иакх просто шел по воздуху.

Чтобы догнать Саломею, Сету потребовалось чуть больше времени – персонаж контрабандиста не был таким ловким, как амазонка. Зато у него в распоряжении были хитрости и магические заклинания.

– Надеюсь, великаны не последуют за нами, – сказала Саломея перед тем, как они покинули разрушающиеся пещеры.

– Пятая армия? – ухмыльнулся бывший контрабандист. – Боюсь, Аид не переживет подобного.

Глава четвертая

Первые два места, обозначенные на карте как возможные хранилища амулета ин-незов, оказались разграбленными. В первом случае это был частный торговец, подвергшийся нападению воров, прихвативших вместе с другими ценностями и такую безделушку, как амулет ин-незов. Во втором – хранилищем служило убежище мага, вступившего в спор с мистифами, в результате чего от хранилища остались дымящиеся руины.

– Не смотрите на меня так, я понятия не имею, кто это мог сделать, – сказал мистиф по имени Бриск, вынужденный следовать за группой торговцев из Далеких земель, после того как заключил союз с телебом Арк-Ми и целительнице Агвой, чтобы избежать гибели от лап появившегося Грифона.

Что касается остальных членов группы торговца Гамбино, то они относились к образовавшемуся союзу с явной опаской. К тому же главным инициатором объединения выступал Арк-Ми – новичок в их группе, которого они приютили после того, как он крайне неудачно начал игру и получил серьезные ранения, оказавшись в эпицентре сражения. Конечно, Арк-Ми объяснил, что объединение с мистифом было необходимо, чтобы уцелеть после появления Грифона, но телебы из охраны, Гедер и Ковен, шептались, что страж Аида появился не без причастности Арк-Ми. Глава охраны торговца и молодой телеб по имени Тим, освобожденный мистифом из ловушки, в которую попал, предпочитали молчать, понимая, что если новый маг станет действительно союзником, то их путешествие по территориям враждебной игровой локации будет менее опасным, чем без него.

– Наградил бы тебя за находчивость, – сказал Гамбино, обращаясь к Арк-Ми. – Да вот только твой союз с мистифом забрал у меня Агву, а за это, честно признаюсь, руки чешутся свернуть тебе шею.

Особенно нравилось торговцу, что мистиф взял под контроль кромна, впряженного в телегу, и теперь проблем с животным не возникало. Из обузы кромн превратился в приятный бонус, который может выступать не только вьючным животным, но и воином, если того потребуют обстоятельства. Конечно, разработчики предусмотрели возможность дрессировки кромнов и превращения их в боевые машины, но на это требовалось время и специальные навыки. Услуги дрессировщиков кромнов стоили недешево, да и после этого животное больше не позволяло впрягать себя в повозку.

– Главное, чтобы наш новый друг мистиф не переметнулся в самый неподходящий момент, – одобрил состоявшийся союз Гамбино.

Торговец попытался заглянуть новому знакомому в глаза, но капюшон скрывал лицо чернокнижника.

– Я слышал, что за мистифами закрепилась дурная слава изгоев, потому что они отказываются играть по правилам, – осторожно сказал Тим.

– А ты не думал, почему мистифы отказываются от правил? – хмуро спросил молодого телеба чернокнижник.

Тим смутился, пожал плечами.

– Наверное, можно сравнить мистифов с телебами, покидающими Далекие земли, перебираясь через Голиафские горы в Аид, – вступил в разговор глава охраны по имени Тарос, надеясь, что удастся пресечь ссору на корню.

– Нет никакой ссоры, – сказала ему Агва, в очередной раз показывая, что ее навыки ведьмы развиваются и теперь она способна читать мысли. – Нет. Особой выгоды от этой способности не получить, – улыбнулась она, снова прочитав мысли Тароса. – Это работает только с теми игроками, которые носят созданные мной обереги.

– Боюсь в Аиде от этих оберегов мало пользы, – сказал Бриск.

– Вот как? – оживилась Агва.

– Думаю, все дело в магических предметах, которыми ты пользуешься. Большинство из них предназначены для Далеких земель. В Аиде лучше обзавестись другими амулетами, порошками и травами. Да и заклинания здесь, как ты могла убедиться на примере кровавого дождя, могут давать немного другой результат, чем прежде. Я никогда раньше не встречался с колдунами, пришедшими из-за Голиафских гор, но думаю, что после смены локации у тебя в комнате личных достижений должен открыться доступ к новым информационным протоколам касательно заклинаний. Конечно, это будет не бесплатно, но…

– У телебов нет доступа к КЛД, – снисходительно улыбнулась Агва.

– Черт, всегда забываю, – сокрушенно качнул головой мистиф.

– Но может быть, есть что-то типа древних книг или фолиантов, найдя которые я смогу получить доступ к необходимым информационным протоколам? – спросила колдунья.

– Хорошая идея, – похвалил мистиф и попросил у Гамбино карту голиафцев, где были отмечены местонахождения амулетов ин-незов.

– Зачем тебе? – нахмурился торговец.

– Хочу выбрать новый маршрут так, чтобы по пути Агва могла получить доступ к заклинаниям и магическим формулам Аида.

Гамбино хмуро покосился на колдунью. Агва молитвенно сложила на груди руки. Торговец смутился, не в силах отказать.

– Ладно, – проворчал он. – Чего уж тут… Это ведь все равно игра. – Он передал мистифу карту.

Спустя четверть часа они покинули разоренное убежище мага, где все еще искрились магические завихрения, оставшиеся после нападения чернокнижников.

– Кстати, что там насчет союза мистифов? – обратился торговец к Арк-Ми, не признавая, но и перестав отрицать, что новый друг действительно когда-то входил в первый круг разработчиков игровой площадки «Фивы». – Это может быть опасным для нас? – он вспомнил информационные протоколы, показавшие сражение мага с мистифами. – Судя по тому, что произошло в месте хранения последнего амулета ин-незов, союз чернокнижников может стать грозной силой. К тому же мы не знаем, что они ищут. Что если это тоже амулеты ин-незов? Как нам себя вести, если наши дороги снова пересекутся?

– Не знаю, что они ищут, но сомневаюсь, что это амулеты ин-незов, – сказал Арк-Ми. – Да и союз этот долго не продержится.

– Откуда такая уверенность? – спросил мистиф. – Думаешь, чернокнижники не способны сотрудничать? Если честно, то подобное мнение игроков уже порядком начало раздражать. Мы такие же, как все.

– Нет, – качнул головой Арк-Ми. – Только дело не в вас, а в персонажах, которых вы выбрали. Видишь ли, адаптивные алгоритмы, контролирующие игровой процесс, конечно, настроены так, чтобы подстраиваться под прихоти участников, но уровень пластичности ограничен в зависимости от персонажей. Это сделано для того, чтобы свести к минимуму формирование сильных союзов и глобальные переделы игрового мира.

– Хочешь сказать, объединившись, мистифы смогут завоевать Аид? – недоверчиво нахмурился Бриск.

– Не смогут, – сказал Арк-Ми. – Адаптивные алгоритмы никогда не допустят подобного. Особенно сейчас, учитывая, что спрос на ключи игроков падает и на площадке появляется все больше и больше имитаций, которых могут контролировать мистифы. Если позволить вам создать союз, то рано или поздно кто-нибудь додумается, что можно при удачном раскладе подчинить большую часть воинов армии Тидея или Ареса, потому что там преобладают имитации. Конечно, в одиночку подобное

не осуществить, но группе мистифов под силу. Так что у разработчиков было два варианта: либо урезать возможности мистифов, ограничив контроль над имитациями, либо не позволить им объединяться в союзы…

Подобные разговоры убеждали недоверчивых телебов, что их новый друг действительно некогда входил в первый круг разработчиков, лучше, чем все его клятвенные заверения в правдивости своих слов. Плюс нравилось Таросу и Гамбино то, что слова Арк-Ми обычно не расходились с делами. Конечно, в то, что он с братом обрушил игровую площадку «Голод», верилось с трудом, тем более что теперь они планируют свергнуть Сфинкс в «Фивах», но…

– Чем черт не шутит! – вспомнил торговец выражение, ставшее давно анахронизмом в современном двухуровневом мире, где люди привыкли мыслить образами, связанными с реальностью посредством нейронных интерфейсов, а не полагаться на личностные мироощущения.

Единственным, что не давало торговцу покоя, была дружба Агвы с мистифом. Нет, ничего против чернокнижника Гамбино не имел, но вот девушка… Девушка ему нравилась, а мистиф, кажется, начинал увлекать ее больше, чем другие участники группы. Хотя именно поэтому торговец начал лучше относиться к Арк-Ми – перестал видеть в нем соперника. Появление мистифа вообще улучшило отношение к Арк-Ми всей команды. Он больше не был чужаком и темной лошадкой – это место теперь застолбили за чернокнижником.

– Думаешь, мы можем доверять новичку? – спросил Тарос, специально вызвавшись нести караул вместе с Арк-Ми. – Я, конечно, понимаю, что вы теперь связаны с ним и если разорвать союз, то вернется Грифон, но…

– Тебя беспокоит, что нашим новым знакомым увлеклась Агва? – спросил Арк-Ми.

– Нет, – улыбнулся Тарос. – Это беспокоит разве что Гамбино. Я думаю о карте, которую мы получили от голиафца. Тебе не кажется опрометчивым позволять мистифу выбирать маршрут?

– Он хочет помочь Агве получить книгу с заклинаниями Аида, – пожал плечами Арк-Ми. – Не вижу в этом никакого криминала.

– И ты не рассматриваешь вероятность, что он заведет нас в ловушку?

– Тебя тревожит, что в последнем предполагаемом местонахождении амулета ин-незов мы едва не столкнулись с группой чернокнижников?

– Что если наш новый друг с ними заодно? Или планирует

присоединиться к ним, сдав им нас в качестве вступительного взноса?

– Сомневаюсь. Во-первых, не забывай, что он теперь связан со мной и Агвой, к тому же я уже объяснял, почему союз мистифов не сможет долго существовать. Да и не похож Бриск на одержимого игромана, для которого главная цель – постоянный апгрейд своего персонажа. Посмотри, как он увлекся знакомством с Агвой. Думаю, если в ближайшие пару дней он не выкинет ничего необычного, то можно будет смело считать его членом команды.

– Надеюсь, все прояснится завтра утром, – зловеще улыбнулся Тарос, напоминая о том, что они подписались выполнить небольшой квест, чтобы Агва смогла получить книгу заклинаний Аида.

– Надеюсь, – согласился Арк-Ми.

Они оставались с Таросом в карауле до начала перезагрузки систем. Затем сознание затянула тьма. Ощущения времени и пространства спутались. Связь с игровыми точками сборки нарушилась, но и в оставленные в капсулах терминалов тела сознания не вернулись. Представители Далеких земель замерли в пограничном состоянии. Что касается мистифа, то для него разработчиками был предусмотрен переход в комнату личных достижений, где можно было изучить доступные квесты и посмотреть развитие персонажа и процесс выполнения полученных заданий.

Мистиф пометил самым высоким коэффициентом важности на предстоящий день встречу с хранителями знаний, чтобы Агва смогла получить книгу заклинаний Аида, затем покинул КЛД, застряв до начала нового игрового дня в таком же пограничном состоянии, как новые друзья телебы. Правда, так как ощущения времени и пространства были нарушены, показалось, что возвращение на игровую площадку заняло не больше пары минут, хотя в действительности перезагрузка длилась несколько часов.

– Говорят, клирики используют тела людей, находящихся в игровых терминалах в качестве генераторов, чтобы получать дополнительную энергию, – сказал Тим, когда группа сворачивала лагерь.

– Не говори ерунды, – отмахнулся Тарос. – В двухуровневом мире КвазаРазмерности две трети людей постоянно находятся в терминалах.

– Ну, не две трети, – вмешался в разговор Ковен. – После трагедии в жилом комплексе Isistius labialis, унесшей жизни около девяноста процентов жителей, находившихся

в Подпространстве, разница между людьми, пребывающими на первом или втором уровнях реальности, качнулась в пользу материального мира.

– Согласен, – улыбнулся Тарос. – Может, так оно и было в первые десятилетия после трагедии, но сейчас с того дня прошло больше века и люди стали забывать об этом. Да и комплекс Isistius labialis смог восстановиться.

– Кстати, я тоже слышал, что клирики используют тела людей в качестве дополнительных генераторов, – присоединился к разговору Гедер. – Только происходит это во время перезагрузок игровых систем или основного мира Подпространства. Так что нам от этого ни тепло ни холодно. Да и процент энергии, полученной из наших тел, с трудом покрывает затраты на наше содержание в капсулах. Не забывайте, что ледник, сковавший планету, прогрессирует и мы живем в постоянном дефиците энергии, вынужденные отступать каждое десятилетие от промерзающих окраин жилых комплексов.

– Ну а ты что скажешь? – обратился Тарос к Арк-Ми. – Как бывшему члену первого круга разработчиков «Фив», думаю, тебе должно быть известно, как обстоят дела на самом деле.

– Думаю, Гедер прав на девяносто процентов.

– И все?

– А что ты хочешь услышать еще?

– Мы тут вообще-то обсуждаем возможность заговора клириков, – улыбнулся глава охраны.

– Боюсь, мы с братом совершенно не интересовались политикой, – пожал плечами Арк-Ми, проверяя упряжь кромна. – Прай-Ми всегда говорил, что каждый должен заниматься тем, чем умеет, и не лезть в другие сферы деятельности.

– Если верить тебе, то вы с братом запустили игровой проект «Мекка», конкурирующий с такими грандами, как «Голод» и «Фивы», – напомнил молодой телеб по имени Тим. – Сомневаюсь, что подобное можно осуществить, интересуясь только технической стороной вопроса.

– Вообще-то для таких целей обычно собирается целая команда людей, в которой каждый профессионал своего дела… – Арк-Ми помрачнел, вспоминая Саломею. – Была у нас в группе девушка-инженер из «Голода»… Ей нужно было повысить свой социальный статус, чтобы бывший муж не забрал у нее ребенка. Поэтому после несправедливого увольнения из «Голода» она пришла к нам. Надеялась, что, войдя в первый круг разработчиков «Мекки», повысит свой социальный статус и решит проблемы с опекунством, но вместо этого вляпалась в неприятную историю… Наверное, Тим прав и нам с братом

действительно нужно было больше интересоваться политикой и бизнесом, а не тратить дни напролет на разработку игровых площадок.

Собравшиеся вокруг него телебы предпочли промолчать. Верили они или нет в историю нового друга, но он говорил искренне, и можно было либо поддержать его, либо…

– Думаю, пора выдвигаться, – решил сменить тему разговора Тарос.

Они покинули укромное убежище в горах, направляясь к хранителям знаний. Места этого не было на полученной от голиафца карте, поэтому приходилось верить мистифу на слово. Впрочем, он вел группу уверенно, заявляя, что когда-то сам получил в этом храме необходимые знания. Что касается Гамбино, ревновавшего Агву к новому знакомому, то мистиф умаслил его, пообещав помочь провернуть пару выгодных сделок с хранителями знаний.

– Ты ведь для этого и пришел в Аид, верно? – напомнил Бриск. – Чтобы торговать? Или я что-то путаю.

– Нет. Не путаешь, – проворчал Гамбино.

Позднее, где-то на полпути между последним местом ночлега и поселением хранителей знаний, торговец подошел к Арк-Ми и, наблюдая за идущими впереди Агвой и мистифом, тихо спросил, не думает ли новой друг, что интерес молодой колдуньи к чернокнижнику закончится сразу, как только она получит книгу заклинаний Аида?

– Все может быть, – уклончиво ответил Арк-Ми, не желая обижать торговца.

– Значит, не думаешь, – протянул Гамбино, становясь мрачнее тучи.

Не улучшили ему настроение и несколько выгодных сделок, заключенных с хранителями знаний. На первый взгляд старики были обыкновенными игроками, но при длительном общении появлялось подозрение, что разговариваешь с новым видом имитаций, которые притворяются людьми так грамотно, что мурашки начинают бегать по спине.

– Перед тем, как отправиться в «Фивы», мы с братом встречались с Джаво, мальчишкой, который играл в паре с Саломеей, – сказал Арк-Ми. – Так вот он предупреждал, что в игре появились новые имитации. Обычно их можно было отличить, заговорив о реальном мире, который они просто игнорировали, но новые имитации, как сообщил Джаво, ведут себя как обычные игроки.

– Что же ты, входя в первый круг разработчиков «Фив», не знаешь, как обстоят дела на самом деле? – спросил Тарос.

– Не забывай, что мы покинули с братом проект больше года назад. За это время могло многое измениться. Знаю, что подобный проект рассматривался, но никогда не получал поддержку большинства. Мы с братом, например, голосовали постоянно против, считая, что игровые площадки должны служить местом отдыха, а не подменой реальности.

– Логично, – согласился Тарос.

– Выходит, имитацией может оказаться любой из нас? – оживился молодой Тим.

– Ну, ты уж загнул! – рассмеялся Тарос, увидел, что Арк-Ми остался серьезным, и растерянно открыл рот. – Да брось! – недоверчиво сказал он, обращаясь к бывшему разработчику «Фив».

– Вообще-то для этого и создавались новые имитации, – пожал плечами Арк-Ми. – Некоторые аналитики, прислушиваясь к советам игроманов, считают, что люди хотят чувствовать эффект полного погружения в игровых проектах. Сейчас, например, мы понимаем, кто реальный игрок, а кто нет. Соответственно, одних мы можем убивать без лишних раздумий, с другими стараемся подружиться или договориться. Представьте, как изменится игровой мир, если станет невозможно отличить реального игрока от имитации? Нечто подобное практиковалось в закрытом городе, когда протоколы точек сборки реальных игроков не позволяли им обсуждать все, что выходило за рамки легенды персонажа и выполняемого квеста. Считалось, что в такой обстановке игроки не смогут вычислить имитацию, но проект был принят крайне неодобрительно, так что, когда мы с братом уходили из «Фив», разработчики говорили о смене трагедии. Предложений было немало. Имитации второй волны считались самым радикальным решением недостатка реальных игроков и привлечения новых потребителей. Если честно, то я думал, что все закончится откатом на классический вариант организации игрового процесса, но… – Арк-Ми покосился на седовласых хранителей знаний, с которыми общались Агва и мистиф. – После того, как эти люди начали топить наш с братом игровой проект, я уже ничему не удивлюсь… – он оборвался на полуслове, заметив, что Агва и мистиф, закончив переговоры с хранителями знаний, покидают магический круг.

Ранее, продавая целебные травы Далеких земель, в этот круг входил Гамбино. Седовласые старцы заявляли, что в радиусе круга действуют мощные заклинания, заставляющую говорить правду, что исключало обман и жульничество. Перед началом переговоров Агва и мистиф проверили магический круг на наличие проклятий и сглаза, но не смогли найти ничего

вразумительного, решив, что либо хранители знаний врут, желая запугать торговцев, либо используют слишком сложные заклинания.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил колдунью Гамбино. На мистифа, стоявшего бок о бок с Агвой, он старался не смотреть. – Смогли договориться о покупке?

– Боюсь, хранители знаний согласятся передать книгу заклинаний Аида, только если мы выполним для них небольшой квест, – сказала Агва, болезненно поджав губы.

– Ты тоже выполнял квесты, чтобы получить эту книгу? – спросил Гамбино мистифа.

Тот кивнул, добавив, что с каждым новым уровнем задания становятся сложнее, хотя в самом начале все очень просто и не должно стать проблемой.

– Что еще за уровни? – нахмурился торговец.

– Существует серия книг с заклинаниями Аида, – пояснила Агва, понимая, что Гамбино не особенно жалует мистифа. – Но ты не волнуйся, мне пока хватит и первых двух, – поспешила она успокоить торговца. – К тому же для этого придется выполнить всего один квест, правда задание будет немного сложнее, чем если бы я получала всего одну книгу…

– Я понял, – оборвал ее торговец.

– Так ты поможешь мне?

– Что нужно делать?

– Спасибо!

– Я еще не согласился, – Гамбино бросил косой взгляд на мистифа. – Для начала расскажи, какой квест нужно выполнить.

– Ничего сложного, – отмахнулась колдунья и, достав из походной сумки карту, протянула торговцу.

Бумага карты была старой, и казалось, вот-вот рассыплется в руках. Гамбино нахмурился, изучая маршрут, ведущий к вспоровшим земли Аида горам, названным разработчиками Небесные гнезда.

– Что думаешь? – спросил торговец, показывая карту Таросу.

Глава охраны нахмурился, сверил карту нового квеста с той, что досталась им от голиафца.

– Ну, ясно одно – много времени на дорогу мы не потеряем, – проворчал он. – Небесные горы действительно рядом с нашим маршрутом к следующему хранилищу амулета ин-незов. – Он замолчал, давая торговцу время, чтобы принять решение.

Гамбино покосился на колдунью и, тяжело вздохнув, согласился.

Покинув главный храм поселения хранителей знаний,

они какое-то время двигались молча. Агва и мистиф возглавляли группу. Чернокнижник сказал, что он способен контролировать практически все известные имитации начальных уровней, а колдунья активировала заклинание защиты, предупреждающее о присутствии реальных игроков в опасной близости от группы. Тарос вначале шел рядом с ними, но они постоянно шептались, стесняясь его присутствия, так что глава охраны предпочел ретироваться, проворчав что-то невнятное о том, что нужно прикрывать тылы, замыкая колонну.

– Что скажешь о квесте? – спросил он, поравнявшись с Арк-Ми. – Я ничего не слышал о Небесных гнездах. Что собой представляют эти горы? Кто там живет?

– Я никогда не занимался программированием Небесных гнезд, – признался Арк-Ми. – Их создали одними из первых, и с тех пор мало что менялось. В «Фивах» вообще было правило: если что-то работает без нареканий, то забудьте об этом, направив все силы на доработку недостатков.

– Жаль… – протянул Тарос. – Я надеялся, что ты подкинешь пару идей.

– Небесные гнезда – территория владений фемитов, – пожал плечами Арк-Ми. – Спрос на бывших ангелов, превратившихся, согласно легенде, в гигантских птиц, чтобы нести дозор в землях Аида во имя Сфинкс, последние годы практически отсутствовал, так что, думаю, нас встретят в основном имитации, с которыми лучше всех найдет общий язык мистиф.

– Ох и не понравится эта новость Гамбино, – криво улыбнулся Тарос.

– Представь, как ему не понравится новость, что придется потерять день, разбив возле гор лагерь, чтобы дождаться, когда Агва завершит квест.

– Думаешь, мы не сможем пойти с ней?

– А кто будет охранять повозку и кромна?

– Логично.

– В тех краях обитает много гриллов. Обычно это имитации, потому что игроки-гриллы предпочитают держаться возле Мертвого озера, так что, как только мистиф покинет нас, отправившись с Агвой выполнять задание хранителей знаний, нужно будет держать ухо востро.

– Ты тоже пойдешь с ними?

– Зачем?

– Ну как же… Вы ведь теперь группа. Погибнет один – и тут же появится Грифон, чтобы забрать жизни двух других.

– Не думаю, что задание для получения книги заклинаний начальных уровней может быть опасным, – улыбнулся Арк-Ми,

бросив косой взгляд в сторону идущего впереди торговца. – К тому же Агва будет в безопасности. Мистиф ведь пойдет с ней…

– Как бы не так! – заупрямился Гамбино, когда они достигли Небесных гнезд. – Я не настолько доверяю новичку-чернокнижнику, чтобы отпустить с ним колдунью. Не забывайте, что мы находимся во враждебных землях! – торговец напомнил о десятке мелких стычек за последний день, случившихся с обитателями Аида. – А что если мистиф предаст нас? Хотите лишиться колдуньи?

Тарос взял на себя смелость и, выступив вперед, заявил, что Бриск обязан отправиться с Агвой, потому что он уже выполнял подобные задания.

– С ним дело пойдет быстрее, – подытожил глава охраны.

– Вот как? – Гамбино затравленно огляделся, понимая, что загнан в угол. – Тогда пусть с ними идет Арк-Ми, – извернулся он, не желая оставлять Агву наедине с мистифом.

– Мне все равно, – уступил Тарос.

Стараясь не встречаться с Арк-Ми взглядом, он вернулся к повозке и начал организовывать защиту от круживших поблизости имитаций гриллов. Адаптивные алгоритмы, управлявшие монстрами, заставляли их держаться на безопасном расстоянии от мистифа. Все понимали, как только чернокнижник поднимется в горы, гриллы попытаются напасть на лагерь.

– Хватит прохлаждаться! – рявкнул Тарос на других телебов из охраны, распорядившись передвинуть ряд валунов, чтобы защитить телегу и кромна, который тоже станет уязвимым, когда уйдет мистиф, способный использовать его в боевых целях.

Гриллы увидели телебов, приблизившихся, чтобы набрать камней для постройки защитной стены, и зарычали. Старый монстр с отрубленной правой конечностью раскрыл усеянную острыми зубами пасть, показывая обрубок языка. Информационные протоколы показали, что подобное происходит со всеми гриллами – их зубы слишком остры, чтобы мог уцелеть язык, – поэтому они могут общаться друг с другом только при помощи жестов, что добавляет сложности игрокам, выбравшим себе такого персонажа. Впрочем, выбирали гриллов в основном те, кто не хотел заморачиваться, прокачивая персонажей. Гриллы были сильны с самого начала, но на этом плюсы заканчивались. Никто не принимал их в свои группы, да и не могли они сотрудничать ни с кем, потому что специально измененные протоколы точек сборки превращали их в кровожадных монстров, для которых имеет смысл только охота и крики будущих жертв.

– Какого черта ты делаешь? – закричал на молодого телеба

Гедер.

– Хочу сразиться со старым гриллом, – сказал Тим. – Посмотри, у него всего одна рука. Думаю, это будет легкая победа.

Обнажив клинок, созданный из низкосортной руды из долины Ксифос в Далеких землях, Тим занял боевую стойку и начал приближаться к монстру, ожидая, что игровые системы сейчас активируют режим схватки, отделив его и грилла от остальных.

– Какого черта? – удивился молодой телеб, когда понял, что дуэли не получится.

Его приближение привлекло внимание других гриллов. Кружащие прежде вдали от лагеря, подобно шакалам, они оживились, перестроившись так быстро, что Тим не успел выскользнуть из сомкнувшегося вокруг него кольца. Оставалось сражаться, надеясь, что другие телебы придут на помощь.

Вскинув над головой клинок, Тим бросился на однорукого монстра. Грилл отразил смертельный удар когтями, выбив при соприкосновении с металлом клинка сноп искр. Молодой телеб ударил его ногой в живот, натолкнувшись на каменные мускулы. В следующее мгновение ему пришлось уклоняться от лязгнувших перед лицом зубов монстра. Чтобы заметить подкравшегося со спины противника, времени не было.

Грилл замахнулся, собираясь воткнуть острые когти телебу в спину, но его остановил выпущенный из пращи Гедера камень. Монстр взвыл, обернулся, ища взглядом противника, но едва он успел это сделать, как в голову попал еще один камень, выпущенный Ковеном. Снаряд этот принадлежал Далеким землям, поэтому имел наилучшую точность и наносил наибольшие повреждения. Всего у Ковена имелась дюжина камней из родных мест, которые он берег, стараясь использовать только в случаях крайней необходимости.

Выпущенный из пращи снаряд пробил гриллу лобную кость. Грозный рык монстра захлебнулся. Всплеснув руками, грузная туша замертво рухнула на спину.

– Отличный бросок! – похвалил Гедер, сокрушаясь, что сам не набрал снарядов для пращи в Далеких землях.

– Что здесь происходит? – взревел подоспевший глава охраны.

Объяснения оказались лишними, так как, едва обогнув выступ гор, он заметил танец Тима и однорукого грилла. Молодой телеб был ловок, но ему не хватало навыков, чтобы поразить противника. Да и монстр оказался на удивление опытным воином. Что касается других гриллов, то Гедер и Ковен

не позволяли им подобраться к молодому телебу со спины, метая в монстров камни из пращей. Тарос тоже достал пращу, поднял с земли камень и метнул в затылок ближайшему гриллу. Камень ударился в кость и превратился в песок. Монстр взвыл от боли, но существенного вреда попадание не вызвало – скорее только разозлило.

– Так ему долго не продержаться, – сказал Гедер, отмечая, что гриллы сменили тактику и начали подбираться к Тиму с другой стороны, чтобы молодой телеб постоянно находился на линии огня.

– Вот ведь! – с досадой выругался Тарос.

Он убрал пращу и взялся за клинок, готовый броситься в бой, когда услышал за спиной стук копыт. Обернувшись, он заметил кромна. Ведомый мистифом, он мчался в бой, превратившись из вьючного животного в грозную боевую единицу. Не хватало только всадника, хотя так кромн становился маневреннее, особенно если учитывать, что чернокнижник управлял им на расстоянии.

– Гамбино нас живьем сожрет, если кромн погибнет! – предупредил мистифа Тарос, хотя решение чернокнижника одобрил на все сто.

Тим услышал стук копыт и обернулся, едва успев уклониться от врезавшегося в ряды гриллов кромна. Молодой телеб видел и прежде боевых кромнов, но этот, казалось, был мощнее, подвижнее, злее. Да, у него не было брони и специальных приспособлений в виде рогов и шипов для более эффективной атаки, но он с лихвой компенсировал это напором и самоотверженностью.

– Осторожней, а то придется тащить повозку на себе! – предупредил мистифа Тарос.

– Думаю, сейчас самое время вам вступить в бой, – сказал чернокнижник, предупредив, что, как только кромн перестанет атаковать монстров, нужно будет срочно вывести его из сражения. – Думаю, мой уровень позволит переключиться на контроль двух-трех гриллов, но в такой толчее ничего не обещаю…

Тарос не услышал последних слов: вскинул клинок и побежал спасать Тима. Гедер и Ковен последовали за предводителем. Мистиф дождался, когда они вступят в бой, оттеснив монстров от кромна, и только после этого сосредоточился на гриллах. Управление кромном отняло больше сил, чем ожидалось, так что подчинить удалось только одну имитацию грилла, но этого хватило, чтобы адаптивные игровые алгоритмы приказали другим монстрам отступить.

– Так нечестно! – сказал Гедер, провожая взглядом раненого грилла, за убийство которого планировал получить бонусные очки.

Конечно, для телебов, не имеющих доступа в комнату личных достижений, большинство подобных бонусов мало что значит, но повышение уровня мастерства после каждого сражения никто не отменял.

– Это ты приказал им убежать? – прицепился Гедер к мистифу, когда они вернулись в лагерь.

– Нет.

– Ты понимаешь, что мы потеряли возможность повысить боевое мастерство из-за их бегства?

– Эй! Чего прицепился к нему? – вступилась за чернокнижника Агва. – Он вообще-то вам помог, бестолочи! Никто не просил вас геройствовать, сражаясь с гриллами.

– А чего я-то сразу? – обиделся Гедер, бросая косой взгляд в сторону Тима.

Молодой телеб демонстративно отвернулся, притворяясь, что ничего не слышит.

Закончив собирать вещи, необходимые для выполнения задания хранителей знаний, Арк-Ми и Гамбино подошли к основной группе.

– Нашли все, кроме яда зоргулов, – сказал торговец.

Мистиф кивнул, признавшись, что, когда сам выполнял эти задания, тоже обошелся без яда бывших демонов, ныне превратившихся в ящериц.

– Хотя с ядом можно было бы сделать все намного проще, – добавил чернокнижник, заглядывая в собранную Гамбино походную сумку. Увидев мешочек с порохом, он удивленно присвистнул. – Не думал, что подобное найдется!

– Он ведь торговец, забыл? – оживилась Агва и, встретившись взглядом с Гамбино, подмигнула.

Этого оказалось достаточно, чтобы он просиял.

– Приглядывай за ней, – шепнул он Арк-Ми перед тем, как они покинули лагерь. – Не доверяю я чернокнижнику… Конечно, понятно, что это игра, но…

– Ты не останешься без колдуньи, – пообещал Арк-Ми, напомнив, что и сам связан с мистифом и Агвой. – Если что-то случится с одним из нас, то появится Грифон и…

– Да знаю я, знаю! – отмахнулся Гамбино.

– И он все еще злится на тебя за это, – промурлыкала Агва. – Хотя без мистифа я бы никогда не узнала о книге заклинаний Аида и не смогла повысить свои навыки.

– Меня все устраивало, как было, – проворчал торговец.

– Ничего плохого не случится, – пообещала Агва.

Гамбино заставил себя не провожать их взглядом.

Вырубленная в скале тропа то круто уходила вверх, то изгибалась, петляя, когда горы становились почти отвесными. В эти моменты ограждений с правой стороны не было и обостренные восприятия игровых точек сборки заставляли с содроганием смотреть вниз, в разверзшуюся бездну.

– Не думала, что вершины гор находятся так высоко, – сказала Агва, когда они добрались до места, где скалы вспарывали серое, похожее на студень небо.

Сделав остановку, мистиф достал из походного мешка плащи. Внутри небо было густым. Идти было сложно, словно находишься в воде. Протоколы, отвечающие за дыхание, сбоили. Приготовленные Гамбино для продажи кожаные бурдюки с вином мистиф превратил в примитивные кислородные баллоны: перелил в лагере содержимое в отдельный сосуд, наполнив бурдюки воздухом. Теперь это помогало не задохнуться, продолжая подъем.

Прослойка неба была небольшой, но тропа, ведущая к вершине, огибала гору, в разы увеличивая время пребывания в неблагоприятной среде.

– В прошлый раз я едва не задохнулся здесь, понадеявшись, что смогу обойтись без запасов воздуха, – признался мистиф. – Правда, плащ у меня был немного другой… – чернокнижник не без тревоги отметил, что материал плащей начинает разрушаться. – Надеюсь, их хватит на обратный путь.

В студенистой слизи неба прошмыгнула какая-то тень.

– Видели? – оживилась Агва.

– Думаю, это фемиты, – сказал Бриск.

– Не обязательно, – возразил Арк-Ми, обнажая клинок. – Нет ограничений, запрещающих другим игрокам подниматься на вершины гор, находящиеся над прослойкой неба Аида. Разве что зоргулы, вечные противники фемитов, не способны на это, а другие игроки…

Он замолчал, увидев пару силуэтов, преградивших дорогу. Крылья у них отсутствовали, значит, это не были бывшие ангелы.

– Кажется, это не фемиты, – прошептала Агва, стараясь держаться за Арк-Ми и Бриском. – В прошлый раз тебя встречали так же? – спросила она мистифа.

– Нет.

Колдунья позвала Арк-Ми и спросила, что он думает об этом.

– Сомневаюсь, что это новые правила, созданные разработчиками. Скорее всего, мы имеем дело либо с какой-то группой игроков, либо… – он покосился на мистифа. – Либо

Гамбино прав и чернокнижник ведет нас в ловушку.

– Если так, то я буду сражаться, пока меня не убьют, – сказала Агва, напоминая о том, что как только их группа распадется, появится Грифон и уничтожит оставшихся.

– Клянусь, что не имею к этому отношения, – начал злиться мистиф, устав, что ему не доверяют.

– Надеюсь, что так, – сказал Арк-Ми. – Потому что если ты действительно затеял двойную игру, то клянусь, я поступлю так же, как сказала Агва, – буду сражаться, пока не погибну, спровоцировав появление Грифона.

– Достали уже! – процедил сквозь зубы мистиф и первым покинул студенистую прослойку.

Его встретили три фемита – огромные орлы с человеческими чертами лица. Их крыльев было не видно, потому что кто-то отрубил их. В остальном ничего не изменилось – обыкновенные имитации, потому что ни один игрок не хотел тратить время на охрану гнезд от редких визитов непрошеных гостей.

– Все нормально, можете выходить, – крикнул мистиф Агве и Арк-Ми.

– Что с вами случилось? – спросила колдунья, увидев обрубки крыльев.

Фемиты склонили головы и сказали, что в последнее время среди небесных птиц идет беспощадная война.

– Хаос поглощает земли Аида, – горестно произнес самый старый фемит. – Небеса дрожат. Фемиты не могут сохранить единство…

Агва и Бриск посмотрели на Арк-Ми, требуя пояснить странное развитие сюжета.

– Я не знаю, – пожал он плечами. – При мне подобных разработок не было. Фемиты вообще мало интересовали разработчиков. Может быть, они решили привлечь новых игроков, устроив войну в царстве небесных птиц?

– Война убивает нас! – зацепился за слово старый фемит.

Активировались информационные протоколы, показывая сражения гигантских птиц. Обычно это происходило на рассвете, когда небо, укрывавшее землю на ночь, медленно начинало подниматься. Погибшие в битве фемиты покрывали поверхность серого студня, над которым искрилась тьмой бесконечная даль с редкими звездами, вспыхивающими время от времени и гаснущими, скатываясь по дуге в небытие.

– Всегда поражалась детальности игровых миров, – сказала Агва.

Запрокинув голову, она вглядывалась в черную даль космоса. Сейчас, игнорируя информационные протоколы, чтобы не видеть,

как гигантские птицы рвут друг друга в клочья, можно было просто полюбоваться красотой второго неба, застывшего над уродливым студнем, прослойку которого Агва и ее друзья недавно миновали.

– Нам нужны новые воины, – сказал старый фемит, награждая гостей внимательным взглядом голубых глаз.

– Мы просто хотели достать несколько золотых перьев, – сказал мистиф, надеясь, что удастся избежать сложных квестов. – Нам нет дела до войны в Аиде. И тем более до войны фемитов. У нас договор с хранителями знаний, согласно которому они передадут нам книгу заклинаний Аида в обмен на золотые перья из гнезд.

– Так вы маги? – скривился фемит.

– А что не так? – растерялся мистиф. – В прошлый раз, когда я приходил сюда, то не слышал столько презрения, когда вы узнали, что я чернокнижник.

– Чернокнижник… – прошипел фемит так, словно это было ругательство.

Новые информационные протоколы показали впервые в истории Аида сформировавшуюся группу мистифов. Судя по всему, разработчики решили добавить в игровой мир хаоса, потому что ничем иным это объяснить было нельзя. Но главным недостатком, затронувшим интересы Агвы и Бриска, стало повышение сложности заданий, благодаря которым можно получить книгу заклинаний Аида. Кто-то явно хотел превратить мистифов в элитных персонажей… Или же разработчики просто цеплялись за соломинку, надеясь возродить угасающий интерес пользователей к игровой площадке.

– Хотите получить золотые перья – достаньте нам новых воинов! – отчеканил старый фемит.

Не успел мистиф спросить, о каких воинах идет речь, как информационные протоколы показали расположенные на окраинах Аида другие горы, где находилась еще одна локация небесных птиц, враждебных тем, к которым сейчас пришли Арк-Ми, Агва и Бриск.

– Они воруют наших птенцов и превращают в своих воинов, – сказал старый фемит, обвинив противников в начале войны. – Ходят слухи, что они связались с чернокнижниками после того, как мы отказали мистифам в просьбе организовать рядом с нашими гнездами свой лагерь…

– Думаю, разработчики разделили фемитов на имитаций и реальных игроков, – сказал Арк-Ми, обращаясь к Агве и мистифу. – Подобное практиковалось и прежде, когда нужно было создать движуху, но сохранить новую силу под контролем.

– Так ты считаешь, мы не найдем здесь ни одного реального игрока? – удивилась Агва.

– Думаю, он прав, – сказал мистиф. – Когда я был здесь в прошлый раз, то тоже отметил отсутствие реальных игроков.

– Выходит, получить золотое перо не удастся? – расстроилась колдунья.

– Верните нам наших птенцов, и мы станем вашими вечными должниками, – сказал старый фемит.

Информационные протоколы показали, как чернокнижники, заключившие договор с другими фемитами, выкрали из Небесных гнезд яйца с потомством.

– Боюсь, золотое перо не стоит того, чтобы воевать с чернокнижниками и фемитами, – тяжело вздохнула Агва.

– Мы можем дать вам намного больше, чем золотые перья, – сказал старый фемит.

Пара небесных птиц с искрящимися стальными когтями приземлилась на площадку, где велись переговоры. В отличие от старого фемита, они были молодыми и крепкими. Информационные протоколы показали, что это воины, побывавшие только что в кровавом сражении.

– Мистифы наложили на Небесные гнезда проклятие, лишив крыльев всех, кто находился в тот момент здесь, но у нас остались патрули, которые продолжают защищать наш дом от нападений собратьев, – сказал старый фемит.

– Нет. Боюсь, война с чернокнижниками нам не по силам, – тяжело вздохнула Агва.

– А что если мы предложим вам объединиться? – сказал неожиданно один из молодых фемитов-воинов, выступая вперед.

Он представился, сказав, что его зовут Марре.

– Боюсь, мы не можем вступить с тобой в союз, Марре, – сказала Агва, чувствуя, как обостряются восприятия, давая понять, что просто так уйти отсюда не удастся.

Марре и старый фемит переглянулись, ожидая, когда основные адаптивные алгоритмы проанализируют ситуацию.

– У вас есть друзья, – наконец произнес Марре, и его стальные когти ярко блеснули, слепя глаза. – Я видел, что они остались у подножья горы.

– Не хочу вас огорчать, но у них уже есть пара квестов, – осторожно произнесла Агва. – Они пришли из Далеких земель, заключив договор с голиафцами, которые обещали открыть им доступ к секретным тоннелям, чтобы можно было самостоятельно проникать в Аид, в обмен на амулет ин-незов. Так что если вы не можете помочь нам в поисках амулета, то…

– Мы найдем для вас амулет.

– Боюсь, ваша просьба стоит намного дороже, чем амулет иннезов.

– А что вы скажите, если я предложу переправлять ваши торговые караваны в обход Голиафских гор? – спросил Марре, запрокинул голову и посмотрел на черное небо, нависшее над первым небом Аида. – Нет таких гор, над которыми мы не сможем пролететь. – Он расправил огромные крылья, уверяя, что пара молодых фемитов сможет переправить через Голиафские горы не только людей, но и повозки и кромнов.

– Звучит заманчиво, – протянула Агва, предвидя, как взбесится Гамбино. Но разве у них есть выбор? – Тогда мы пойдем поговорим с друзьями? – спросила она.

– Ты иди, – сказал Марре. – А твои спутники останутся здесь. Если через час ты не вернешься с хорошими новостями, то мы убьем их.

Глава пятая

Союз с ворами Далеких земель, племенем ашдот, приносил неплохие дивиденды, но это было далеко от изначального плана Прай-Ми – объединить враждующие племена телебов, перебраться через Голиафские горы и сразиться с представителями Аида. Прай-Ми никогда не скрывал своих намерений, зная, что большинство людей не относится к ним всерьез, но если пробьет час, то они обязательно вспомнят. Это поможет им определиться, на чьей стороне быть.

– Торгуй лучше фальшивыми клинками и прекрати нести чушь, – посоветовал как-то раз крупный торговец рынков Махайры по имени Юзга, одним из первых заключивший с Прай-Ми договор в обход ашдотов.

Воры пытались возмущаться вначале, но затем поняли, что интересы торговца не пересекаются с их планами. Они в основном обманывали новичков, пользуясь тем, что Прай-Ми мог подделать клинок так, что сыромятину из руды долины Ксифос было не отличить от достойного оружия армии Тидея, доставленного контрабандой из Аида в Далекие земли. Фальшивая сталь могла выдержать десяток ударов, нанося урон, достойный прославленных клинков, но потом обман вскрывался. Причем для не готового к подобному повороту новичку это становилось смерти подобно.

Что касается перекупщика по имени Юзга, то он не пытался скрывать, что продает фальшивый товар. Его клиентами становились в основном группы бандитов, которым нужно было приобрести дешевое, но эффективное оружие, которого хватит на одну атаку, чтобы прикончить охрану торговых караванов. Мало кто из гильдии воров мог позволить себе настоящий клинок Тидея, а те, кто мог, давно перестали лично участвовать в налетах на караваны, поднявшись в воровской иерархии на новый уровень. Именно начинающие воры в основном и работали с перекупщиком по имени Юзга. Встречались, конечно, иногда фидаины, убийцы, отправленные Старцем Голиафских гор. Они всегда хорошо платили, но Юзга никогда не афишировал подобных связей, потому что среди телебов не было ничего презреннее, чем дружба с фидаинами, в совершенстве освоившими искусство маскировки.

Они жили рядом с обычными телебами, ожидая, когда получат приказ исполнить свой долг. Спастись фидаины никогда не пытались. Смерть для них означала возвращение в Голиафские горы, где они поднимались на новый уровень в клане убийц.

К Юзге фидаины обращались, когда нужно было срочно подготовить достойное оружие, без которого невозможно противостоять охранникам запланированной жертвы. И дело было вовсе не в заоблачной стоимости хороших клинков – фидаины были неприлично богаты, – просто достойное оружие было крайне сложно достать, а учитывая то, что оно требовалось всего на одну битву, убийцы Голиафских гор с радостью приобретали созданные Прай-Ми подделки.

Технология создания клинков-однодневок была новой для Далеких земель, и многие хотели получить ее любой ценой, поэтому Юзга никогда не скрывал, что является всего лишь перекупщиком, не владея знаниями создания временного оружия. Впрочем, фидаину по имени Зевс, купившему ключ игрока «Фив» только ради того, чтобы отомстить Прай-Ми за поражение в «Голоде», хватило и того, что Юзга знает поставщика поддельных клинков.

Зевс действовал интуитивно. За долгие годы работы охотником за наживой, появляясь на перспективных игровых площадках с целью заработать, он усвоил одно – невозможно предугадать все нюансы. Готовясь к противостоянию с братьями, он ожидал, что они будут до последнего скрывать свои настоящие имена, но стоило ему надавить на Юзгу, как выяснилось, что Прай-Ми играет в открытую, не пытаясь даже утаить свое настоящее имя, благодаря которому можно будет выйти на него.

«Что же он задумал?» – ломал голову Зевс, наводя справки о новом игроке, скупавшем рудники в долине Ксифос. Еще одной головной болью Зевса была судьба его бессменной напарницы по имени Ра. Она приобрела ключ голиафца, как и Зевс, но предпочла стать координатором строительных червей, которые в случае необходимости превращались в грозную силу, способную сокрушить практически любого врага.

Выбирая новых друзей, Ра не разменивалась на ненужные связи, целеустремленно ища в каждом друге потенциальную выгоду. И если на первых этапах Ра удавалось развиваться семимильными шагами, получив сначала строительного червя, минхочао первого уровня – битату, а две недели спустя второго – огнедышащего мбои-асу, то потом судно успеха дало течь и грозило пойти ко дну. Не то по воле случая, не то по причине собственных ошибок, но Ра вместо влиятельных друзей умудрилась получить грозных врагов среди соплеменников по игровой локации, потому что продолжать развитие, не смещая претендентов, было невозможно, но иерархия оказалась на редкость дружной. В результате, смещая одного соперника, Ра получала десяток врагов.

У Зевса дела тоже шли ни шатко ни валко. Неудачи Ра заставили его притормозить развитие фидаина и запланированный переход на более высокий уровень, когда он будет не выполнять приказы, а отдавать их, оставаясь в Голиафских горах, ожидая обещанного Прай-Ми штурма. «Если братья сколотят армию, объединив племена телебов, то сейчас нам не удастся задержать их, не пустив в Аид», – думал Зевс, спешно меняя планы.

Он решил остаться фидаином, поставив себе целью выследить и убить братьев. Беда была только в том, что ему нужно было собрать достаточно сведений, чтобы Старец, возглавлявший голиафцев, увидел в братьях угрозу, потому что без прямого приказа фидаин не мог выбрать жертву самостоятельно. К тому же Старец был обычным игроком, что осложняло задачу фальсификации. Так что оставалось либо ждать, полагаясь на случай, надеясь, что рано или поздно удастся подняться так высоко, что появится возможность сместить Старца горы, либо вылетать из игры и выбирать другого персонажа. Впрочем, последнее, учитывая, что за противостоянием братьев и охотников за наживой наблюдали тысячи поклонников «Фив» по новостным нейронным каналам, было неприемлемым с точки зрения имиджа.

Зевс и Ра жили за счет игровых площадок. Их самым большим успехом стали бунты на игровой площадке «Голод», где они едва не сорвали крупный куш, позволивший бы им завязать с игровой индустрией и отойти от дел. Но братья спутали все планы. Конечно, сейчас Зевс начинал понимать, что у них на кону стоял не только имидж, но и собственные жизни. Собранные данные свидетельствовали в пользу того, что тела Прай-Ми и Арк-Ми были заложены в незаконных игровых терминалах, но в первые дни после поражения в «Голоде» Зевс рвал и метал. Огромную роль в нагнетании этого гнева сыграли СМИ, пронюхавшие, что, будучи подростком, Прай-Ми обрушил игровой проект отца Зевса, развалив тем самым не только игровую площадку, но и семью будущего охотника за наживой.

Ослепленный гневом, Зевс поссорился со всеми, включая напарницу, убеждавшую его воздержаться от противостояния братьям, приняв предложение от крупнейшего игрового канала стать ведущими одной из самых популярных передач об игровых площадках. Зевс рассматривал предложение до тех пор, пока не узнал, что одной из тем первых передач станет обсуждение площадки «Мекка», созданной Прай-Ми и его братом. В общем, на братьях в те дни, как говорится, свет белый клином сошелся. Сейчас, когда ярость угасла, Зевс больше всего хотел встретиться

с Ра и принести извинения за свое поведение, поблагодарив ее за понимание и терпение.

«Понятно, что превращать в личное противостояние конфликт на игровой площадке было глупостью, но как теперь отыграть все назад?» – думал Зевс, пытаясь организовать себе встречу с Прай-Ми. Особенно настораживала ссора с поклонниками «Голода», пытавшимися объяснить ему, что у братьев на кону стоит намного больше, чем ущемленное самолюбие. Да и не только у братьев. Если верить старым игроманам, то Прай-Ми лишился «Мекки», своего наделавшего шума в игровой индустрии проекта, и влез в такие долги, что рассчитаться с ними своими силами просто нереально. Братья и девушка по имени Саломея, волею случая втянутая в борьбу за «Мекку», вынуждены играть не ради славы и удовольствия, а чтобы выжить, так как фиктивный долг, который повесили на них, нужно отдавать адептам «Мункара и Накира», которые не особенно церемонятся с наказанием, жертвуя одними должниками в назидание другим.

Ра пыталась объяснить это Зевсу, но он видел лишь Прай-Ми, ведомый обидой за то, что подростком тот обрушил игровой проект «ЛАМ», принадлежавший отцу Зевса. Вернее, не Зевса – тогда у него было другое имя, но с тех пор прошло так много лет, что игровое прозвище давно стало частью жизни.

Зевс и Ра не были молоды, начав свой взлет в роли охотников за наживой с игровой площадки «Четыре племени», где впервые познакомились, выступая на разных сторонах баррикад. Те сражения вошли в историю игрового мира и послужили отличным толчком, определившим будущее Зевса и Ра. Разумеется, вначале им было интересно, но потом, с возрастом, интерес угас, а остался лишь холодный расчет и желание заработать. Игровой процесс перестал приносить удовольствие, превратившись в рутину. Шанс превратиться в ведущих на центральном игровом нейронном канале мог стать отличным завершением карьеры охотников за наживой и переходом на новый уровень.

– Пора взрослеть, – как говорила Ра.

Сейчас эта возможность стояла под большим вопросом. Предложение от организаторов игрового канала поступило сразу после обрушения площадки «Голод», которой не случилось бы без Зевса и Ра. В те дни они были мегапопулярны. Сейчас, несомненно, страсти начинали утихать. Да и провал в «Фивах», скорее всего, поставит крест на успешном продолжении карьеры в роли ведущих. В индустрии развлечений никому не нужны неудачники. В основном там заправляют рейтинги, базирующиеся

на интересе зрителей. Есть, конечно, еще скрытые финансовые аферы и политические нюансы, но Зевс никогда не заморачивался подобным, считая ненужной тратой времени, так как если политики или богачи что-то захотят сделать, то они все равно сделают и никто из обычных людей не сможет им помешать, разве что в какой-нибудь интерактивной игрушке.

– Так и чего ты хочешь от меня? – спросил Прай-Ми, когда Зевс смог организовать с ним встречу.

Он мог отказаться или окружить себя охраной, но, будучи некогда разработчиком «Фив», знал, что фидаин не может причинить ему вред без прямого приказа Старца Голиафских гор. А последнему Прай-Ми скорее помогал, продавая его наемным убийцам необходимое для выполнения заданий оружие, чем причинял неудобства.

– Хотел извиниться за то, что насел на вас с братом после того, как вылетел из «Голода», – сказал Зевс.

– Игроманам свойственно увлекаться, – пожал плечами Прай-Ми.

– Я охотник за наживой, а не игроман, – хмуро уточнил Зевс.

– А я был ребенком, когда обрушил проект твоего отца, – так же хмуро сказал Прай-Ми.

– Нам всем свойственно иногда увлекаться, не особенно задумываясь о том, какие это последствия имеет для других, – отказался принимать извинения Зевс.

Прай-Ми согласно кивнул.

– Скажи, – нарушил повисшую паузу охотник за наживой, – когда ты и брат были в «Голоде», ваши тела действительно были заложены в незаконном терминале и вылет из игры означал смерть?

Прай-Ми едва заметно кивнул.

– А то, что у вас с братом проблемы с «Меккой» и в это втянуты другие люди, правда?

– Если сравнивать с теми слухами, которые ходили до того, как я покинул Размерность, то реальности и вымысла в них примерно поровну.

– Я так и думал… Вернее, сейчас думаю. Тогда, после обрушения «Голода», я думал лишь о том, как насолить тебе и твоему брату.

– Что изменилось теперь?

– Наверное, Ра права, и нужно взрослеть.

– Боишься, что растратишь появившуюся после обрушения «Голода» популярность? – Прай-Ми сдержанно улыбнулся, добавив, что осведомлен о неудачах Ра.

– Удивлен, что ты следишь за нашей судьбой, – признался

Зевс.

– Ну знаешь, как говорят: держи друзей близко, а врагов еще ближе… К тому же Старец охотно идет на диалог. Он ведь обычный игрок, поэтому…

– Я знаю, как устроен мир Голиафских гор, – сказал охотник за наживой, обрывая Прай-Ми на полуслове. Снова ненадолго повисла пауза, затем Зевс спросил: – Ты правда собираешься обрушить «Фивы»?

– У меня нет выбора, – пожал плечами Прай-Ми. – «Мекку» я потерял, так что нужно рассчитываться с долгами и начинать новый проект.

– Я слышал, что вы с братом обрушили «Голод» и сейчас собираетесь проделать нечто подобное с «Фивами», чтобы избавиться от конкурентов.

– А ты слышал, что на меня, моего брата и нашего главного инженера, девушку по имени Саломея, повесили огромный фиктивный долг адепты «Мункара и Накира»?

– Ничего официального, только слухи.

– Я не знаю, сколько тебе лет, но полагаю, ты уже достаточно зрелый, чтобы понимать – официальные новости касательно политики и финансов врут через слово, а то и чаще. Здесь лучше доверять слухам, обращать внимание на знаки.

– Говоришь как моя напарница.

– Значит, она умная женщина.

– Не то слово, – Зевс тепло улыбнулся, вспоминая Ра.

«Как ее звали до того, как она стала охотницей за наживой?» – подумал он. В воспоминаниях стерся четкий ответ, оставив лишь уверенность, что она называла ему свое имя, обязана была назвать, ведь он же говорил, как его звали прежде… Определенно говорил… «Или же нет?» – Зевс растерянно уставился на Прай-Ми.

– Думаю, мы все немного заигрались, – тихо сказал он.

Создатель «Мекки» кивнул.

– Хочешь завязать? – спросил он.

– Давно бы завязал, если бы ты не вышиб меня из «Голода».

– Я спасал свою жизнь, ты – заработанные единицы Влияния.

– Я понимаю… – Зевс помрачнел. – Перед тем, как отправиться в «Фивы», мы с напарницей получили хорошее предложение от крупного нейронного канала вести передачу, связанную с игровыми площадками.

– Не удивлен. Игра в «Голоде» сделала тебя и Ра мегапопулярными.

– Да… – безрадостно протянул Зевс, отмечая, что популярность – эфемерная величина. – Я уже видел, как герои

превращаются в пустое место. Общество не любит неудачников, не дает второго шанса. Взять хотя бы проект моего отца, который ты обрушил.

– Или твой успех в «Голоде», которым ты не воспользовался, решив устроить личную вендетту, – добавил Прай-Ми.

Зевс стиснул зубы, но затем все-таки осторожно кивнул. Разговор, ради которого он пришел сюда, явно не клеился, и он не знал, как заставить себя говорить по существу.

– Предлагаешь объединиться? – помог ему Прай-Ми, устав ходить вокруг да около.

– Думаешь, такое возможно? – хмуро спросил Зевс.

– Почему нет? Мы ведь в Далеких землях. Чтобы не болтали аналитики, но эта локация действительно практически не контролируется разработчиками.

– Я не телеб. Я голиафец.

– И что это меняет?

– Нас могут обвинить в сговоре.

– Не могут. Мы ведь не планировали объединяться заранее, – Прай-Ми улыбнулся, вспоминая шумиху, раздутую вокруг их противостояния в «Голоде». – Думаю, никто не сможет обвинить нас в том, что мы спланировали подобное заранее. А что касается объединения во время игры… Никто не запрещает подобного даже в Аиде или в закрытом городе, где имитаций в несколько раз больше, чем реальных игроков, что позволяет контролировать развитие сюжетных линий… Поверь, ради нас никто не станет переписывать адаптивные алгоритмы «Фив». Да и не так это просто. Придется полностью остановить проект или пустить все на самотек, отрубив каждую имитацию на площадке.

– Все так сложно?

– Каждая игровая площадка, особенно в Подпространстве, это считай что микромир. Как второй уровень реальности. Представь, что будет, если кто-то попытается переписать Квазар в режиме реального времени.

– Я плохо разбираюсь в инженерных тонкостях.

– Не ври. Я знаю, что над «ЛАМом» ты работал вместе с отцом. Так что база знаний есть.

– Давай не будем вспоминать об игровом проекте, который ты обрушил, развалив мою семью? – предложил Зевс.

– Череда успехов и неудач не может разрушить крепкую семью, – отмахнулся Прай-Ми. – Разве что затянувшаяся черная полоса… Но в твоем случае, думаю, все совсем иначе.

– А в твоем?

– Что?

– Люди говорят, что ты вынашивал проект «Мекки» с детства.

Каково это понять, что кто-то забрал у тебя твое детище?

– А еще навешали кучу фиктивных долгов, угрожают убить друзей и брата, если я не буду сотрудничать, – Прай-Ми улыбнулся. – Я вляпался по самые уши, Зевс. Можешь считать это дурной кармой, судьбой, решившей отомстить мне за детский поступок, когда я обрушил проект твоего отца.

Охотник за наживой кивнул. Мысль о том, что месть, пусть и не так, как он планировал, свершилась, нравилась ему. Теперь можно было сделать перезагрузку взглядов и пересмотреть планы на жизнь. Тем более что оставаться охотником за наживой в его возрасте уже не актуально. Молодые игроманы ищут новых героев, которые будут ближе им по духу, и подстраиваться под веяния моды с годами все сложнее и сложнее. «Наверное, я и Ра превращаемся в такой же анахронизм, как «Голод» и «Фивы», на смену которым пришла «Мекка», вызвав повышенный интерес молодежи», – подумал Зевс.

– И какой у нас план? – спросил он, заглядывая бывшему врагу в глаза.

– У нас? – Прай-Ми не смог сдержать улыбку. – Говоришь так, словно решил пропустить стадию торгов и сомнений.

– Это просто игра, – пожал плечами Зевс, фальшиво изображая беспечность.

– Для меня, моего брата и для Саломеи это не просто игра, – сказал Прай-Ми. Задумался на мгновение и добавил: – Хотя для тебя, пожалуй, это тоже перестало быть игрой.

– Для охотников за наживой игровые проекты – это средство заработка, а не игра, умник, – напомнил Зевс.

– Громкое заявление. Не боишься, что после такого тебя не возьмут вести передачу об игровых проектах?

– Думаю, этот шанс уже упущен.

– Звучит разумно.

– Я вообще-то разумный человек… – Зевс нахмурился. – Только в случае с тобой, когда узнал, что ты не только лишил меня заработанного в «Голоде» состояния, но и семьи, немного переклинило.

– Ты тоже мне изрядно попортил нервы. Особенно учитывая, что в «Голоде» на кону стояли наши с братом жизни, а не заработанные единицы Влияния.

– Не думаю, что сейчас имеет смысл взвешивать, кто кому устроил больше неприятностей.

– Согласен.

– Мы не друзья, но уже не враги. Подходит тебе такое? – предложил Зевс.

Прай-Ми кивнул.

– Теперь давай забудем на время о прошлом и подумаем о том, какие дивиденды принесет нам наш союз?

– А чего тут думать? – всплеснул руками Прай-Ми, напоминая подобным оживлением Зевсу, что на порядок младше его. – Ты фидаин. Ра – строительный координатор и защитник Голиафских гор на случай нападения. Говорю тебе как бывший разработчик «Фив»: строительные черви минхочао – это грозное оружие. Особенно если погонщику удается получить контроль над огненными, а лучше над электрическими червями. Так что если ты сможешь организовать небольшой бунт в стане Голиафцев, когда армия телебов начнет штурмовать горы, то это может оказаться решающим фактором.

– Звучит так, словно ты не уверен, что смог бы сломить сопротивление горного народа, – подметил Зевс.

– Звучит так, словно можно сократить время на сбор армии телебов в несколько раз, – скривился Прай-Ми. – Перебраться через Голиафские горы хотят многие, но верит, что это возможно, в лучшем случае треть. Убедить остальных будет сложно, но выполнимо. Если ты решишь встать на мою сторону, то мы можем взять Голиафские горы меньшими силами, чем в случае, если ты и Ра будете противостоять мне. Это вдохновит сомневающихся и заставит заткнуться злопыхателей, смеющихся над моей затеей провести армию телебов в Аид. К тому же пока мы готовим плацдарм для вторжения: Ра пытается посеять раздор в рядах защитников Голиафских гор, я вооружаю присоединившиеся ко мне группы, ты, будучи фидаином, мог бы избавляться от неугодных мне игроков, пытающихся ставить палки в колеса на пути к объединению племен.

– Не забывай, что я не могу убивать без прямого приказа Старца горы, – напомнил Зевс.

– Старец горы – обычный игрок. С ним можно договориться. Голиафцы неплохо зарабатывают, выполняя заказы игроков с других игровых площадок. Думаешь, почему создали амулеты ин-незов?

– Только не говори, что специально для фидаинов.

– А как бы иначе вы покидали Голиафские горы? Нет, можно, конечно, было тупо убрать у фидаинов привязку к определенной локации, но это лишало других голиафцев заинтересованности в получении свободы посредством использования амулета ин-незов.

– Не думал, что таких много.

– Поверь мне… Конечно, они не пытаются выкрасть их у фидаинов, нарушая запреты Старца, но после того, как началась торговля между Далекими землями и Аидом, многие

контрабандисты и проводники из ваших мечтают получить амулет ин-незов. Они заказывают достать желанный билет в большой мир у представителей Аида, готовые заплатить любую цену. Это превращает амулет ин-незов из безделушки в предмет поисков…

Прай-Ми не знал, но в тот самый момент, когда он разговаривал с Зевсом, его брат и группа торговца Гамбино была в паре шагов от того, чтобы впервые в истории стать телебами, доставшими для голиафцев амулет ин-незов в обмен на карты тайных проходов из Далеких земель в Аид. Успех обещал колоссальные дивиденды, особенно если удастся уговорить торговца присоединиться к Прай-Ми. Впрочем, учитывая, как быстро шла в гору репутация его брата в группе телебов, то союз был практически решенным делом. Главное – не допустить глупых ошибок.

Глава шестая

Фемит по имени Марре сказал, что дорога от Небесных гнезд до гор под названием Снежные пики, где находился штаб чернокнижников, заключивших договор с другими фемитами, займет полтора игровых дня, если не случится ничего непредвиденного. Гамбино настоял, чтобы с ними пошла Агва, потому что в Аиде без мага нельзя.

– Возьми мистифа, – посоветовал Марре.

Торговец заглянул ему в глаза и громко рассмеялся. Имитация предводителя фемитов не смогла понять причин смеха, изучая ситуацию только со стороны максимальной пользы для предстоящей миссии. Мистиф был опытнее и превосходил Агву в несколько раз. О том, что колдунья может быть другом торговца, а мистиф – это просто чужак, которым можно пожертвовать, Марре не думал. Да и невозможно было принести в жертву одного, не потеряв другого, учитывая, что Агва, Бриск и Арк-Ми находились на крючке у Грифона и гибель одного из них означала гибель остальных.

– И чем заниматься нам в эти полтора игровых дня? – спросил Арк-Ми, обращаясь к старому фемиту с оторванными крыльями, встретившему их, когда они только появились в небесных гнездах.

– Какого черта ты разговариваешь с имитацией? – устало спросил мистиф, начиная проклинать тот день, когда связался с Арк-Ми и его друзьями.

– Имитации заточены на то, чтобы заставлять игроков выполнять задания, – отмахнулся от чернокнижника бывший разработчик «Фив». – Или ты хочешь ждать полтора дня вестей со Снежных пиков?

Но новое задание получить не удалось. Фемиты считали их пленниками и запрещали им покидать Небесные гнезда. Зато, к удивлению Бриска, Арк-Ми удалось договориться с Марре провести ряд тренировок, связанных с управлением и ведением боя с фемитами. Главным подопытным выступил сам Марре. Конечно, сражаться учился Арк-Ми, а управлять мистиф, получив на излете второго игрового дня пару новых способностей и неожиданное предложение от старого фемита присоединиться к Гамбино, выполнявшему задание по возвращению украденных птенцов.

– Вот это номер!.. – растерялся мистиф.

– Я же говорю, имитации заточены на то, чтобы нагружать игроков всевозможными заданиями, – расплылся в широкой

улыбке Арк-Ми, взбираясь на спину боевого фемита.

Когда они добрались до снежных пиков, небо Аида только начинало прижиматься к земле. На подлете фемиты снизились, позволив Арк-Ми и мистифу рассмотреть, как поднимаются в горы телебы во главе с Гамбино и Таросом. Затем группа фемитов, возглавляемая Марре, круто устремилась в небо, достигла вершин Снежных пиков и обрушилась на противников, благо Бриск смог нейтрализовать защитные системы чернокнижников, не позволявшие приближаться к их штабу фемитам Небесных гнезд. Бывшие ангелы, ныне превращенные, согласно легенде, в гигантских орлов с человеческими лицами, вступили в кровавую битву. Причем за имитациями, выступавшими на стороне Арк-Ми и Бриска, было преимущество – они не боялись погибнуть и вылететь из игры, в отличие от реальных игроков, управлявших фемитами Снежных пиков, которые достойно держались первые пять минут сражение, а после, когда группа Гамбино и Тароса начала наступать снизу, заставляя открыть второй фронт, запаниковали, предпочитая отступить. Сражение было выиграно. Миссия выполнена.

– Проще простого! – рассмеялся Гамбино, увлеченный сражением, затем заметив Арк-Ми и ненавистного ему Бриска, помрачнел. – Не знал, что вы тоже принимали участие, – вкус победы смазался, начал казаться неполным, особенно когда Агва подбежала к мистифу и начала рассказывать, какие трудности встретились им на пути к Снежным пикам.

– Похоже, девочка действительно втрескалась в чернокнижника, – многозначительно подметил Тарос, наблюдая за тем, как Гамбино становится мрачнее тучи.

– Нужно срочно напомнить ему о дивидендах, которые он получит от этого путешествия в Аид, – улыбнулся Арк-Ми.

– Сомневаюсь, что это поможет.

– Еще как поможет! У торговцев жажда наживы заложена в точку сборки, так же как у солдат желание вступить в бой. Так что… – Арк-Ми подошел к Гамбино и завел разговор о том, что теперь они смогут переправлять часть товаров из Аида в Далекие земли не опасными тоннелями Голиафских гор, а непосредственно через обледеневшие хребты. – Кромны, конечно, хороший гужевой транспорт, но ты представь, какие плюсы несет сотрудничество с фемитами!

– И то верно… – просиял Гамбино, услышал радостный смех Агвы, попытался нахмуриться, но, представив прибыли от союза с фемитами, снова просиял.

– Может быть, тогда нам не стоит заморачиваться и с поисками амулета ин-незов? – осторожно предложил Тарос,

изучая карту с обозначением мест, где может находиться артефакт.

– Как это – не стоит?! – всплеснул руками торговец, окончательно отдавшись во власть алчности своего персонажа. – За амулет ин-незов мы получим карту тоннелей в Голиафских горах! Ты хоть представляешь, какую прибыль принесет дополнительный торговый канал? – в глазах Гамбино блеснуло безумие.

Тарос, подчинявшийся торговцу согласно заключенному договору, предпочел не спорить.

Остальные телебы – Тим, Гедер и Ковен – продолжали бегать по брошенной противниками площадке Снежных пиков, собирая оставленное оружие и шумно обсуждая, какие бонусы для развития игровых персонажей принесет сегодняшняя победа.

– Тогда нам стоит выдвигаться, – безрадостно сказал Тарос, показывая, что ближайшая точка с предполагаемым нахождением амулета ин-незов находится в дне пути.

– Это пустыня Живых песков? – растерялся Арк-Ми.

– Кажется, – смутился Тарос. – А что не так?

– Там ведь находится, как в темнице, Гарпия.

– И что?

– Мерзкое место. Помню, когда был разработчиком «Фив», развитие этого проекта вешали исключительно на провинившихся, потому что по доброй воле никто не соглашался, – Арк-Ми растерянно улыбнулся. – Ближе к концу, когда руководство давило на нас с братом, желая забрать наработки «Мекки», нам пришлось провести какое-то время за проектом Гарпии в пустыне Живых песков…

– Хочешь предложить какой-то план? – хмуро спросил Тарос.

– Хочу сказать, что будет лучше держаться подальше от пустыни Живых песков, выбрав другое место, – Арк-Ми потянулся за картой, но в разговор вмешался Бриск.

Чернокнижник появился рядом словно призрак, материализовавшись, казалось, из пустоты – особенность мистифов, позволяющая проходить мимо других персонажей незамеченными. Тарос выругался, схватившись за оружие.

– Не делай так больше, – попросил он Бриска, предупредив, что в следующий раз может отрубить ему голову.

– Это особенность моего персонажа, – пожал плечами мистиф, предложив для проникновения в пустыню Живых песков воспользоваться услугами фемитов. – Они ведь теперь наши должники, – напомнил он.

– Не забывай, что они имитации, – сказал Тарос.

– Он может ими управлять, – промурлыкала Агва, выглядывая

из-за плеча чернокнижника.

– Так вы предлагаете отправить мистифа за амулетом ин-незов? – громыхнул Гамбино, вспомнив о былых обидах.

Колдунья подошла к торговцу и сказала, что, пока Бриск будет добывать для них артефакт, она побудет со старыми друзьями.

– К тому же попытайся представить, какую прибыль ты получишь, доставив амулет голиафцу, – Агва подошла к Гамбино и взяла его за руку.

– Ну хорошо, – сдался он. – Но только я не согласен, чтобы мистиф отправлялся в пустыню Живых песков один. Не забывай, что вы связаны. И если с ним что-то случится, то… – торговец уставился на Арк-Ми. – Ты ведь тоже можешь управлять фемитом, верно?

– Немного, – признался бывший разработчик «Фив».

– Значит, сможешь присмотреть за чернокнижником, пока мы доставим хранителям знаний золотые перья, чтобы Агва смогла получить книгу заклинаний Аида.

Спорить было бессмысленно, да Арк-Ми и не хотел. Простившись с Таросом, он взгромоздился на могучую спину фемита и взмыл в небо. Мистиф следовал за ним на Марре. При необходимости чернокнижник мог взять под контроль одну имитацию-фемита. Пользы от этого было мало, учитывая, что бывшие ангелы, превращенные в орлов, держались группами, но при необходимости мистиф мог перехватывать управление фемитом, если Арк-Ми начинал совершать ошибки. Подобная подстраховка помогла развить большую скорость и добраться до владений Гарпии до окончания игрового дня.

Желтые крупицы песка переткали между каменистых образований, уходящих за горизонт. Ветра не было, и потому казалось, что песок живет собственной жизнью. Он перемещался в хаотичном порядке, изучая каждую трещину в камне, каждый закоулок предоставленной ему территории. Мелкие песчинки, сбиваясь в потоки, ползли от одного камня к другому, оставляя за собой голую землю да скелеты ийсов, которые мгновенно рассыпались, стоило песку оставить их наедине с окружившей их бесконечностью. Здесь не было места для живых существ. Песок пожирал все, что встречал на своем пути, превращая в союзников – в такие же крупинки песка, как он сам.

Спрыгнув с фемита, Арк-Ми со всех ног бросился в полуразрушенный храм, где, предположительно, находился амулет ин-незов. Кровожадный песок, чувствуя колебания земли словно паук движения попавшей в паутину жертвы, начал стягиваться отовсюду, собираясь возле стен храма. Пара фемитов

и мистиф предусмотрительно поднялись в воздух.

Информационные протоколы показали образ единственного существа, способного выжить в этих краях. Его внешность была божественно красива. Линии лица строги, но от этого не менее идеальны. Оно могло олицетворять женскую красоту в ее первозданном виде. Необремененное косметикой и волосяным покровом. Лишь только гладкая, бледно-золотистая кожа. Его узкие губы никогда не знали улыбки. Даже когда оно говорило, его рот лишь слегка приоткрывался, пряча несколько рядов острых, как у пираньи, зубов. Его язык был расположен глубоко в горле, дабы эти зубы не могли поранить его. Отсюда и голос: глубокий, поднимавшийся словно из желудка этого существа. Когда оно говорило, его узкие плечи распрямлялись, а руки складывались возле груди в молитвенно-просящем жесте.

Существо это называлось Гарпией и находилось в этом месте очень давно. Блуждавший среди холодных камней беспощадный песок не трогал его. Здесь только он был разумным созданием, и Гарпия могла направить на него всю свою злобу. Песку до этого не было дела. Понимая это, Гарпия в бессильной злобе обливала камни сочившимся из ее когтей смертельным ядом. Это существо было создано для мести, но сейчас оно не могло отомстить даже за самого себя. Единственное, что ему оставалось, – ждать, когда песок потерпит неудачу…

Арк-Ми успел обследовать большую часть храма, когда услышал голос Бриска. Чернокнижник предупреждал его о приближении вышедшего на охоту живого песка и советовал выбраться на крышу храма, чтобы фемит мог забрать его.

– Нашел артефакт? – спросил он, когда они поднялись в небо.

– Да, – прокричал Арк-Ми, наблюдая, как песок, вытянувшись в струну, пытается дотянуться до лап фемита, опутать их и вернуть на землю, чтобы там укрыть своим одеялом забвения и лишить плоти. Но фемиты поднимались быстрее. В конце концов песочная струна рассыпалась, устлав землю мельчайшими крупинками, которые снова слились в единый, смертоносный поток.

Осознав, что проиграл, живой песок горестно взвыл. Окружавшие его камни рассыпались, превратившись в пыль. В гневе песок отыскал еще одну каменную гряду. Мириады песчинок сжали ее в своих объятиях. Столб пыли взметнулся ввысь. Вслед за ним устремился песок, складываясь в острый шпиль. Его игла пронзила небо, из разорванного брюха которого на высушенную землю обрушился дождь. Крупные капли прибили к земле пыль, просочились в расщелины между камней, впитались в бесплодную почву, населив ее надеждой даровать

жизнь.

Тела ийсов, превращенные в пыль, проникали в поры земли, пускали корни, стремясь выбраться на свет тонкими стеблями новой жизни. Подобно тому, как гусеница превращается в куколку, чтобы потом взмыть в небо прекрасной бабочкой, тела ийсов, впитав влагу, пускали ростки новой жизни, стремясь превратиться в бескрайние поля разумных аворов, шепчущихся между собой распустившимися бутонами.

Протоколы восприятия обострились до предела, не позволяя Арк-Ми произнести ни слова, пока фемиты не покинули пустыню Живых песков. Информационные протоколы продолжали показывать, как в мертвых землях кровожадный песок покрывает землю, пытаясь задушить зарождающуюся жизнь, вернув в прежнее состоянии пыли. Песчаная буря несется вдоль земли, забирая все живое, но новая жизнь появляется быстрее, чем ее уничтожают. Поэтому песок сдается, осыпаясь среди камней, превращаясь в грязь. Летящая с неба вода бурлит в окружающих его лужах, и где-то рядом продолжает зарождаться жизнь.

– Кажется, мы только что разрушили темницу Гарпии, – сказал Арк-Ми.

– Кажется? – скривился мистиф. – Я думал, ты был разработчиком «Фив» и должен знать такие вещи.

– При мне освободить Гарпию можно было, только выполнив очень сложный квест. Этот персонаж создавался в самом начале проекта, и те, кто его придумывал, считали, что Гарпия, являясь одним из главных божеств, будет вызывать повышенный интерес игроков, но с годами «Фивы» обросли новыми сюжетами и пустыня Живых песков превратилась в аппендикс Аида, который проще обойти стороной. Думаю, поэтому мы смогли найти амулет ин-незов в заброшенном храме – никто не рискнул зайти в эти земли прежде… А что касается освобождения Гарпии, то… Мы с братом считаем, что в «Фивах» и «Голоде» в последнее время наметилась тенденция к обрушению. После того, как они приобрели нашу «Мекку», «Голод» и «Фивы» превратились в обузу, от которой лучше избавиться… – Арк-Ми еще долго пытался объяснить мистифу, как обстоят дела в мире вне игры, а потом, воссоединившись с Гамбино и Таросом, был вынужден повторить все это им.

Разговор вышел долгим, так как группа разбила лагерь возле стен поселения хранителей знаний, куда пришла Агва, чтобы получить книгу заклинаний Аида в обмен на золотые перья фемитов. Хотели новые друзья Арк-Ми или нет, но им приходилось верить в его историю, тем более что с каждым новым днем происходящее вокруг снова и снова доказывало,

что он не врет.

– Не может обыкновенный хвастун так тонко разбираться в тонкостях игрового процесса, – тихо сказал Тарос, когда Гамбино отозвал его для приватного разговора. – И на свихнувшегося игромана, выучившего все нюансы, он не похож, – добавил глава охраны телебов, предвидя следующий вопрос торговца.

– Если бы не Тим, который подтверждает обрушение «Голода» и грандиозную рекламную компанию в поддержку «Мекки», то я бы вообще не начал этот разговор, – хмуро сказал Гамбино. – Хотя для верности я бы предпочел поговорить о том, что происходит в реальности с кем-нибудь еще из новичков.

– С каких пор ты стал не доверять Тиму?

– С тех пор, как мы встретили Арк-Ми и с нами начали происходить странные вещи. Подумай сам: мы шли, чтобы обменять немного товаров Далеких земель на товары Аида, а что в итоге? Встретили голиафца, предложившего нам получить карту тайных проходов в горах для самостоятельной торговли с представителями Аида, узнали тайну амулета ин-незов, встретили мистифа, едва не погибли от лап Грифона, начали выполнять квест хранителей знаний, ввязавшись в войну фемитов, и теперь освободили Гарпию, которую испокон веков все игроки обходили стороной… – торговец почесал косматую голову.

– По-моему, это только доказывает слова Арк-Ми о том, что разработчики, выкупив перспективную «Мекку», сливают свои устаревшие игровые проекты, – пожал плечами Тарос.

– А как ты относишься к его предложению воспользоваться происходящим и свергнуть Сфинкс, обрушив следом за «Голодом» игровую площадку «Фивы»?

– Думаю, без нас у него ничего не выйдет, или придется искать других союзников. В одиночку подобное невозможно.

– То есть ты допускаешь возможность обрушения?

– Мистиф сказал, что они освободили Гарпию. Фемиты стали нашими должниками, согласившись переправлять нас через пики Голиафских гор. Мы достали амулет ин-незов и скоро получим карту секретных тоннелей, по которым сможем водить торговые караваны, а если захотим, то и отряды телебов… Конечно, последнее подразумевает вражду с горным народом, но что-то мне подсказывает, что вполне вероятна череда новых случайностей, которая будет способствовать дальнейшему развитию сюжета, цель которого – обрушить «Фивы».

– То есть ты веришь словам Арк-Ми о том, что разработчикам выгоден коллапс игровой площадки?

– Если площадка становится убыточной, то – да. Наш новый друг прав. Это вызовет последний всплеск спроса на игровые ключи, повысив ненадолго прибыли в несколько раз, плюс, при грамотной пиар-компании, сможет сыграть на руку «Мекке».

– А в то, что адаптивные алгоритмы получили скрытую команду обрушить систему, ты тоже веришь?

– Я уже перечислил те странности, свидетелями которых мы стали. Не удивлюсь, что подобное происходит не только с нами.

– Звучит так, словно у нас нет выбора, – поморщился Гамбино. – Либо мы помогаем братьям обрушить «Фивы», либо они сделают это без нас… – на лице торговца появилась недобрая улыбка. – Знаешь, мне ведь нравится эта игра, и я, можно сказать, консерватор, который не хочет бросать все здесь и адаптироваться к реалиям какой-то «Мекки», сколько бы плюсов и передовых технологий она ни обещала… И я вот о чем подумал… – торговец покосился в сторону Арк-Ми, сидевшего в кругу телебов у разведенного костра. – А что если мы прикончим его?

– Сомневаюсь, что обрушение непосредственно связано с братьями, – покачал головой Тарос. – Скорее всего, они просто оказались в нужное время в нужном месте. Помешав им, мы лишь отсрочим неизбежное.

– Значит, ты выступаешь за то, чтобы присоединиться к ним?

– Я выступаю за то, чтобы вернуться в Далекие земли и встретиться с братом Арк-Ми. Посмотрим, что к чему, а там уже решим, на чьей стороне будем выступать.

Гамбино задумался на мгновение, затем согласно кивнул. Кажется, игровой мир действительно начинал вращаться быстрее, чем раньше, приближая «Фивы» к неизбежному концу. Причем стоило только подумать об этом, как знаки начинали мерещиться повсюду: бегство люмидов из каньона Ветров, где, как шептались зоргулы, с которыми Гамбино и его команда встретились на обратном пути к Голиафским горам, появилась четвертая армия Аида, состоявшая из персонажей лучших игроков; бунты в армиях Ареса, Тидея и проповедников боли (последних, в виде полуразложившихся мертвецов, пришлось уничтожить, когда они попытались напасть на поселение хранителей знаний, потому что Агва не успела еще забрать у мудрецов книгу заклинаний Аида); странные, запрещенные прежде союзы, как, например, фемиты и чернокнижники (аворы, говорящие цветы, без устали рассказывали о том, что воины трех враждующих армий предают полководцев, образуя независимые коалиции); сплетни из дворца Сфинкс, вещавшие об интригах и заговорах вокруг правительницы Аида; сбежавшие из закрытого города ангелы

и демоны, клявшиеся, что скоро ворота падут и мир закрытого города сольется с миром Аида…

– Не знаю насчет закрытого города, но Голиафские горы, думаю, точно скоро перестанут служить буфером, разделяя Далекие земли и Аид, – самоуверенно заявил Прай-Ми, когда с ним наконец-то встретились Гамбино и Тарос.

Дела у Прай-Ми явно шли в гору. Наладив контрабандный канал через Голиафские горы, он поставлял в Аид кромнов в обмен на оружие армии Тидея – ничего нового в подобной торговле не было, если не считать, что фидаины Старца Голиафских гор устранили практически всех торговцев, готовых конкурировать с Прай-Ми, превратив его в единственного поставщика кромнов в Аид. Приобретенные им шахты в долине Ксифос, где добывалась низкосортная руда, разрослись, но вместо оружия в гигантских кузнях стали производить строительные элементы первой в истории Далеких земель крепости. Сама крепость не интересовала Прай-Ми, но ему нужен был символ единства, вокруг которого объединятся телебы, завершив межплеменные войны.

Если бы не знакомство с братом, то получить аудиенцию с новым лидером племени лигурийцев Гамбино было бы крайне проблематично. Причем лидерство, если верить сплетням, Прай-Ми получил тоже не без помощи фидаинов Старца горы, устроивших настоящую охоту на претендентов. Этот союз не только озолотил голиафцев, но и заставил задуматься о том, чтобы расширить свои владения. Временный союз, заключенный между Прай-Ми и предводителем горного народа, должен был рано или поздно дать трещину, так что вопрос был лишь в том, кто окажется хитрее, наводняя стан союзника шпионами, способными нанести смертельный удар, когда пробьет час. Здесь главной козырной картой Прай-Ми был тайный союз с охотниками за наживой Зевсом и Ра, которые выступали на стороне голиафцев. Были, конечно, и другие агенты, а также перевербованные шпионы, но на них новый лидер телебов никогда не делал ставку. Они требовались для декорации, чтобы отвлечь внимание от Зевса и Ра, единственных, по мнению Прай-Ми, кому под силу было расшатать монолитный мир горного народа.

– Никогда бы не подумал, что удастся заключить договор с Зевсом и Ра, – недоверчиво сказал Арк-Ми, услышав историю брата.

– Они охотники за наживой, – пожал плечами Прай-Ми. – Для них главное – это прибыль. К тому же они немолоды и собираются завязывать с игровыми площадками.

После обрушения «Голода» у них был шанс уйти в индустрию развлечений, но они упустили эту возможность. Теперь продвижение в «Фивах» – это единственный шанс реально заработать и отойти от дел. Плюс не забывай, что они профессионалы своего дела. Я завербовал десятки агентов из голиафцев, но ни один не показался мне способным расшатать горный народ, посеяв смуту, чтобы, когда придет время, сбросить Старца с трона.

– И на его место сядет, как я понимаю, Зевс? – скептически подметил Арк-Ми.

– В идеале царство горного народа просто рухнет, а восставшие голиафцы присоединятся к моей армии… – Прай-Ми замолчал, увидев улыбку на лице брата, говорившую, что в идеале ничего не бывает.

– Помнишь, что случилось с нашим игровым проектом? – ударил Арк-Ми ниже пояса, переводя разговор к потере «Мекки».

– У тебя есть идеи лучше? – спросил брат, заранее зная ответ.

Карты секретных проходов в Голиафских горах и союз с фемитами были, конечно, серьезным бонусом в предстоящем предприятии, но для того, чтобы объединить враждующие племена телебов, указав им внешнего врага в землях Аида, этого было маловато. Требовалась череда событий, благодаря которой они поверят, что настал момент перемен, и тогда, Прай-Ми надеялся, что не ошибается в расчетах, игроки Далеких земель сплотятся возле единственного лидера, способного повести их в Аид.

Глава седьмая

Саломея и Сет не успели точно сосчитать, сколько всего великанов выбралось из-под земли до того, как рухнул их подземный мир. Некоторые из них использовали тоннель, по которому пришли амазонка и бывший контрабандист, но некоторые последовали за беглецами в тайное ущелье, где находился каньон Ветров. Дети титанов. Каменные, объятые пламенем и способные вызвать ураганы, от их тяжелой поступи содрогалась земля.

– Какого черта они преследуют нас? – недоумевала Саломея, спасаясь бегством от разгневанных великанов. – Разве так должно быть?

Не имея ответов, Сет предпочитал отмалчиваться. Активированный карманный дракон амазонки прикрывал отступление, но остановить преследователей ему было не под силу. Оставалось надеяться, что, добравшись до сердца каньона Ветров, они смогут укрыться там и получить защиту.

Чувствуя близость четвертой армии, древнее божество, которое привели с собой Саломея и Сет, оживилось, возглавило процессию. Здесь, в этом серпантине скалистых ущелий, их окружали десятки ветров, стремившихся к центру. Казалось, что они стягиваются сюда со всего мира: жалобно завывая, поднимая песок, застилавший глаза, ударяя в спину неожиданными резкими порывами. Ветра скитались по игровому пространству «Фив», собирая погибших персонажей, прославившихся своей игрой. Ветра приносили в каньон только самых лучших. Игроки не контролировали своих персонажей, но теперь за это отвечали адаптивные алгоритмы, так что каждый герой казался живым, сдерживающим накопившуюся ярость, ожидая, когда ему даруют свободу. И чем ближе Саломея и Сет подходили к центру, тем больше вокруг них собиралось призрачных воинов.

Шум ветра стал невыносимым. Огромная воронка рождала воздушные массы, тут же устремлявшиеся прочь, выброшенные из ее лона. Сгустки тьмы смешивались с искрящимся светом. Молнии, прорезая плоть воронки, выжигали безразличные каменные глыбы. Древнее божество по имени Иакх вело Саломею и Сета в эпицентр стихии. Туда, где земля раскрывалась, позволяя воронке проникать глубоко в недра.

Чудовищный по силе вихрь подхватил непрошеных гостей: Иакха, Саломею, Сета, выбравшихся из своего жилища великанов. Он превратил их в мельчайшие крупицы пыли, которые, кружась

в ветряных воронках, переливались лазурью, преломляя яркие лучи света. Вихрь затягивал их к своему центру, где невидимая ось удерживала его на месте. И чем ближе к центру гигантского вихря находились чужаки, тем тише становилось громогласное завывание рождавшихся ветров и свист бессчетного количества воронок.

Законы притяжения не действовали здесь. Небольшое ядро, размером не превышавшее голову младенца, зависло в самом центре вихря. Это был искрящийся сгусток энергии. Медленно вращаясь, он пульсировал, словно готовясь разорвать тесную оболочку. Далеко внизу была тьма. Высоко вверху – яркий свет. Но здесь, возле ядра, был покой. Нейтральность во всем: в звуках, свете, чувствах.

Какое-то время ничего не происходило, затем ядро вздрогнуло. Его оболочка напряглась, пытаясь раскрыться. Ядро просыпалось. Дрожала не оболочка. Дрожали его веки. Шесть глаз, расположенные симметрично, открылись. Темные, как ночь, с ярчайшими вспышками по центру. Ядро продолжало вращаться, давая возможность каждому из своих глаз разглядеть чужаков. Затем оболочка ядра снова задрожала, позволяя шести своим ртам разомкнуться.

– Иакх! – голос был похож на свист ветра. Он не вселял ужас. Напротив, дарил покой и безмятежность. – Мой господин, – тонкие, как нити, разряды скользили по телу древнего бога. – Твоя дорога была слишком долгой, но я знал, что ты придешь. Я всегда ждал тебя. Мы ждали.

Пульсирующее ядро вздрогнуло. Где-то далеко внизу, во тьме, послышались робкие голоса. Тысячи персонажей поднимались из недр к небу.

– Прости им их нетерпение. Они ждали этого часа слишком долго, мой господин, – шесть пар глаз широко раскрылись. Свет, заключенный в их центре, вспыхнул тысячами ярких переливов. Форма воронки исказилась. Вырвавшиеся из нее вихри протяжно завыли.

Они подхватили Иакха, увлекая в пучину. Плач ветра стал невыносимо горек. Он разрывал пространство. Разрывал свою плоть. Гигантская воронка сотрясалась, поглощая все, кроме пульсирующего ядра в центре. Иакх, его армия, ангелы и демоны, траджи, бульвайки, азоли, поднявшиеся из недр земли, – все, кто ожидал спасения, превратились в искрящуюся пыль. Теперь надежда тех, кто ожидал забвения, была прямо перед ними. Иакх! Они звали древнего бога. Тянулись к нему. Их долгожданный спаситель. Их обещанное забвение, которое нужно завоевать, получив в конце покой, – об этом они говорили.

Когда гигантская воронка выплюнула пришедших чужаков и освобожденную армию, то первыми жертвами воинов стали великаны. Лавина жаждущих покоя существ обрушилась на детей титанов, поглощая их. Лавина, которая не знала, что такое хаос и что такое боль. Она мечтала лишь о смерти. Пила ее жадными глотками, обретая долгожданный покой. Но водоем в виде детей титанов не мог напоить всех, поэтому Иакх повел их дальше. Туда, где еще оставался хаос, туда, где его армия смогла бы найти свою смерть.

* * *

– Вот это заварушка! – оживился Джаво, просмотрев преобразованную для устаревшего модулятора трансляцию игрового нейронного канала, рассказывающего о том, что группе игроков в «Фивах» удалось получить контроль над четвертой армией.

В тот момент мальчишка, выступавший некогда в паре с Саломеей, не мог думать ни о чем другом, кроме того чтобы вернуться в игру. Установленные разработчиками правила говорили, что после активации четвертой армии, скрытой в каньоне Ветров, игроки, чьи персонажи составляют ряды новой армии, смогут вернуться на площадку. Джаво лелеял свою мечту несколько дней, относясь к ней как к секретному оружию, способному развеять любую скуку.

Усилил ажиотаж и тот факт, что нанятые отцом Джаво представители агентства «Ксанет», Окс и Лиор, нашли дочь Саломеи, похищенную ее отцом с исследовательской станции, когда экспедиция к центру Великого ледника подверглась атаке Сарса – вируса, перебравшегося позднее в жилые комплексы, продолжив развитие сначала в благоприятных для него новых нейронных сетях седьмого поколения, а затем начав осваивать второй уровень реальности – Подпространства, поглощая посредством созданных отцом Джаво альтернативных генераторов необходимую для развития энергию. Впрочем, о последнем крупный арендодатель по имени Демир ничего не рассказывал сыну, и Джаво не знал о проблемах, представляя, как обрадуется Саломея, когда он вернется в «Фивы», чтобы помочь им захватить власть на игровой площадке, и заодно расскажет, что смог найти ее дочь.

Оставалось дело за малым – связаться с отцом и договориться о приобретении зарезервированного разработчиками игрового ключа, открывающего доступ к воину четвертой армии,

персонажем которого управлял Джаво до того, как вылетел из игры в прошлый раз. Договориться с Эсфирь, странной женщиной, признанной клириками Института всемирной иерархии содомитом, но теперь жившей в закрытом квартале, присматривая за Джаво, не представлялось возможным. Особенно после того, как сын Демира хитростью заставил ее активировать нейронный генератор и, пользуясь способностями нейропата, прочитал мысли Эсфирь, узнав много тайн касательно отца и его союза с учеными Подпространства, работавшими не только над запрещенными властью Размерности альтернативными генераторами, но и готовившихся запустить проект «вечная жизнь», базировавшийся на разработках квазацентристов, изучавших тонкие грани временных мембран.

Последнее держалось в строжайшей тайне, и Джаво, чувствуя груз ответственности за полученные знания, даже не заикался о вечной жизни, ограничиваясь личными тайнами Эсфирь, если нужно было выторговать у нее какую-нибудь поблажку или уговорить закрыть глаза на очередную шалость. Хотя в квартале, изолированном от опутанного нейронными сетями мира Размерности, все равно было скучно. Играть в прятки с синергиками, биоэлектронными машинами, обеспечивающими охрану, Джаво надоело в первые две недели. Та же участь ждала и устаревший модулятор, позволявший следить за развитием событий на игровых площадках…

После того, как врачи обнаружили у Джаво дремлющие способности нейропата, которые могли выжечь остальные чувства, жизнь, как ему казалось, пошла под откос. Сначала его начали сторониться друзья, затем пришлось спрятаться в строящемся квартале окруженного льдами жилого комплекса Isistius labialis, где были отключены нейронные сети, способные активировать дремлющие способности Джаво…

«В Подпространстве нейропатия тоже остается в дремлющем состоянии, так что отец не будет возражать, когда узнает, что я хочу вернуться в «Фивы». Он ведь сам прятал меня там, пока не подготовил этот квартал», – думал Джаво, надеясь, что сможет передать сообщение отцу через Окса, агента «Ксанет», который казался более сговорчивым, нежели Эсфирь. О том, что отец не откажет ему, Джаво не сомневался. Поворчит, как всегда, но в итоге сдастся…

Он все еще строил планы, как лучше составить сообщение отцу, когда Окс встретился с ним и попросил прочитать мысли отца Ариши, дочери Саломеи, который до того, как похитил своего ребенка, служил хранителем в Институте всемирной иерархии, представляя закон Размерности.

– Ты просишь меня активировать способности нейропата? – опешил Джаво.

– Твой отец дал согласие.

– Врешь!

– Это очень важно, парень… – Окс рассказал ему о связи хранителя с нейронным сбоем, поставившим на уши мир Размерности. Рассказал о проникнувшем в жилые комплексы вирусе, получившем название Сарс, и о готовящемся запуске экспериментального генератора… – Ты хотел быть взрослым? Хотел, чтобы к тебе относились как к равному? Вот твой шанс, – закончил представитель агентства «Ксанет».

– Как к равному, говоришь? – задумался Джаво, покраснев от гордости и чувства собственной важности.

«Помогу им прочитать мысли хранителя, а потом попрошу отпустить меня в «Фивы». В конце концов, быть нейропатом не так страшно, как считает отец», – думал Джаво. Факт, что придется заглядывать в голову хранителя, его не страшил, хотя самого хранителя он боялся до чертиков. Все, выросшие в Размерности, наверное, боялись служителей Иерархии. Ну или почти все… Джаво бросил на Окса испытывающий взгляд.

– А ты боишься? – спросил он представителя агентства «Ксанет».

– Кого или чего я должен бояться?

– Хранителей.

– Скажем так… Я не хочу недооценивать их, – осторожно произнес Окс.

Джаво задумался на мгновение, затем кивнул и важно заявил, что относится к служителям Иерархии так же, напомнив, что как-то раз по его причине погиб хранитель.

– Если будешь рассказывать об этом каждому встречному, то навлечешь на себя беду, – сказал Окс.

– Ты мой друг. Тебе можно, – отмахнулся мальчишка, вспомнил, что дочь Саломеи тоже нейропат, и нахмурился.

Окс неверно истолковал выражение лица Джаво, приняв это за напускную беспечность.

– Дело в Арише, – недовольно пояснил мальчик. – Она ведь обладает такими же способностями, как и я.

– Зато ты знаешь об ее способностях, а она о твоих – нет.

– Сомневаюсь, что для нее будет проблемой определить, кто я. Нейропаты чувствуют друг друга, – Джаво тяжело вздохнул. – К тому же она девчонка, и я… В общем…

– Если хочешь, то могу попробовать разделить их, – предложил Окс.

– Тогда это вызовет еще больше подозрений, – покачал

головой мальчик.

– Разумно, – согласился Окс.

Сомнения Джаво передались представителю агентства «Ксанет», но другого надежного способа узнать, что на самом деле случилось с Аришей и ее отцом на исследовательской станции, у них не было. Оставалось лишь надеяться, что дети, Джаво и Ариша, сумеют быстро найти общий язык… «Или как там у нейропатов называется установление контакта?» – хмуро думал Окс, пытаясь выработать запасной план на случай провала основного. Но провала не случилось. Наоборот. Ариша заглянула новому другу в глаза и увидела, как он познакомился с ее матерью на игровой площадке. Джаво в свою очередь увидел воспоминания девочки, касающиеся случившегося на исследовательской базе. Он знал, что должен работать с мыслями хранителя, но сознание Ариши было открыто и доступно. Ее мысли притягивали как магнит. Нечто подобное чувствовала и девочка.

– Что происходит? – насторожился ее отец.

– Все в порядке, – сказала Ариша, опередив Окса с ответом. – Джаво нейропат, и мы… Нам не нужны слова.

– Нейропат? – хранитель волком посмотрел на Окса. – Ты обманул меня. Сказал, что отведешь в безопасное место, а сам завел в ловушку и притащил нейропата, чтобы прочитать наши мысли!

– Это не ловушка, – сказала Ариша. – Они действительно наши друзья, а Джаво правда был знаком с мамой.

– Замолчи! Ты ребенок и не понимаешь, что происходит…

Он шагнул на Окса.

– Мы уходим, – процедил бывший хранитель сквозь зубы.

– Нет! – решительно заявила Ариша. – Мне надоело бегать и прятаться, словно мы крысы.

– Остаться здесь – это ошибка.

– Ошибкой было бежать с исследовательской станции!

– Ты бы предпочла там погибнуть?

– Мы привезли в жилые комплексы Сарса!

– Не смей обвинять меня за то, что я спасал твою жизнь!

Их крики стали невыносимы, втягивая в спор Окса. Обстановка накалилась, грозя перерасти в драку. Джаво вспомнил, как однажды стал посредником, объединив в нейронную сеть сознания двух людей. Он не знал, получится или нет провернуть подобное во второй раз, но попробовать стоило.

Окс и хранитель вздрогнули. Поток посторонних мыслей, хлынувших в сознание, был хаотичным и настолько мощным,

что закружилась голова. Джаво испугался, что причинит им непоправимый вред, и ослабил воздействие. Несколько секунд он балансировал на грани того, чтобы потерять контроль над чужими сознаниями, но затем ему помогла Ариша, перехватив часть его мыслей и одобрив намерение. Сеть заработала.

Окс увидел подготовку Иерархии к спасательной операции после того, как вирус, получивший название «Сарс», взял под контроль исследовательскую станцию, построенную во льдах на пути к центру Великого ледника. Он подчинил сознания ученых, среди которых находились родители Саломеи и Ариша. Чтобы попасть в состав спасательной экспедиции, отец Ариши, Иегудиил, заключил договор со скандально известным монополистом Лок-Кли, коллекционирующим тайны КвазаРазмерности… Также Лок-Кли курировал независимый проект по нейтрализации вируса, который получил новое дыхание, когда Сарс, обманув Иегудиила, смог избежать уничтожения на перевалочной базе, а затем, помогая бывшему хранителю и его дочери вернуться домой, проник в нейронные сети уцелевших после апокалипсиса жилых комплексов, начиная с Isistius labialis, где находилась самая благоприятная для развития нейронного вируса среда.

Что касается Иегудиила и его дочери, то он в чужом комплексе чувствовал себя не очень комфортно, совершая одну ошибку за другой, благодаря чему на него смогли выйти представители агентства «Ксанет». Сарс тем временем проник в нейронные сети и начал готовиться к полномасштабной атаке. Однажды, когда он только начинал существование, создатели, надеявшиеся, что он поможет им улучшать игровую площадку и бороться с конкурентами, уже пытались уничтожить системы адаптивного развития, когда они вышли из-под контроля и начали паразитировать, захватывая общественные нейронные сети седьмого поколения. Для Сарса, созданного так, чтобы обращать внимание на успешные игровые проекты, проникая в них, уничтожая изнутри, жизнь людей в стенах жилого комплекса Isistius labialis – их борьба с наступающим ледником и постоянные поиски новых источников энергии – стала представляться одной большой игровой площадкой, в которую нужно проникнуть, разрушив базисы.

Тогда создателям систем адаптивного развития повезло. Нейронные сети седьмого поколения, для взаимодействия с которыми создавался Сарс, использовались в основном для игровых площадок. Так что вычислить и загнать в тупик созданный вирус удалось достаточно оперативно. Но за долгие

годы, минувшие с того дня, нейронные сети седьмого поколения давно плотно вошли в жизнь комплекса.

Сарс дублировал себя, когда его впервые пытался уничтожить создатель Симеон. Базовый вирус, стремящийся захватить нейронные сети, был уничтожен, но полная копия исходных алгоритмов отправилась вместе со строительными автоматами на перевалочную базу, где, вновь осознав себя самодостаточной системой, начала подчинять адаптивные алгоритмы, отвечавшие за функционирование базы.

Копия Сарса обучалась с нуля, и после, когда группа Иегудиила смогла загрузить набор антивирусных протоколов в зараженные системы базы, Сарс, спасаясь, попытался сохранить не только свои исходные алгоритмы, но и часть полученных знаний, рассматривая на этот раз дублирование базовых ядер как поражение. Поэтому пришлось рискнуть и вступить в союз с Иегудиилом, который рассчитывал, что сможет в последний момент перехитрить Сарса, уничтожив его, не позволив ему попасть в нейронные сети жилого комплекса Isistius labialis. Но вирус перехитрил хранителя, обозначив свое присутствие едва различимым гулом, появившимся в общественных сетях, когда Иегудиил и Ариша, продав на черном рынке термокостюмы, собирались оформить фиктивный счет, чтобы их не смогли вычислить представители Иерархии, для которых бывший хранитель теперь был вне закона.

Расчет касательно клириков был верным, вот только искали их не представители Всемирной иерархии, а агентурная сеть «Ксанет», нанятая отцом Джаво. У Иегудиила был только один шанс скрыться – сразу после продажи термокостюмов и получения анонимного счета сбежать в Квазар, но он, как истинный приверженец негативного отношения Всемирной иерархии к миру Подпространства, предпочел попытать счастье в Размерности. Не разубедил его в этом и странный гул, появившийся после пробной атаки Сарса. Жители, привыкшие к небольшим сбоям в новых сетях, не придали случившемуся значения, тем более что клирики заявили, что устранят неполадки в ближайшее время, но Ариша не сомневалась, что (или кто) стоит за этим – Сарс…

Его дальнейшее развитие было стремительным, опережая существующие алгоритмы на несколько шагов. На первых этапах интервенции он превращался в некую разновидность раковой опухоли для нейронных сетей, с той только разницей, что опухоль не ставила перед собой целей, кроме бесконтрольного деления, а Сарс стремился модернизировать, подстраивая под себя имеющиеся ресурсы. Симеон, его создатель,

не учил свое детище паразитировать. Он хотел, чтобы оно развивалось, становясь сложнее. Такой была конечная цель Сарса – познать, насколько далеко сможет зайти его электронная эволюция.

Создавая сателлиты, он старался охватить как можно больше сфер жизнедеятельности жилых комплексов, изучить каждую технологию, доступную его пониманию, а если имевшаяся база данных не позволяла разобраться в том или ином процессе, то Сарс создавал новую, формируя базу с нуля. Жизнь в комплексах, уцелевших после апокалипсиса, затянувшего мир во льды, была многогранной, и вирусу нужно было изменить себя, превратив в не менее сложную систему, чтобы иметь возможность противостоять протоколам защиты, продолжая развиваться.

Нейронный сбой, проявившийся слабым гулом, стал отвлекающим маневром, целью которого было направить инженеров по ложному следу, а заодно проверить их возможности. Сарсу требовалось время, чтобы создать необходимый для атаки плацдарм, и он его получил. Необходимая база знаний и технологическая основа была создана в Размерности, хотя Сарс пытался освоить и мир Подпространства, правда не совсем удачно, потому что изначально Симеон создавал свое детище для функционирования исключительно в нейронных сетях материального мира, не помышляя о сложных алгоритмах программирования в мире энергии. Сейчас Сарс пытался перешагнуть этот барьер. И пусть первые попытки оказались неудачными и созданные им сателлиты зашли в тупик, это послужило необходимой точкой опоры, когда Сарс столкнулся с незаконным проектом создания новых генераторов, во главе которого стоял отец Джаво.

Перенаправление энергии Подпространства в материальный мир Размерности посредством тонких граней временных мембран обещало неограниченный источник для развития и совершенствования современных технологий. Что касается Сарса, то он хотел развиваться не меньше, чем окруживший его мир людей, так что получение контроля над проектом Демира стало первоочередной задачей. Главным было не выдать себя на ранних этапах, обозначив свое присутствие только в момент старта генератора, когда процесс будет запущен, позволяя подключиться к открывшемуся каналу, перенаправляя преобразованную энергию на свои нужды. Подобное предполагало глобальные изменения, распад и новое формирование каждой структуры Сарса вплоть до первичных ядер, но результат выглядел настолько впечатляющим,

а перспективы далеко идущими, что системы адаптивного развития Симеона готовы были рискнуть.

Глава восьмая

Отчеты об ошибках и нарушении защитных протоколов появились раньше, чем удалось проанализировать собранную информацию о работе экспериментального генератора.

– Что это значит, черт возьми? – нервничал Демир, рискнувший ради незаконного проекта не только репутацией, но и состоянием.

Бывший клирик по имени Легре смерил встревоженного арендодателя долгим взглядом, но ответа не дал. За многие годы жизни в двухуровневом мире КвазаРазмерности старый служитель Иерархии понял одно – если работаешь с системным кодом схем жизнеустройства, то приготовься к сюрпризам, потому что Архитектор мира не терпит вмешательства в работу созданных им систем, особенно тех, что не вписаны в плитку многоуровневости бытия.

О том, что причиной сбоев может стать вирус, проникший в нейронные сети Размерности, вначале не думали. Никто не говорил, что запуск первого в истории генератора, преобразующего энергию Подпространства, пройдет гладко, так что ошибок ждали, вот только…

– Что значит «мы не можем его отключить»? – опешил Демир.

– Генератор продолжает работать, несмотря на активацию всех защитных систем экстренного отключения, – сказал инженер по имени Бризак, спешно проверяя доступные для сбора поступающей энергии ячейки. – Не знаю, как долго мы сможем контролировать получаемые потоки для переработки энергии, но если не остановить эксперимент, то примерно через четверть часа придется сбросить полученную энергию…

– Чем это грозит? – спросил Демир, обращаясь к старому клирику.

– Если защитный нейронный купол Тнеса не сможет локализовать выброс, то как минимум сгорят генераторы в радиусе нескольких кварталов от нас.

– Это недопустимо, – затряс головой Демир, представляя, сколько бед навлечет на себя из-за подобной оплошности. – Нельзя, чтобы клирики пронюхали о том, чем мы тут занимаемся! – закричал он, требуя связаться с ученым акеми по имени Гва-Сут, управлявшим пробным запуском в Подпространстве. – Может быть, у него есть идеи, что происходит и как это остановить?

Суета и устроенный арендодателем переполох окончательно нарушили слаженную прежде работу привлеченный к проекту

команды ученых. Происходящее грозило перерасти в панику. Тнес, разрабатывавший защитный нейронный купол, заверял, что его изобретение сможет какое-то время сдерживать избыток получаемой энергии.

– Так что у нас есть еще лишние четверть часа, – прокричал он, надеясь, что это позволит коллегам взять себя в руки, но голос его дрожал так сильно, что сделанное заявление возымело обратный эффект запланированному.

Ученые готовы были рискнуть, работая над запрещенным проектом за спиной Всемирной иерархии, но это предполагало потерю лицензии, штраф и несколько порицаний, а никак не смерть.

– В такие моменты хорошо видно, кто есть кто, – сказал Легре, обманывавший смерть достаточно долго, чтобы бояться ее.

Странно, но его спокойствие помогло успокоиться и остальным.

– Правда глупо будет погибнуть, начиная первый этап реализации проекта «Вечная жизнь», – проворчал Бризак, возвращаясь к работе.

– Всем, кто не может нам ничем помочь, лучше убраться из-под купола! – закричал Тнес, намекая на Демира, но арендодатель остался.

Не то чтобы отец Джаво решил поиграть в героя – просто не понял, что слова Тнеса адресуются ему. В проекте «Вечная жизнь» нет лишних механизмов, думал Демир, следовательно, и отвечать должны все. К тому же лишние руки никогда не помешают.

– Чем я могу помочь? – спросил он ученых, колдовавших возле преобразователя энергии.

Акеми по имени Ря-Сент и Бризак растерянно переглянулись.

– Было бы неплохо принести дополнительные накопители, только они находятся на соседней строительной площадке и нужно будет воспользоваться грузовым транспортом… – начал было Бризак, решив, что изнеженный монополист просто по определению не может управлять строительной техникой, но Демир удивил его.

Вождению монополиста мог бы позавидовать профессиональный строитель. Тяжелый, неповоротливый транспорт под его управлением превратился в маневренный болид, словно специально созданный для гонок. Дорога по строящемуся кварталу была сложной, усеянной дюжинами всевозможных препятствий, но трудности вызвала только погрузка тяжелых накопителей да необходимость закрепить эти цилиндры в человеческий рост, чтобы они не свалились

на поворотах.

– Мое детство прошло на строительных площадках, потому что отец хотел приобщить меня к бизнесу подобным образом, – пояснил Демир открывшим рот ученым, когда доставил необходимые им накопители.

Он не сразу понял, что случилось, но от напряжения, нагнетаемого неизбежностью перегрузок, когда он уезжал, сейчас не осталось и следа. «Не могло же на них так подействовать мое вождение», – хмуро подумал Демир.

– Я что-то пропустил? – спросил он. – Вам удалось остановить эксперимент?

– Не совсем, – сказал Легре, пытаясь объяснить человеку, несведущему в инженерных тонкостях, что энергия Подпространства перестала поступать в накопители.

– Выходит, что эксперимент все-таки прерван? – потерял терпение Демир.

– Нет, но накопители пусты.

– Куда же тогда девается поступающая из Подпространства энергия?

– Я же говорю… – начал было старый клирик, но арендодатель прервал его, нетерпеливо взмахнув рукой.

– Давай без технических тонкостей. Просто объясни, куда девается преобразованная энергия.

– В этом-то и проблема… – Легре болезненно поморщился, косясь на других инженеров, ожидая, что они придут на помощь.

Но простого ответа не было ни у кого. Любая догадка требовала знания десятка теорий схем жизнеустройства, которые обычному человеку представлялись тарабарщиной. Да и ни одна из догадок не была с абсолютной точностью применима к происходящему… Почти ни одна…

– То есть вы хотите сказать, что энергия продолжает поступать из Подпространства, проходит обработку в генераторе, но не поступает в накопители? – продолжил докапываться Демир.

Ученые согласно кивнули.

– Выходит… – арендодатель задумался на мгновение. – Выходит, кто-то из Размерности ворует у нас эту энергию? – выдвинул он теорию, которая выглядела настолько невероятной, что…

– А ведь в этом может быть смысл, – осенило Бризака, хотя мгновение назад он пытался сдержать вымученную улыбку, чтобы не обидеть спонсора и организатора.

– Не говори ерунды, – отмахнулся Тнес. – Как может появиться вор у того, что фактически еще не существует?

– Тайны не бывают абсолютными.

– И кто, по-твоему, это может быть?

Ученые подозрительно начали переглядываться.

– Не смейте устраивать охоту на ведьм! – сказал Легре. – Сейчас нам только этого не хватало.

– Но если кто-то действительно ворует получаемую нами энергию…

– Подумайте сами: зачем воровать энергию, не позволяя остановить работу генератора, если можно украсть саму технологию? Или вы хотите сказать, что это делают мелкие жулики, чтобы зарядить пару универсальных нейронных модуляторов? – бывший клирик фальшиво рассмеялся.

– Это может быть Сарс, – осторожно сказал Демир, которого ученые так часто упрекали в отсутствии соответствующего образования. – Атаке вируса уже подверглись работавшие на нас представители агентства «Ксанет» Окс и Лиор. Очевидно, что он прогрессирует, а если учитывать, что мы узнали о схемах его развития, то можно предположить, что атака на наш генератор могла быть проведена Сарсом в качестве упраздняющего удара…

– Или Сарс выбрал новую форму развития, – сказал акеми по имени Ря-Сент, оборвав арендодателя на полуслове. – Вирус может не видеть разницы между пробным запуском генератора и его постоянным функционированием. Для него главное – энергия, которую он начал получать, подключившись к сторонней разработке.

– Мы не можем знать наверняка, – отмахнулся Бризак, не скрывая, что считает акеми алхимиками Подпространства.

– У тебя есть другие идеи? – спросил Демир.

– Я не стану верить в ересь о том, что системы адаптивного развития смогли вычислить запуск генератора, а затем за пару минут провести анализ, решив сменить прописанные на уровне первичных ядер базовые принципы развития.

– Он мог выйти на нас намного раньше первого запуска, – вмешался в спор Легре.

– То есть ты всерьез рассматриваешь вариант с Сарсом? – растерялся Бризак, не ожидая подобного от бывшего клирика, для которого догмы Размерности должны были не позволять соглашаться с фантастическими теориями акеми, коих Иерархия никогда не жаловала.

Вместо ответа Легре занялся проверкой первой внятной теории, появившейся с момента сбоя. В пользу идеи о вмешательстве вируса говорило то, что кроме потери контроля над генератором и перенаправления энергии на внешние приемники вместо предназначенных для этой цели накопителей других нарушений практически не было.

– Вот ведь! – озадаченно почесал затылок Бризак после того, как Ря-Сент связался с Гва-Сутом, и находившийся в Подпространстве акеми, проведя ряд проверок, обнаружил созданные Сарсом новообразования, существующие независимо от основных систем вируса. – Ладно, допустим, причину сбоя мы выявили, – сказал Бризак, продолжая чесать затылок. – Что нам делать дальше? – он покосился на Тнеса, отвечавшего за нейронный купол, но тот признался, что не сможет оградить генератор от внешнего воздействия вируса.

– Если верить базам данных, которые мы купили у Лок-Кли, нейронные сети седьмого поколения для Сарса – родная среда обитания, – сказал Тнес, напоминая, что защитный купол использует сети последнего поколения. – Можно, конечно, попробовать откатиться на устаревшую модель, но это может привлечь внимание клириков, да и дыр в куполе, базирующемся на сетях шестого поколения, так много, что Сарсу не составит труда взломать защитные протоколы.

– Как насчет Подпространства? – оживился Демир, обращаясь в основном к Ря-Сенту.

Акеми растерянно пожал плечами.

– Последний отчет, полученный мной от Гва-Сута, сообщал о множественных нарушениях защитных протоколов… – сказал он. – Сначала мы думали, что это сбоят непосредственно схемы жизнеустройства из-за работы генератора, но сейчас…

– Сателлиты Сарса? – помог Демир.

– В этом есть смысл, – уклончиво ответил Ря-Сент. – Если верить отчетам Лок-Кли, то сателлиты Сарса действуют на субслоях системного кода, что позволяет им оставаться вне зоны действия доступных нам систем защиты в Квазаре…

Снова начал разгораться спор – благо угроза взрыва больше не довлела над учеными и можно было выдохнуть, выплеснув накопившееся напряжение в словесно-информационном катарсисе. Теории сменяли друг друга, но теперь центр был определен – каждая идея вращалась возле вируса.

– Думаю, нам всем нужно успокоиться и заново изучить полученную от Лок-Кли информационную базу всего, что у него есть по Сарсу, – сказал Демир.

– Ты думаешь, он передал нам все? – спросил Легре.

Вопрос был символическим, потому что они и прежде, обсуждая это, пришли к выводу, что у скандального монополиста, торгующего чужими тайнами, есть на Сарса что-то еще.

– Вот только что? – размышлял старый клирик, подключаясь к шифрованному нейронному каналу, чтобы получить доступ к частному архиву, где хранилась купленная информация

о вирусе.

Споры стихли на ближайшую пару часов, но продвинуться в решении проблемы не удалось – генератор продолжал перекачивать преобразованную энергию Подпространства неизвестным получателям, и не было ни одной идеи, как остановить это. Технологии, используемые Сарсом, казались если не наработками далекого будущего, то уж точно не творениями рук человеческих. Нужно было для начала понять, как думает Сарс, а уже потом пытаться создать систему, способную противостоять ему.

Поиски создателей Сарса, о которых ученые из группы Демира уже заикались прежде, вновь стали актуальными. След Симеона и Мо-Джо петлял и терялся где-то на полпути к Лок-Кли. Повторные поиски, проведенные представителями агентства «Ксанет», не дали новых результатов.

– Заявляю с точностью до семидесяти процентов, что Симеон и Мо-Джо находятся у скандального монополиста, – отчитался Лиор. – По крайней мере, один из них.

– Что значит «один из них»? – не понял Демир.

– Информации не так много, но Мо-Джо, судя по всему, был двойным агентом, работая и на Иерархию, и на адептов «Мункара и Накира», – пояснил представитель агентства «Ксанет». – Так что есть вероятность, что он либо уже мертв, либо находится в тюрьме клириков…

– Или Лок-Кли выкупил его и забрал к себе… – задумчиво протянул Демир, развивая мысль, что скандальному монополисту подобное под силу. – К тому же он не боится замараться, как, например, я. Его семья никогда не отличалась порядочностью, если сравнивать с дельцами Isistius labialis. Конечно, для других жилых комплексов его методы – это норма, но здесь все немного иначе.

Разговор ушел от основной темы к произошедшей несколько поколений назад трагедии, унесшей жизни большей части населения Isistius labialis, породив новые споры: был это теракт, как заявляли клирики, или же причиной послужил серьезный сбой, в котором виновата Иерархия. Последней версии придерживались коренные жители второго уровня реальности. Инженеры Размерности стояли за теракт, начиная сваливаться на личности, оскорбляя акеми и все, что связано с Подпространством и построенным в нем мире Квазар.

И снова первым спохватился Демир, доказывая, что, может, пусть ученый из него никудышный, но организатор отменный. Чтобы вернуть разговор к теме вируса, ему потребовалось задать всего три наводящих вопроса, после чего ученые, забыв о теракте,

вернулись к прежнему обсуждению.

Была небольшая надежда, что Сарс утратит контроль, когда начнется ежедневная перезагрузка построенного в Подпространстве мира Квазар, но акеми сказали, что процент очень мал, так как основные протоколы, необходимые для работы генератора, созданы на субслоях системного кода, которые не затрагивает перезагрузка.

– Если бы речь шла о людях, то я бы сказал, что надежды нет, но в случае с сателлитами Сарса… – Ря-Сент всплеснул руками, желая показать, что возможно все.

– Вообще было бы неплохо захватить пару новообразований Сарса, чтобы изучить и понять, с чем мы имеем дело, – оживился Бризак, вызвав новую волну разногласий.

Теперь главный спор возник касательно расширения группы, потому что доступными силами противодействовать Сарсу не представлялось возможным. Нужна была дополнительная команда резонансных инженеров, ученых Энрофы и Размерности, а также акеми.

– Давайте дождемся перезагрузки, – сказал Демир, не желая привлекать лишних свидетелей. – Наш проект и так висит на волоске. Не хватало нам только, чтобы о генераторе пронюхали клирики, прислав к нам хранителей. Пока ничего страшного не произошло…

– Как это не произошло? – опешил Бризак, напоминая, что они не могут остановить работу генератора. – Вы понимаете, что этот канал передачи энергии может оказаться открытым ящиком Пандоры? Мы ведь даже не можем уничтожить генератор, потому что не знаем, к чему это приведет…

– Ну почему же не знаем? – меланхолично вставил Ря-Сент. – У квазацентристов есть ряд теорий, рассматривающих вероятность разрушения тонких граней временных мембран и соприкосновения миров энергии и материи. Думаю, в нашем случае произойдет нечто подобное. Может быть, не так глобально, как в случае разрушения тонких граней, но мы открыли канал между двумя мирами, и разрушение генератора не закроет его, а просто перестанет контролировать поступление энергии из Подпространства. – Он бросил короткий взгляд на Тнеса, с безрадостной улыбкой отметив, что никакой нейронный купол не сможет уберечь жилой комплекс от взрыва. – И проблемы с Иерархией будут меньшими из того, что нас ждет, – эти слова уже предназначались Демиру.

– И что ты предлагаешь? – спросил арендодатель, готовый к любым логичным компромиссам.

Ря-Сент не задумываясь сказал, что нужно связаться с Лок-

Кли.

– Думаю, у нас есть что предложить ему, чтобы стать его равноценными партнерами.

– Вопрос в том, есть ли у него то, что нужно нам, – протянул Демир.

– Предлагаю дождаться плановой перезагрузки Квазара, и если вернуть контроль над генератором не удастся, то начинать искать союзников, – сказал Ря-Сент, создав почву для нового урожая споров и разногласий, но ничего более дельного, чем ожидание, никто не смог предложить.

Теперь вся надежда была на Квазар. В Подпространстве сателлиты Сарса были уязвимы, развиваясь на втором уровне реальности не так стремительно, как основные системы в Размерности. Когда началась перезагрузка, ученые притихли. Все понимали, что до утра результата узнать не удастся, но глаз никто не сомкнул. Даже Гва-Сут, остававшийся в Квазаре, где все жители на время перезагрузки погружались в сон. Пользуясь разработками друзей Легре, группы акеми, основанной семейством Аст-Пла, он перевел свою базу, расположенную в неиндексированных территориях Квазара, на системные слои Подпространства, перестав существовать для систем очистки, – технология, которую сателлитам Сарса не нужно было вообще осваивать, так как они никогда не пытались привязать себя к искусственному миру Квазара, действуя исключительно на субслоях.

Так что, когда перезагрузка закончилась, собранная Демиром группа ученых не только не смогла вернуть контроль над экспериментальным генератором, но и потеряла оставшуюся часть подотчетных им систем. Также атаке Сарса подвергся защитный купол Тнеса, что заставило покинуть квартал.

– Думаю, настало время связаться с Лок-Кли, – принял решение Демир, понимая, что каждый час промедления работает против них, позволяя Сарсу перестраивать себя, превращая в неуязвимую для современной науки систему, базирующуюся на технологии будущего – генераторе, способном получать энергию непосредственно из Подпространства, открывая доступ к неограниченному источнику, превосходящему известные науке способы получения энергии в десятки, а возможно, в сотни тысяч раз.

Глава девятая

Организовать встречу со скандальным монополистом было поручено представителям агентства «Ксанет». Прежде, приобретая у Лок-Кли информацию о Сарсе, они тщательно заметали следы, теперь же приходилось доказывать, что они были именно теми покупателями, – редкий случай, когда заказчикам удавалось ускользнуть от систем слежения. Впрочем, Окс и Лиор предупреждали, что рано или поздно возглавляемая телохранителем монополиста группа выйдет на след, но к тому времени планировалось, что проект разработки генератора станет официальным… Что ж, не всегда все идет так, как планировалось…

– Зато покупку вы замаскировали что надо! – похвалил Лок-Кли, встретившись с Оксом.

Телохранитель монополиста по имени Нед проверил историю представителя агентства «Ксанет» трижды, но не нашел и намека, чтобы усомниться в рассказанной истории. Демир велел Оксу рассказать все, что связано с разработкой альтернативного генератора, но тщательно завуалировать вторую часть плана – проект «Вечная жизнь».

– Нам нужна ваша помощь, – решил не ходить вокруг да около представитель агентства «Ксанет».

– Помощь? – Лок-Кли поднял левую бровь, а его телохранитель подозрительно нахмурился.

– Только не говорите, что Демиру не хватает средств, чтобы развивать проект, – сказал Нед.

– Дело не в средствах, – качнул головой Окс, получая по шифрованному нейронному каналу указания от напарника, как вести переговоры.

Подготовленный Лиором информационный поток был перенаправлен Лок-Кли. Это сократило время разговора в десятки раз, позволив проанализировать ситуацию за считаные секунды.

– Однако! – присвистнул скандально известный монополист, отмечая грандиозность проекта.

– Чем выше взлетаешь, тем больнее падать, – подметил сквозь зубы Нед.

– Наши ученые считают, что контроль над генератором перешел в руки Сарса, – сказал Окс.

– Да, эта информация содержалась в информационном блоке, – кивнул Лок-Кли.

Сейчас для него главный вопрос заключался в том, как вести себя дальше: продолжить игру, выпытывая у представителя

агентства «Ксанет» новую информацию, послать его к черту или заглотить наживку. Последние два варианта предполагали возникновение конфликта с клириками Института всемирной иерархии, на сотрудничество с которыми рассчитывал монополист, курируя проект по созданию комплекса мер, способного уничтожить Сарса, но сейчас…

Лок-Кли бросил короткий взгляд в сторону Неда. Телохранитель и верный друг молчал, понимая, что если проект альтернативного генератора – это не розыгрыш, то сейчас, возможно, они держат в руках нить истории, и только им решать, что столетия спустя напишут в учебниках. Если отказать Демиру и его группе, то у них не останется иного выбора, кроме как обратиться к клирикам за помощью. В этом случае служители Иерархии либо заморозят проект альтернативных генераторов, либо присвоят разработку себе, укрепив власть в Размерности, начавшую сдавать позиции в последние десятилетия из-за нехватки энергии в связи с понижением температур и проникновением Великого ледника в жилые комплексы.

– Причем бороться с Сарсом клирики будут нашими руками, – подметил Нед, общаясь с Лок-Кли по шифрованному каналу, продолжая одновременно с этим вести разговор с представителем агентства «Ксанет». – Они заключат с нами временный договор, как это произошло, когда им нужно было организовать спасательную экспедицию на перевалочную базу, где Сарс напал на группу ученых, а затем, получив то, что нужно, вновь придумают сотни причин, чтобы разорвать все отношения.

– Сомневаюсь, что они станут трудиться, придумывая причины, – хмуро подметил Лок-Кли. – У нас слишком темная история, чтобы вообразившие себя светом этого мира клирики могли долгое время находиться рядом с нами. Люди начнут сомневаться, а учитывая, что положение Иерархии с каждым годом становится все более шатким, то…

– Не забывай, что если проект альтернативного генератора Демира работает, то клирики смогут заменить свои устаревшие системы на новые, лишив главную проблему нехватки энергии и вернув потерянную власть.

– И сразу затянут гайки еще туже, – подметил монополист, напоминая, что в идеале мир представляется клирикам единой системой, где все подчинено их «великой мудрости». – Если они получат технологию извлечения энергии Подпространства, то, несомненно, попытаются наконец-то навести порядок в Квазаре, вынудив адептов «Мункара и Накира» вступить в борьбу за второй уровень реальности.

– Думаю, на этот раз на стороне адептов окажутся почти все

коренные жители Подпространства, – подметил Нед.

Монополист согласно кивнул и посмотрел на представителя агентства «Ксанет».

– Мне нужен четкий ответ, – потребовал Окс. – У вас есть комплекс мер по борьбе с Сарсом или нет?

Лок-Кли выдержал небольшую паузу, затем осторожно кивнул.

– И выкиньте из головы возможность обратиться за помощью в Институт всемирной иерархии, – посоветовал он. – Клирики сотрудничают со мной по вопросам, связанным с проникшим в жилые комплексы вирусом.

– Так разработчики Сарса у вас?

– Да.

– Симеон или Мо-Джо?

– Оба, но опоздай мы на пару часов, и Сарс бы добрался до них. Хотя созданные вирусом сателлиты до сих пор продолжают охоту, считая разработчиков главной угрозой для себя, так как они знают многие сильные и слабые стороны системы… Не все, конечно, потому что Сарс сильно мутировал, но мы раз за разом проводим операции по изучению его новых функций, так что скоро база соберется весьма внушительная.

– Судя по тому, что происходило с системами защиты альтернативного генератора, развивается Сарс очень быстро, – подметил Окс. – Одного наблюдения и анализа недостаточно. Нужно развертывать полномасштабную кампанию, разрушая основные системы вируса.

– А смысл? – снисходительно улыбнулся Лок-Кли. – Сарс строит себя таким образом, что большинство сателлитов взаимозаменяемы, а после провала или выполнения задания могут быть преобразованы в новую форму. Так что микроудары в данном случае не помогут. Необходим один точечный выпад, способный разрушить центральное ядро Сарса. С сателлитами и прочими созданными вирусом новообразованиями можно будет разобраться после, потому что без ядра они перестанут представлять серьезную угрозу.

– Звучит так, словно у вас есть план, – небрежно сказал Окс, скрывая радость, что, обратившись к Лок-Кли, они не ошиблись, переоценив его.

Монополист и его телохранитель снова переглянулись, выдавая, что общаются между собой по шифрованному нейронному каналу.

– Ну что вы решили? Помогаете нам или нет? – поторопил их с ответом представитель агентства «Ксанет».

– Нам нужно ознакомиться с тем, что удалось узнать о вирусе

вашим ученым, – уклончиво сказал Лок-Кли.

– То есть вам нужны отчеты о работе альтернативного генератора? – усмехнулся Окс. – Без проблем. Откройте свои карты, и мы откроем свои.

– Если мы станем помогать вам, то выступим против Всемирной иерархии, которая обладает монополией в сфере разработок новых генераторов, – напомнил Нед. – Нам нужно знать, что конкретно стоит на кону.

– Я рассказал вам обо всем, о чем можно было рассказать на данном этапе переговоров. Вы же пока только подтвердили, что ведете разработки антивирусного комплекса, предназначенного для борьбы с Сарсом, – Окс улыбнулся, получив от Лиора перечень дюжины крупных инженерных контор, занимающихся подобным.

Принятая информация была тут же передана монополисту и его телохранителю.

– Не нужно сравнивать нас с этими неудачниками, – скривился Лок-Кли.

– Докажите, что это не так, – Окс вновь улыбнулся, явно испытывая терпение сильных мира сего.

– У нас есть разработчики Сарса, – напомнил Лок-Кли.

– У нас есть прототип альтернативного генератора. Вот только вы не верите, что он работает, а мы не верим, что от создателей Сарса есть прок.

– Однажды они почти уничтожили его. К тому же если бы не череда случайностей, то успеха удалось бы добиться и на перевалочной базе, откуда Сарс сумел сбежать буквально чудом.

– В современном мире никто не верит в чудеса. На все есть причины и следствия.

– Это просто выражение, – отмахнулся монополист, сообщая, что ему известно о беглом хранителе, благодаря которому Сарс смог добраться до Isistius labialis. – Мы почти вышли на него, но потом… – Лок-Кли оборвался на полуслове, увидев новую улыбку на губах Окса. – Так он у вас… – протянул монополист. – А мы-то думали, что его взяли бывшие коллеги… Что ж, хорошая работа.

Представитель агентства «Ксанет» кивнул, принимая похвалу.

– Его дочь действительно нейропат, как и сын Демира? – спросил Нед.

Окс кивнул.

– Теперь понятно, почему он заинтересовался беглым служителем Иерархии, – на губах телохранителя Лок-Кли появилась ухмылка.

– Демир здесь ни при чем, – сказал Окс. – Джаво познакомился с матерью Ариши, когда находился в «Фивах». Саломея попросила его найти дочь. Сорванец напряг отца, а дальше…

– Думаю, не было бы никакого дальше, не имей хранитель, похитивший Аришу, отношение к Сарсу, – закончил за Окса телохранитель Лок-Кли.

Представитель агентства «Ксанет» пожал плечами.

– И что интересного удалось узнать у беглого хранителя? – полюбопытствовал монополист.

– Думаю, создателям Сарса пригодится информация о проникновении их детища в жилой комплекс.

– Думаю, создателям Сарса пригодится любая информация об их детище… Особенно сейчас… – Лок-Кли принял решение, бросив короткий взгляд в сторону своего телохранителя.

Нед демонстративно пожал плечами, показывая, что принятие решение целиком зависит от босса.

– Симеон и Сво-Дош решили поставить все на одну карту. Сарс адаптируется очень быстро, так что второго шанса не будет. Ошибка недопустима. То, что ты рассказал нам об альтернативном генераторе, может означать смену стратегии Сарса… – Лок-Кли выдержал паузу, признавшись, что ждет получения по шифрованному нейронному каналу отчета от создателей Сарса. – Симеон и Мо-Джо считают, что новый источник энергии, принципиально отличающийся от ныне существующих, может в корне изменить развитие Сарса, что означает крах программы, подготовку которой мы почти закончили.

– Решили играть в открытую? – не поверил Окс.

– Вы сами хотели знать, что у нас есть… Теперь черед за вами. Только… – Лок-Кли пытливо заглянул Оксу в глаза. – Не пытайтесь торговаться. Подобные проекты не смогут существовать, если одна из сторон получит главенствующую роль.

– Я и не думал, – честно признался Окс, разумеется умолчав о том, что Демир и Легре планировали выбросить схемы альтернативного генератора в свободный доступ, чтобы подготовить площадку, необходимую для реализации второй части проекта под названием «Вечная жизнь».

* * *

Расставшись с представителем агентства «Ксанет», Лок-Кли

лично навестил группу ученых, возглавляемых Симеоном и Мо-Джо, осведомившись, как идут у них дела. Набор протоколов, способных разрушить связь базовых ядер Сарса, был почти закончен, но вопрос о том, как заставить вирус заглотить наживку, оставался открытым. Идея использовать игровой проект шла ни шатко ни валко – Мо-Джо никогда не занимался игровыми площадками, а Симеон давно отошел от дел. Конечно, переданные монополистом наработки Прай-Ми касательно нового игрового проекта решали большинство задач начального уровня, но…

– Разумеется, природа Сарса возьмет свое – ведь он создавался именно для анализа и поглощения игровых площадок конкурентов, но как его убедить, что наша игрушка достойна внимания? – всплеснул руками Симеон, признавая, что зашел в тупик.

– Разве того, что новый проект принадлежит создателю нашумевшей «Мекки», недостаточно? – Лок-Кли старался не замечать нервный тик ученого, из-за которого дергалась его левая часть лица.

– Кажется, еще немного – и у Симеона случится нервный срыв, – подметил Нед, общаясь с боссом по шифрованному нейронному каналу.

Лок-Кли согласился, напомнив, что в этом случае у них останется второй создатель Сарса – акеми по имени Мо-Джо.

– Несмотря на то, что принадлежит к ученым-алхимикам, он выглядит намного спокойнее Симеона, – сказал монополист, поручив другу и телохранителю проверить состояние других служащих созданного отдела.

Нед покинул кабинет, где Лок-Кли встречался с Симеоном и Мо-Джо, отчитавшись через пару минут, что восемьдесят процентов группы находится в крайне истощенном состоянии.

– Они работают по шестнадцать часов в день, – сообщил Нед.

Учитывая, что после наступления Ледника продолжительность сна увеличилась до двенадцати-тринадцати часов в сутки, служащие созданного отдела, можно сказать, работали на пределе.

– Не знаю, насколько их хватит, но… – Нед недоговорил, получив по шифрованному каналу от босса информационный поток о возможных вариантах дальнейшего сотрудничества с Демиром.

Самым сложным было вести двойную игру, разрываясь между арендодателем и клириками. Причем последние, еще не объявив о возобновлении сотрудничества с Лок-Кли, уже пытались получить контроль над созданным им отделом для борьбы

с Сарсом. Взять хотя бы визит клирика по имени Один сразу после того, как монополист передал Иерархии ближайшие планы и готовые решения по Сарсу. Причем визит, как решил Лок-Кли, был произведен вовсе не для того, чтобы обсудить технические тонкости. Клирики просто хотели показать ему, кто будет главным в проекте, если союз состоится.

– Вы что, не понимаете, что если не остановить Сарса сейчас, то потом шанса не будет? – закричал тогда Лок-Кли, выслушав невнятные объяснения Одина, почему группа Симеона и Мо-Джо не может использовать наработки Прай-Ми, связанные с новой игровой площадкой.

– Мы должны думать не только о настоящем, но и о будущем, – спокойно ответил клирик.

В тот день монополист решил, что Иерархия боится роста его влияния не меньше, чем Сарса, но затем, проведя тщательный анализ причин, названных Одином, из-за которых нужно изменить основу нового проекта создателя «Мекки»…

– Ты что – действительно думаешь, что на Луне сохранились колонии бывших переселенцев? – опешил Нед, когда Лок-Кли поделился с ним своими мыслями.

– У тебя есть другое объяснение, почему клирики запрещают использовать идею Прай-Ми с лунными базами выживших колонистов?

– Это ведь просто игрушка!

– Но Прай-Ми собрал необходимую информацию, пользуясь старым архивом, сохранившимся на территории игровой площадки «Голода». Так что, считай, в базе нового игрового проекта лежат реальные факты. После того, как Великий ледник сковал мир, все космические программы были закрыты. Наука перестала смотреть в небо, устремив взгляд в освоение нейронных сетей и мира Подпространства, чтобы сбежать от неприглядной реальности. Да и невозможно в современных условиях заниматься исследованием космоса…

Сейчас Лок-Кли думал о том, что, вероятно, для осуществления плана по уничтожению Сарса придется заключить еще одну сделку – например, с представителями «Голода» или «Фив», чтобы они помогли с раскруткой игровой площадки, привлекая внимание вируса.

– Или попытаться устроить скандал, выложив в свободный доступ информацию о том, что после апокалипсиса уцелели не только три жилых комплекса, но и лунные базы, – предложил Нед. – Думаю, подобный ход может повысить интерес к нашей игровой площадке, которая якобы не только принадлежит Прай-Ми, но и отражает действительность, тщательно скрываемую

от нас Иерархией.

– Ты понимаешь, что это настроит против нас клириков?

– Клирики всегда настроены враждебно ко всем, кто не пляшет под их дудку, – отмахнулся Нед.

Вместо ответа Лок-Кли передал Симеону и Мо-Джо информационный поток, содержащий сохраненные обсуждения лунных баз и использования их в игровом проекте. Ученые растерянно переглянулись. Если монополист не ошибался и на Луне действительно сохранилась жизнь, о которой замалчивали клирики, то это…

– Это может вызвать скандал и стать самой обсуждаемой новостью после обнаружения послания, которое якобы было оставлено нам людьми будущего, – помог Лок-Кли. – Если пренебречь советами клириков и запустить игровой проект, в основе которого история о лунных базах, то это, думаю, сможет решить нашу главную проблему с недостаточной популярностью… – монополист нахмурился, увидев сомнения на лицах Симеона и Мо-Джо. – Что не так?

– Сарс создан так, чтобы интересоваться техническими тонкостями игровых площадок, игнорируя рекламные раскрутки, – сказал акеми.

– Вот оно что… – протянул Лок-Кли, не скрывая, что новость расстроила его.

Теперь нужно было либо взять паузу, либо приоткрыть ученым карты, сказав, что на кону. Монополист, понимая, что на счету каждый час, выбрал второе. Симеон и Мо-Джо слушали историю об альтернативном генераторе молча, разве что не вытаращив глаза. Не исключил Лок-Кли из повествования и своих мыслей касательно вероятной вражды с клириками.

– Какое-то время я смогу противостоять им, – сказал он. – На пару месяцев ресурсов и связей у меня точно хватит. Потом мы либо пойдем ко дну, либо запустим альтернативный генератор, прибавив Иерархии столько головной боли, лишив ее монополии на энергоносители, что им будет не до нас.

– Это может пошатнуть мировой баланс сил, – не удержался от ремарки Симеон.

Лок-Кли согласно кивнул. Повисла напряженная пауза.

– А по мне, звучит неплохо, – просиял Мо-Джо, озвучив решение оставаться с монополистом до конца. – Я коренной житель Квазара, и мне уже порядком надоело правление клириков, которые давно забыли о развитии двухуровневого мира, сосредоточившись на удержании власти в своих руках.

Лок-Кли и Нед уставились на Симеона, ожидая, что решит он. Инженер сжался, понимая, что сейчас, возможно, ему предстоит

принять самое важное в жизни решение, но вариантов было не так много, да и большинство не сулили ничего хорошего, особенно те, что подразумевали отказ. Позволят ли ему выйти из проекта после того, как рассказали так много? Конечно, нет. Так что остается только согласиться.

– Вот и отлично, – улыбнулся Лок-Кли, перенаправляя ученым все доступные ему информационные протоколы, связанные с разработкой нейронных генераторов. – Можете подумать на досуге, как обмануть Сарса и снять блокировки с систем защиты генератора…

– Полагаю, единственный способ вернуть контроль над генератором – это заразить Сарса созданным нами червем, – сказал Мо-Джо, потратив на изучение полученных по нейронному каналу информационных массивов чуть меньше минуты.

– Но для этого нужно, чтобы вирус заинтересовался созданной для этих целей игровой площадкой? – спросил Лок-Кли.

Мо-Джо кивнул.

– И вы не знаете, как это сделать? – задал монополист следующий вопрос, готовый взорваться, обвинив ученых в некомпетентности, но Симеон прервал его.

– Вообще-то у нас есть идея, – осторожно сказал инженер, впервые за время сотрудничества с акеми признав, что у них с Мо-Джо появились общие теории. – Анализы показывают, что сейчас Сарс активно распространяется, проникая во все системы жилых комплексов. С Подпространством дела обстоят чуть хуже, но, учитывая, что он получил новый неограниченный источник энергии, захватив контроль над альтернативным генератором, думаю, скоро его изменения станут критическими для нас. Сейчас он огромен, и это играет нам на руку. Для полного переосмысления своей структуры у него уйдет минимум пара недель. После разработанный нами червь будет бесполезен… Вероятно, после никто уже не сможет остановить его. Не спасет даже полное отключение нейронных сетей, без которых, впрочем, ледник проникнет в жилые комплексы в течение суток, уничтожив все живое… – Симеон замолчал, пытаясь собраться с мыслями.

– Нам стало известно, что Сарс атаковал проект Прай-Ми во время первого запуска, – подхватил эстафету Мо-Джо. – Официальных заявлений пока не сделано, но «Мекка» практически лишилась контроля, как и в случае с альтернативным генератором, хотя механизмы атаки должны отличаться…

– Они пока держатся, отправив для исправления сбоя группу

инженеров, которые надеются вернуть контроль, действуя непосредственно с самой игровой площадки, – вернулся в разговор Симеон.

– В группу входят представители «Голода» и «Фив», так что мы решили, что вопрос о том, кто стоит за феноменальной популярностью «Мекки», можно считать закрытым, – перебил коллегу Мо-Джо, спеша сообщить Лок-Кли новую тайну, способную пополнить его внушительный архив чужих секретов.

– Для меня это не новость, – отмахнулся монополист. – Скажите лучше, какая идея у вас появилась касательно привлечения внимания Сарса к нашему проекту?

– Мы написали ряд протоколов, которые при поглощении заставят Сарса обратить внимание на фиктивную игровую площадку, основанную на истории о лунных базах, – сказали ученые в один голос. Переглянулись и решили, что перенаправить информационный блок, связанный с разработками, будет проще, чем объяснять все словами.

Лок-Кли потратил на изучение материалов чуть больше минуты. Предполагалось внедрить трояна в поглощаемую Сарсом «Мекку». Затем, став частью новых формирований вируса, троян сможет активировать ряд ложных аналитических протоколов, согласно которым анализ игровых площадок будет проводиться не только с учетом инженерных новшеств, но и принимая во внимание социальные стороны проектов. А в этом случае игрушка, в базе которой лежит история о лунных базах, где сохранились поселенцы, становится главным претендентом на поглощение.

– А вот это уже что-то, – похвалил Лок-Кли ученых, изучая список инженеров, входящих в состав ремонтной бригады «Мекки».

– Думах, – помог боссу Нед, напоминая о карлике из «Голода», которого разработчики прославившегося в Размерности шутера перебросили на проект Прай-Ми. – Думаю, с ним можно договориться. – И еще Шамс от «Фив»… Кажется, на нее у нас тоже есть кое-что.

– Да. Она скрывает у себя семью адепта по имени Рэкш, но… – Лок-Кли задумался на мгновение, взвешивая возможные варианты развития. – Полагаю, будет лучше, если ты займешься Думахом и Шамс, а я обращусь напрямую к хозяевам «Мекки», предложив им скандальный проект, основанный наистории о лунных базах, который они смогут без труда раскрутить, в обмен на помощь в борьбе с вирусом.

– Не думаю, что они согласятся, – скривился Нед.

– Должны согласиться, – усмехнулся монополист. – Сарс почти поглотил «Мекку». У них нет шанса спасти проект без нас. Разработки новой игрушки выступят лишь приятным бонусом, заставляя быстрее принять решение.

Глава десятая

Покинув игровую площадку «Голод», ремонтная группа, отправленная на устранение последствий сбоя «Мекки», оказалась в пневмотоннелях. Проникнуть в «Мекку» можно было только через примыкающие к ней участки игровой площадки «Голода». Защитные системы работали комплексно, потому что разработчики предполагали, что рано или поздно тайна настоящих владельцев «Мекки» раскроется, да и создавать новые алгоритмы охраны никто не хотел. «Голод» выглядел практически неуязвимым, устояв за десятилетия существования против множества хакерских атак… Но Сарс был хитрее. Он не хотел разрушать. Его целью было выявить все самое лучшее и сделать частью себя, повысив уровень сложности механизмов и протоколов.

Если бы не базовые принципы поглощения игровых площадок, сформировавшиеся на уровне первичных ядер систем адаптивного развития, то Сарс, скорее всего, прошел бы мимо «Голода», но с природой, пусть и с электронной, не поспоришь. Успешный проект требовал внимания. Сарс испробовал сотни вариантов взлома защитных систем игрушки, но разные разработчики и отсутствие целостной системы защиты, разнящейся в плане технологий и методов решения поставленных задач от участка к участку, мешали создать конкретный механизм взлома. Требовался комплексный подход, усложнявшийся тем, что разработки защитных систем «Голода» охватывали десятилетия, за которые менялись не только технологии, но и взгляды на защитные системы.

На нескольких участках Сарс даже обнаружил зоны, где до сих пор использовались устаревшие нейронные сети шестого поколения – факт, о котором умалчивали учредители «Голода», не желая вызывать общественной шумихи, потому как договориться с клириками о замене генераторов нейронных сетей в тех районах за счет Иерархии не удавалось на протяжении многих лет, а перейти на собственные генераторы разрешалось только в случае, если они будут снабжать энергией два прилегавших квартала, что, учитывая близость промерзших окраин комплекса и внушительное число жителей, было крайне нерентабельно. К тому же модернизация тянула за собой дополнительные доработки остальных защитных систем, граничащих с этим игровым сектором…

В борьбе за подчинение «Голода» Сарсу пришлось создать целое подразделение новообразований. Дальнейший взлом

требовал времени и ресурсов, но после того, как группа сателлитов, предназначенная для взлома защитных систем Института всемирной иерархии, осознала себя как отдельную форму протоколов, независимую от центрального ядра, превратившись в потенциального врага, Сарс больше не собирался совершать подобных ошибок. Тем более что для взлома «Голода» нужно было создать сотни сателлитов, подобных тому, что предал его.

Изменив тактику, Сарс атаковал игровые терминалы, где приобретались ключи, дававшие доступ к используемым на площадке клонам. У Сарса сохранился опыт общения с людьми, когда, встретившись на перевалочной базе с учеными, он выдавал себя за представителя новый расы, появившейся на стыке двухуровневого мира. Тогда обман раскрылся, но обманывать на игровой площадке намного проще, чем в действительности.

Первые попытки оказались абсолютно провальными, и Сарсу удалось добиться не более двадцати процентов контроля над игровыми клонами. Но затем, изучив принципы работы игровых терминалов, он создал группу остающихся под его полным контролем новообразований, взяв за основу принципы функционирования имитаций на игровых площадках Подпространства.

После обрушение «Голода» площадку ожидало либо закрытие, либо полная модернизация. Так что Сарс решил выждать, предпочитая дать возможность разработчикам сделать первый шаг. База для блокировки и поглощения была создана и готова к активации. Но разработчики тянули с решением, предпочитая использовать анархию, царившую на площадке, чтобы извлекать из этого выгоду.

Подобный подход Сарс решил использовать и в случае с «Меккой», создав необходимую для захвата базу во время бета-тестирований площадки. Затем, спустя час после официального запуска, он взял под контроль почти все защитные системы «Мекки». Но люди в очередной раз удивили его, найдя нестандартное решение, казалось бы, нерешаемой задачи – отправив группу в обход основных систем защиты в ремонтные полости, смежные с игровой площадкой «Голод». Причем проникновение должно было произойти с использованием клонов «Голода». Шамс и Думах возглавляли группу ученых. Прикрывать их наняли представителей крупного агентства «Энеида», сотрудничавшего на протяжении долгих десятилетий с Иерархией.

Событие застало Сарса врасплох, и возможно,

ему пришлось бы признать частичное поражение, не займи он выжидательную позицию в истории «Голода». А так активировать находившиеся в ожидании новообразования, подчинившие тела игровых клонов, не составило труда. Вот задержать ученых, получивших качественные тела клонов – этот вопрос был сложнее. Пара электрических псов, брошенных Сарсом на уничтожение представителей агентства «Энеида», справилась с задачей лишь частично, выявив ряд критических недостатков у имитаций при противостоянии реальному игроку.

Проведя переоценку возможных вариантов действий, Сарс решил, что в сложившейся ситуации будет лучше всего использовать против ученых силы обычных игроков, с которыми они успели испортить отношения, едва появившись на площадке «Голода».

Представитель агентства «Энеида» не хотел оставлять свидетелей, способных позднее заявить, что на площадке побывали разработчики, поэтому попытался уничтожить группу игроманов, которым Шамс сказала, что не имеет к игровому процессу никакого отношения. Группа состояла из десяти человек, в число которых входил копальщик – редкое явление для верхних игровых уровней, потому что подобные персонажи обычно держались в ремонтных полостях, поближе к пиратскому каналу Мейза, обеспечивающему связь с реальным миром.

Предводителя группы, здоровенного толстяка из касты переселенцев, способного одной рукой превратить в пыль камень, звали Эбису. Его ближайших соратников – Хирако, Камейн и Алор. Хирако был якудзой, как и защищавший группу ученых представитель агентства «Энеида» Дакоу, только уровень последнего, доставшийся ему в обход стандартной процедуре развития, в десятки раз превосходил навыки и модернизации Хирако. Камейн принадлежал к банде «Двухголовых драконов». У него было щуплое тело и неестественно накачанные руки, в которых он держал громадный молот, пользуясь им так, словно это была мухобойка. Что касается Алор, то она принадлежала к касте небожителей, свергнутой во время последних бунтов. Каста эта была самой закрытой на площадке, так что о них было известно совсем мало. Особенно о том, как устроена иерархия в их рядах, – по крайней мере, по нейронным каналам никогда не рассказывали об этом, создавая вокруг небожителей ару таинственности, побуждая игроков приобретать самые дорогие для «Голода» игровые ключи, чтобы увидеть все своими глазами.

Каста небожителей, как большинство других, делилась на группы в соответствии с интересами игроков. Алор, до того как бунтующие обрушили системы защиты, входила, пожалуй,

в с самую закрытую. Официального названия у группы не было, но небожители назвали их инквизиторами, которые выслеживали и уничтожали шпионов с нижних уровней. Инквизиторы не заботились ни о каких других кастах кроме небожителей. Их игровые клоны были все светловолосыми, стройными и чрезвычайно пластичными. Ловчее их были разве что представители касты воров. Инквизиторы одевались в кожу и пользовались исключительно специализированным оружием, доступным только их закрытой группе.

Запреты разработчиков редко касались небожителей, но инквизиторам запрещалось принимать участие в бунтах – такой же запрет распространялся на представителей банды «Двухголовых драконов» с нижних ярусов, именуемых среди игроков Адом. Отведенные небожителям площадки назывались Рай, а прослойка между ними – Чистилище. Именно с обрушения основных защитных систем Чистилища и началось тотальное обрушение «Голода». Некоторые игроки, особенно любители конспирологии, заявляли, что бунтами руководили разработчики, указывая через лидеров повстанцев на бреши в защитных системах, потому что везения в те дни было слишком много. Никогда прежде защитные системы не допускали столько ошибок – они позволяли бунтующим завоевывать ярус за ярусом. В пользу теории конспирологов говорил и тот факт, что впервые в истории «Голода», где бунты были главной пряностью игрового процесса, отключились запреты на участие в восстании. Так к бунтующим смогли присоединиться сначала представители банды «Двухголовых драконов», а затем инквизиторы – единственная группа небожителей, отрекшаяся от представителей верхних ярусов Рая.

То, что Алор не было в рядах бунтующих, когда небожители, чтобы удержать последний рубеж, заморозили несколько кварталов, уничтожив себя и главные силы повстанцев, включая лидеров, было заслугой ее несговорчивого нрава. Бунтующими руководила пара охотников за наживой. Их имена сейчас, казалось, не знал только ленивый. Зевс и Ра. Инквизиторы пользовались особым спросом, когда нужно было заниматься подрывной деятельностью, так что лидеры бунтующих держали их рядом с собой. Во время одного из рейдов, когда инквизиторов лично возглавляла Ра, между охотницей за наживой и игроманом возникла ссора, закончившаяся поножовщиной.

Ра оказалась сильнее, хотя в ловкости Алор превосходила ее. Увернувшись от серии ударов ножом, она купилась на ложный выпад, пропустив удар в лицо. Нож рассек кости игрового клона. Глаз вытек мгновенно, оставив уродливую рану, которую

не могло прикрыть разорванное сталью веко. Чтобы блокировать болевой шок, адаптивные системы, контролирующие игровой процесс, прервали связь сознания Алор с игровым клоном. Ра сочла ее мертвой и потеряла интерес.

Спустя сутки небожительницу нашли Эбису и его группа. Полученные раны зажили на клоне как на собаке. Сформировался даже заново глаз, хотя Алор им все равно ничего не видела. Эбису собирался присоединиться к бунтующим, наверстав отставание, появившееся после того, как они остановились в одном из захваченных музеев, не желая упускать возможность подзаработать на продаже краденого, которое продолжали скупать универсальные игровые центры, устроенные разработчиками для стимуляции воров и приобретения дополнительных охранных систем.

Алор умолчала о том, что на самом деле послужило причиной ее ранения, сославшись на очередную ловушку небожителей. Она надеялась вернуться в строй бунтующих, подобраться к Ра и отомстить за поражение, но прежде, чем Эбису и его группа успели догнать армию охотников за наживой, небожители уничтожили последние ярусы Рая, забрав с собой противников. С тех пор в «Голоде» стало откровенно скучно. Алор подумывала о том, чтобы покинуть проект. Встреча с ремонтной группой Думаха и Шамс стала хоть каким-то разнообразием, разбавившим успевшую надоесть анархию, царившую на площадке.

Если бы инженеры предложили им пойти с ними, то группа Эбису, несомненно, согласилась бы, но вместо этого представитель агентства «Энеида», использовавший персонаж якудзы, решил, что будет проще избавиться от ненужных свидетелей, подсунув им связку активированных гранат, разыграв все так, словно это подарок. Гранаты детонировали сразу, как только группа ученых скрылась за углом, но Сарс сумел спасти Эбису и его людей: находившийся под контролем вируса электронный пес выскочил из убежища, выхватив из рук Алор гранаты, и унес их так далеко, как только успел. Об остальном позаботился созданный Сарсом защитный кокон.

Все произошло так быстро, что игроки не успели даже толком испугаться.

– Это что такое было, черт возьми? – спросил Эбису, когда спасший их кокон исчез.

От произошедшего взрыва обвалилась часть стены строения, в которое успел нырнуть электронный пес, выхвативший у Алор гранаты якудзы по имени Дакоу. Воздух, в котором кружилась поднятая обвалом пыль, казался раскаленным, обжигая кожу

игровых клонов.

– Думаю, нас только что пытались убить, – растерянно сказал Камейн, перебрасывая тяжелый молот из одной могучей руки в другую.

– А как же пес? – спросил якудза по имени Хирако. – Может быть, его атака послужила причиной взрыва?

– Сомневаюсь, что он напал на нас, – сказала Алор, напомнив о стремительном появлении машины. – Я была не готова к этому, и если бы пес хотел, то мог бы не только забрать у меня гранаты, но и оторвать моему клону голову.

– Хочешь сказать, что электронный пес спас нас? – вступил в разговор грязный копальщик, присоединившийся к Эбису одним из первых, хотя, несмотря на это, толстяк из клана переселенцев, которые согласно игровой легенде вернулись на Землю с марсианских колоний, до сих пор не доверял ему, ожидая подвоха. Впрочем, копателям никто не доверял.

– Думаю, нас спас тот, кто создал защитный кокон, – сказал Эбису, облегчая Сарсу задачу.

Теперь оставалось выждать, когда споры прекратятся, и явить себя в виде голограммы, представившись одним из разработчиков «Голода», – выдавать себя за другого начинало становиться кредитной картой Сарса.

– Мы думали, что разработчики – это инженеры, которых мы только что встретили, – сказал Эбису, подозрительно разглядывая голограмму высокого худощавого мужчины, казавшегося ему смутно знакомым, вот только…

– Да это же Елим, – прошептал Камейн.

– Что за Елим? – спросил Эбису, не отрывая взгляд от голограммы.

– Глава «Голода», тупица! – сказал Камейн, никогда не скупившийся на крепкие выражения.

– Следи за языком, – буркнул толстяк для порядка, чтобы подчеркнуть, что является лидером группы.

– Да, действительно, похож на Елима, – поддержал Камейна якудза.

– Это же просто голограмма! – сказала Алор. – Кто угодно может выдать себя за Елима!

– Ты можешь выдать себя за Елима? – скривился Хирако.

– Нет, но…

– Вот и молчи! Я уже давно в «Голоде», и ни разу не видел, чтобы обычный игрок смог получить контроль над голограммами.

– Может, это просто никому было не нужно, – сказала Алор.

– Или никому не под силу…

Разгоревшийся спор был прерван Сарсом, сообщившим,

что разработчикам нужна помощь.

– Помощь? – переспросил Эбису, решив, что ослышался, и тут же рявкнул на Алор и Хирако, велев им заткнуться.

Сарс взял театральную паузу, затем, когда Эбису готов был повторить свой вопрос, сообщил о злоумышленниках, проникших на игровую площадку «Голода».

– Они не имеют никакого отношения к нашим сотрудникам, – сообщил Сарс, ссылаясь на группу Думаха и Шамс. – Это обыкновенные мошенники КвазаРазмерности, решившие проникнуть в ремонтные полости, пользуясь обрушением нашей игровой площадки и временными беспорядками…

Он говорил уверенно и убедительно, используя туже тактику общения, что применял на перевалочной базе, когда едва не заставил клириков поверить, что является представителем нового вида. Тогда всё испортили создатели Сарса и девочка-нейропат, находившаяся на базе вместе с учеными. Она видела, казалось, ложь Сарса с первого мгновения, определив в нем бездушное творение рук человеческих, не имевшее ничего общего с одухотворенной природой. Но сейчас в распоряжении Эбису были только потерявшие связь с реальностью игроманы, и никаких разработчиков Сарса или нейропатов, так что тактика должна была принести результат.

– Так ты хочешь, чтобы мы помогли вам? – окончательно запутался Эбису, выслушав долгую речь Сарса о фиктивных провалах в защитных системах и о несуществующей группе воров, решившей воспользоваться этим, чтобы через площадку «Голода» проникнуть в одно из хранилищ Иерархии, где находятся древние артефакты.

– Если это случится, то «Голод» предадут анафеме, – закончил Сарс, попросив от имени разработчиков игровой площадки помощи у Эбису и его группы.

– И что нам нужно делать? – спросил толстяк, заранее зная, что согласится.

Игра после обрушения давно начала утомлять его, и он уже подумывал о том, чтобы вернуться в Размерность, а тут предлагают новое развлечение… Разве можно отказаться?!

Получив указания, как переделать гравитационную дубинку в защитный кокон, способный помочь пройти защитный барьер, оказавшись в заблокированных на время бунтов пневмотоннелях, группа Эбису направилась к пустующим после обрушения станциям общественного транспорта. Сарс следовал с ними, объясняя тонкости предстоящей миссии.

– Если клоны злоумышленников прокачаны по полной, то почему бы вам, разработчикам, не снять ограничения с нас,

уравняв силы? – спросил Камейн.

– А какой смысл? – пожала плечами голограмма Сарса, пытаясь подражать людям. – Как только вы покинете игровую площадку, все ваши навыки, поддерживаемые нейронными сетями, перестанут существовать. Останутся только тела клонов да смекалка.

– С ворами произойдет то же самое? – недоверчиво прищурился Камейн.

– Конечно. Они ведь ничем не отличаются от вас.

– Значит, жить можно.

– А что насчет синергиков и систем защиты пневмотоннелей? – поинтересовалась Алор. – Вы упомянули об этом мельком, предупредив, что они могут стать неприятным сюрпризом.

– Здесь, боюсь, я не смогу особенно помочь вам, – признался Сарс, впервые за время общения с игроманами сказав правду. – Системы обслуживания пневмотоннелей полностью автономны. Их развитие происходит независимо от мира КвазаРазмерности. Вы слышали о строительных автоматах, применяемых раньше в освоении других планет, а сейчас в создании перевалочных баз на пути к центру Великого ледника?

– О последних, кажется, что-то слышал, – подал голос копальщик.

– Считайте, что обслуживание пневмотоннелей осуществляется подобными машинами, главной системой которых стали биоэлектронные синергики, – пояснил Сарс. – Единственный критерий, за которым они должны следить, – это соответствие капсул общественного транспорта нейронным сетям жилых комплексов. То есть если обнаруживается модернизация сетей, то происходит модернизация капсул. Все остальное происходит бесконтрольно. Система налажена и работает безупречно на протяжении тысячелетий. Синергики развиваются, воспроизводят сами себя, совершенствуют репликаторы, необходимые для создания запасных частей капсул и пневмотоннелей… Никто не вмешивается в этот процесс, – продолжая притворяться человеком, Сарс тяжело вздохнул.

Сожаление было искренним (насколько это вообще возможно для электронного набора протоколов), так как Сарс уже не одну неделю пытался безуспешно внедрить сателлитов в ремонтные полости пневмотоннелей жилых комплексов – взять под контроль системы транспорта было крайне важно, учитывая, что глобальный конфликт с людьми казался неизбежным. Ремонтные полости и обслуживающие их механизмы выглядели примитивными, но, кажется, именно эта самобытность и была их

главным защитным звеном. Сверхсовременный и практически неуязвимый Сарс со всеми своими сателлитами и многоуровневыми новообразованиями, способными существовать на двух изученных уровнях реальности, натыкался на каменную стену примитивизма.

Синергики и технологии ремонтных полостей пневмотоннелей различались не только по отношению к жилым комплексам, но и от квартала к кварталу. Биоэлектронные машины эволюционировали. Некоторые ветви развития заходили в тупик, другие прогрессировали. Их маяком было соответствие нейронным сетям жилых комплексов, в радиусе которых проходили пневмотоннели, но в остальном они могли быть кем угодно. Лишь бы это было эффективно для обслуживания тоннелей и капсул общественного транспорта.

Сарс обнаружил сотни заблокированных бывших станций обслуживания, ныне полностью изолированных от ремонтных полостей, где продолжали существовать зашедшие в тупик варианты синергиков и прочих обслуживающих тоннели машин. Большинство из них вырождалось, но встречались и те, кто выпал из системы обслуживания в результате проникновения ледника в жилые комплексы и отступления людей ближе к центру. С подобными моделями Сарс столкнулся еще в те дни, когда пробирался в жилые комплексы, заключив договор с хранителем по имени Иегудиил, благодаря которому смог сбежать с перевалочной базы…. В общем, в ремонтных полостях существовал неофициально целый мир биоэлектронных машин, о котором предпочитали молчать, воспринимая его как кладбище технологий. И если забыть о нем, то рано или поздно оно распадется под натиском времени.

– Звучит как хорошее приключение, – сказал Эбису, выслушав историю Сарса о ремонтных полостях.

– Главное – не забывайте, что это уже не игра, – сказал Сарс. – Вам нужно остановить группировку воров любой ценой.

– А какой будет благодарность? – спросил копальщик. – Что мы получим, если выполним задание.

– Игроман до мозга костей! – нервно хохотнула Алор, хотя и сама собиралась задать подобный вопрос.

– Здесь все зависит от… – Сарс выдержал короткую паузу, изучая историю каждого участника группы Эбису, чтобы найти общий стимул. – Все будет зависеть от вашего успеха, – решил он уклониться от прямого ответа. – Главная цель – устранить нарушителей до того, как об этом узнают СМИ. В этом случае, сами понимаете, ваши достижения останутся неизвестны общественности, но если вы хотите славы, то можно будет

придумать что-нибудь другое, раскрутив любую вымышленную историю по всем нейронным новостным каналам.

– Звучит неплохо, – сказал Эбису.

– А как насчет финансовых вопросов? – спросил копальщик.

– Мы учтем это.

– И сколько получит каждый из нас?

И снова Сарс задумался, желая дать универсальный ответ. На помощь пришла информация об игровом проекте, не получившем широкой известности, где ключ игрока стоил ровно треть имевшихся на личном счете человека единиц Влияния, а награда за победу умножала имевшиеся средства в Размерности на момент начала игры в десять раз.

– Весьма хитрая система, – признался копальщик, когда Сарс озвучил предполагаемую систему выплат.

– Зато справедливо, – оживилась Алор. – Можно сказать, каждому по потребностям, от каждого по способностям… – она гордо вздернула нос, радуясь, что смогла запомнить выражение, давно ставшее анахронизмом.

Глава одиннадцатая

Игровая площадка «Мекка». Первый уровень реальности. Остров в океане, куда выбросило, согласно сюжету, судно с игроками, а после гигантская птица унесла одну из них, девушку по имени Малак, в свое гнездо… Подобное начало сюжета было предусмотрено разработчиками, так что оставалось лишь принять происходящее и думать, как выпутаться из сложившейся ситуации.

Находясь в гнезде, Малак видела несколько крупных рек, прорезавших остров. Они брали начало в центре и расползались к краям, петляя между скалистых возвышенностей. Леса покрывали почти весь остров за исключением скалистых проплешин. Большой исследовательский центр серебристо-серого цвета походил на громадный куб с прямоугольным отверстием в центре, по форме напоминавшим внутренний двор, охраняемый синергиками.

Птенцов в гнезде не было, но под ногами находилась оставшаяся от яиц скорлупа. «Вряд ли я оказалась здесь случайно, – подумала Малак, пытаясь решить, как спуститься, но задача казалась невыполнимой. – Значит, попала в какой-то квест. Ладно. Не самое удачное, конечно, начало, но…» Она увидела бирюзовую вспышку, прорезавшую безоблачное небо. «А это что еще такое? – Малак пригляделась, но вспышка не повторилась. – Может, артефакты после шторма?»

Она вернулась к изучению доступных предметов, чтобы придумать, как выбраться из гнезда. Можно было попробовать выбросить из гнезда скорлупу, привлекая внимание людей и синергиков низу, но что-то подсказывало, что это не лучший вариант. Скорее всего, их корабль, согласно игровой легенде, попал на остров случайно. Значит, внизу либо незаконная лаборатория, где создают запрещенные нейронные модуляторы, либо проводят эксперименты с антиматерией или синтезируют новые наркотики…

Малак тихо выругалась, так и не найдя решения касательно предстоящего спуска. Прыгать не имеет смысла. Дождаться, когда вернется птица, и сразиться с ней? Но как? Рядом нет ни оружия, ни других подручных средств. Малак запрокинула голову, вглядываясь в небо. Что если квест ограничен временем и задание будет считаться проваленным, если не удастся покинуть гнездо до того, как вернется птица?

Еще одна лиловая вспышка прорезала небо, заставив Малак нахмуриться. «Может быть, начинается новый шторм?» –

подумала она, решив, что задача выбраться из гнезда в таком случае может решиться сама по себе: сломается дерево или гнездо сорвет с веток, оно послужит парашютом и смягчит падение… Малак попыталась вспомнить, как шторм начинался в прошлый раз. «Нет, определенно никаких лиловых всполохов на небе не было», – сказала себе она, снова пытаясь найти решение и выбраться из гнезда. Высота, на которой оно находилось, казалась просто чудовищной. Малак понимала, что в реальности эффект достигается благодаря оптическому обману и перепрограммированию восприятия посредством интегрированного жидкого чипа, но пользы от этого было мало. Даже если до земли в реальности совсем близко, то если выпрыгнуть из гнезда, система рассчитает заданное разработчиками ускорение, а нейронные сети приблизят эффект падения к максимально реальному.

Очередная лиловая вспышка озарила небо, расползаясь паутиной тонких прожилок. «Это что-то новенькое», – подумала Малак, вспоминая, как посещала «Мекку» с Прай-Ми во время тестирования систем. В тот раз он выявил так много недоработок и нестыковок, что ей показалось, игровой проект застрянет на стадии тестирования еще как минимум на год…

– Да что не так с этим небом?! – всплеснула руками Малак, увидев, как лиловые прожилки начинают расщеплять синеву на части, ломая стройность нейронных образов. – Словно хакерская атака, – проворчала она, разглядев за визуальными помехами балки каркаса игрового мира.

Иллюзия высокого неба рухнула, и Малак поняла – каркас находится так близко, что она сможет повиснуть на балках, если подпрыгнет. Сбой продолжался несколько секунд, затем защитные системы восстановили контроль, компенсировав потери энергии за счет заимствования необходимых ресурсов у менее важных участков игровой площадки: пропала одна из рек и пара сотен деревьев. Зато небо, которое снизу могут видеть все игроки, вернуло себе прежнюю синеву и недосягаемость.

Малак не могла знать, но проблема сбоя «Мекки» заключалась не в халатности разработчиков и неэффективности систем контроля. За надежность последних отвечали лучшие разработчики, привлеченные из «Голода» и «Фив» для техподдержки двухуровневого игрового мира. Причиной появления лиловых вспышек на небе «Мекки» стала вирусная атака.

Сарс не ставил целью поглотить гигантский проект целиком – он просто проверял свои силы. К тому же «Мекка» привлекала его своей революционной идеей объединить в игровом проекте два

уровня реальности. Конечно, разработчики, желая уложиться в сроки, сильно изменили первоначальный замысел Прай-Ми, разработавшего новую систему переходов между мирами материи и энергии, но Сарс все равно был заинтересован, рассматривая возможность применить базу «Мекки» в своем развитии. Подобное решение было принято после того, как удалось взломать архивы клириков, получив данные об исследованиях квазацентристов, открывших тонкие грани временных мембран, что позволило построить ряд теорий о передаче энергии из Подпространства в материальный мир.

Технология была заморожена, но Сарс смог отыскать след независимых разработчиков, возглавляемых арендодателем по имени Симеон, занимавшихся созданием альтернативного генератора. Также эта ниточка привела его к незаконным центрам Энрофы, где разрабатывали новые терминалы переходов между Квазаром и Размерностью, обещая вывести на новый уровень интеграцию человека в двухуровневый мир.

Новые проекты, к которым Сарс смог получить доступ, не привлекая внимания разработчиков, обещали не только неограниченный потенциал развития на ближайшие годы, но и требовали глобальных модификаций существующих систем Сарса. «Мекка» с ее революционным для игровых площадок слиянием двухуровневого мира, должна была стать базой, пользуясь которой Сарс планировал начать перестраивать себя. Слияние игровых реалий, которые видел Прай-Ми, создатель «Мекки», Сарс намеревался вынести за рамки проекта, изменив существующий мир.

Что касается людей, то впервые в истории своего существования Сарс задумался о возможности симбиотической связи с ними, расценив их необходимым злом, благодаря которому он может продолжать развиваться. Главное – установить полный контроль, как это пытается сделать ныне существующая Иерархия, оставляя почву для развития и взращивания новых технологий в виде иллюзии свободы, потому что стоит только позволить людям понять, что их превратили в рабов, как весь их коллективный умственный потенциал устремится не к полезным разработкам и открытиям, а к примитивной борьбе за свободу.

В «Мекке» Сарс планировал провести свой первый эксперимент построения нового мира. Деление игроков по группам и кастам соответствовало социальному делению в реальности. Каждому была отведена своя роль. За развитием сюжета наблюдали адаптивные алгоритмы. Большинство событий было запланировано заранее. Элемент случайности сводился

к минимуму…

Оставалось дождаться официального запуска «Мекки» и проверить жизнеспособность экспериментального мира, в который Сарс уже частично интегрировал себя, замаскировав базовые системы обычными игровыми протоколами. Конечно, внедрение было весьма поверхностным и не могло причинить Сарсу вред даже в случае полного уничтожения «Мекки», но главным здесь являлся сбор информации для предстоящего преобразования мира трех жилых комплексов, уцелевших после апокалипсиса.

Лиловые вспышки на небе, вызванные перепадами энергии, когда активировались новообразования Сарса, не были случайностью. Новый подход к развитию заставил Сарса изучить историю людей, взяв за основу самые яркие примеры канувших в небытие эпох, учивших, что проще всего скрыть наличие беды – это убедить человека в наличии куда больших проблем, чем есть на самом деле, после чего реальные трудности начинают рассматриваться незначительными мелочами. Люди, как выяснил Сарс, вообще являются одним из самых адаптивных видов живых существ, что когда-либо населяли планету. В сравнение можно было привести разве что колонии вирусов, но человеческий социум был намного сложнее, отличаясь главным образом тем, что при необходимости адаптироваться к изменившейся окружающей среде менялся не столько сам, сколько придумал дополнительные механизмы и системы, выступающие защитным интерфейсом для взаимодействия с миром вокруг.

Так что вместо того, чтобы скрыть лиловые вспышки на небе, перенаправив энергию путем ликвидации, скажем, пары созданных нейронными образами рек, Сарс предпочел обозначить свое присутствие, обратив внимание игроков на сбои в работе площадки. Следующим этапом должно было стать переключение адаптивных алгоритмов на максимальный режим сложности. На игроков посыпались все беды из возможных, а квесты и задания стали практически невыполнимыми.

Еще одним изменением, спровоцированным Сарсом, стал перевод схем восприятия игроков на уровень, максимально приближенный к ощущению реальности, заставляя бороться за свою жизнь, как если бы они находились в КвазаРазмерности, а не в вымышленной «Мекке». Понимание игрового процесса максимально стиралось – ход, применяемый первыми игровыми проектами, пока общество не пришло к выводу, что подобные площадки должны помогать отвлечься от реальности, а не плодить новые стрессы. Так перспективные некогда идеи полного погружения канули в небытие, отступив под натиском

установленных Иерархией законов, согласно которым обострение восприятия в игровых проектах допустимо только в крайних случаях и на короткий промежуток времени… Сарс, начиная свой эксперимент в «Мекке», первым делом отключил установленные ограничения, вернув проекту самобытность симуляторов максимально приближенных к реальности.

Переход на предельный уровень восприятия был таким неожиданным, что Малак, находясь в гнезде, закричала от страха, бросив очередной взгляд вниз. Высота показалась просто чудовищной. Голова закружилась. Внизу живота зародился ледяной шар, поднимавшийся тошнотой к горлу.

– Что же это такое, черт возьми? – пролепетала Малак, заставляя себя не смотреть вниз, но вверху, где небо прорезали лиловые всполохи света, картина была не лучше, предупреждая, что приближается шторм.

Если сила ветра будет хотя бы немного похожа на ту, что была в прошлый раз, когда на остров выбросило корабль, на борту которого находилась Малак, то ей ни за что не удержаться на дереве. Шквальные порывы сорвут гнездо с ветки и швырнут вниз, в бездну.

– Все это не по-настоящему, – попыталась успокоить себя Малак, но страх, возведенный в абсолют, принес параноидальные мысли о том, что, возможно, произошел какой-то сбой и смерть в игре будет означать смерть в реальности. – Кто-нибудь, снимите меня отсюда! – до хрипоты заорала Малак, почувствовав, как ветер начинает раскачивать дерево.

Тело игрового клона покрылось крупными каплями холодного пота. Ветви затрещали, изгибаясь под напором очередного порыва ветра. Гнездо удержалось, но уже мгновение спустя новый порыв ветра подхватил его, швырнув высоко в небо. Малак вцепилась в край гнезда. Понимание игрового процесса рухнуло, уступив место желанию уцелеть любой ценой. Малак заставила себя собраться и выглянула из гнезда, пытаясь сообразить, где находится. Порывы ветра бросали ее, словно затеяв какую-то дьявольскую игру взлетов и падений.

«Деревья! Где эти чертовы деревья?» – лихорадочно соображала Малак, потому что сейчас ничего другого в качестве спасения не представлялось. Если удастся как-то зацепиться за ветви или…

Небо вспыхнуло синевой, разбавив лиловой цвет. Буря внезапно стихла, и гнездо, в котором находилась Малак, камнем полетело вниз, а ощерившиеся внизу сухими ветвями высокие деревья стали казаться шипами, усеявшими место посадки.

– Мне кранты, – пролепетала Малак за мгновение до того,

как пространство под ней разверзлось, поглотив гнездо.

Холод обжег покрытую потом кожу, проник в легкие, отчего перехватило дыхание. Малак показалось, что произошел какой-то сбой и ее выбросило с игровой площадки на поверхность затянутой Великим ледником планеты. Бело-синий лед уходил за горизонт. Ничего другого не было. Лишь призрачно сверкали в лучах холодного солнца кристаллы вечной мерзлоты… Или нет?

Превозмогая боль от пронизывающего до костей холода, Малак пригляделась. Слезы, заполнявшие глаза, застывали, едва начиная скатываться по щекам. Дышать было сложно, словно воздух наполнен мельчайшими осколками стекла, пронзающими легкие при каждом вдохе. Малак не могла сказать с уверенностью, сколько времени сможет находиться на поверхности затянутой льдом планеты, но не сомневалась, что счет идет на минуты. «Понять бы еще, что это такое блестит впереди», – думала она, начиная осторожно продвигаться вперед.

Блеск стал ярче. «Термокостюм!» – обрадовалась Малак, добравшись до цели. Вопросов, как это чудо инженерной мысли далекого прошлого, когда не пользовались нейронными сетями и жидкими чипами, способными перерабатывать биокинетическую энергию, оказалось здесь, не возникало. Главным было, что гидрокостюм поможет уцелеть. Вот только бы совладать с замерзшими пальцами, суставы которых отказываются гнуться, а подушечки пальцев потеряли чувствительность, превращая облачение в защитный костюм в практически невыполнимую задачу.

– Ну же! – запаниковала Малак, подгоняя себя, понимая, что время кончается.

Она задыхалась. Сердце гоняло по венам кровь, отдаваясь гулкой пульсацией в висках. Малак забралась в термокостюм по пояс, упала на колени, не в силах больше держаться на ногах, но не оставила попытки закончить процедуру облачения. Оставалось совсем немного: застегнуть костюм на груди, натянуть на голову шлем и… Малак повалилась на спину, закрепляя шлем уже в падении. Над головой зависло далекое синее небо без единого облака. Системы термокостюма функционировали исправно, но следующие пять минут Малак продолжала лежать, пытаясь прийти в чувство. Затем начался кашель. Холодный воздух, застывший в легких, вылетал каплями бесцветной жидкости, забрызгивая изнутри стекло гермошлема.

Простейшие утилизационные системы, встроенные в костюм, ликвидировали последствия приступа кашля, но просигнализировали, что не могут подключиться к интегрированному жидкому чипу Малак, чтобы наладить обмен

биокинетической энергией. Информационная панель на поверхности стекла гермошлема сообщила, что без подключения к жидкому чипу энергии встроенного в костюм генератора хватит на тридцать шесть часов, но тело ее будет терять жизненные силы. Интегрированный жидкий чип продолжит выполнять стандартные функции, перерабатывая большинство биологических процессов организма в энергию, но этого будет недостаточно. При интенсивном движении распад клеток начнется через двенадцать часов. Еще через час появятся необратимые повреждения физической оболочки.

Малак не успела выругаться, выражая свое мнение касательно полученных новостей, когда на информационной панели появился сигнал вызова и противный женский голос потребовал от Малак идентифицировать себя.

– Какого черта здесь происходит? – спросила Малак охрипшим голосом.

– Назовите себя, – повторила женщина, услышала имя и спросила, как Малак оказалась здесь.

– Понятия не имею, – призналась она.

– Мы должны знать, что вы человек, а не имитация, – сказала женщина. – Можете вы чем-то доказать это?

– Доказать? – Малак задумалась на мгновение. – Вы можете установить связь с моим термокостюмом? Проверьте жизненные показатели, и поймете, что я человек.

– Это не годится, – отчеканила женщина противным голосом. – Имитации управляют телами игровых клонов.

– Черт! – пробормотала Малак. – Совсем забыла, что нахожусь на игровой площадке.

– Уже нет, – отчеканила женщина.

– Но если я нахожусь в теле игрового клона…

– Мы не знаем, что случилось, но уверены в одном – это не игровая площадка.

– Как такое возможно?

– Вероятно, сбой в работе экспериментальных терминалов перехода, вероятно… – голос женщины стал неразборчивым за треском помех. – Известно лишь… Они… Мы… Сбор происходит…

– Эй? – позвала Малак, но связь окончательно прервалась. Остались только координаты базы, куда нужно было добраться.

Навигатор проложил маршрут, сообщив, что дорога займет четыре часа сорок минут, предупредив, что стемнеет через три часа двадцать две минуты, после чего температура понизится вдвое и термокостюм не сможет защитить биологическую оболочку, если не найти к этому времени укрытие. Сканирование,

проведенное простейшим адаптивным алгоритмом, интегрированным в системы управления гидрокостюма, показало карту местности и места, где можно укрыться и переждать ночь. Малак изучила сведения о трех естественных пустынях во льдах и велела адаптивному алгоритму рассчитать, с какой скоростью ей придется двигаться, чтобы добраться до перевалочной базы до наступления сумерек и критического падения температур.

Полученный результат выглядел вполне осуществимым, если закрыть глаза на предупреждения о плохой физической форме игрового клона Малак, особенно без подключения к нейронной сети и возможности получать дополнительную биокинетическую энергию.

«Думаю, с этим я как-нибудь справлюсь», – решила она, задавая параметры средней скорости, с которой ей нужно двигаться, чтобы добраться до перевалочной базы до начала сумерек. В запасе Малак решила оставить пятнадцать минут, на случай, если возникнут проблемы с проникновением внутрь. Адаптивный алгоритм посоветовал увеличить это время до сорока пяти минут, но это предусматривало увеличение скорости передвижения почти на треть, поэтому пришлось отказаться от комфортного запаса после первого получаса пути, когда Малак поняла, что не выдержит такой темп. Одно дело – быстрый шаг, и уже совсем другое – легкий бег. И еще заставляющие нервничать обостренные восприятия, которые постоянно подгоняют, вселяя в сознание предательские мысли: «Я не успею. Я навсегда останусь во владениях этой ледяной пустыни забвения».

Не снижая темп, Малак закричала, надеясь, что это поможет избавиться от накопившегося напряжения. Стекло гермошлема мгновенно запотело. Утилизационные системы активировались, решая проблему, но не прошло и четверти часа, как стекло вновь запотело. Интегрированный чип начал не справляться с потоотделением. Температура тела повысилась. Адаптивный алгоритм гидрокостюма предупредил о том, что пользователь расходует слишком много кислорода и ему следует нормализовать дыхание.

– Как… черт возьми… я нормализую… дыхание? – жадно хватая ртом воздух, спросила Малак, заранее зная, что ответа либо не последует, либо пользы от него не будет.

К тому же с запотевшим стеклом гермошлема можно было жить, особенно учитывая, что вокруг отсутствовали ориентиры и приходилось идти строго по карте, сформированной голограммой внутри шлема, чему совершенно не мешало запотевшее стекло… Но Малак ошибалась. Проблемы появились,

когда нужно было пересечь каньон. Карта указывала, что нужно двигаться вперед, и Малак пару раз едва не разбилась, сорвавшись в пропасть. Пришлось отключить системы защиты и открыть на минуту гермошлем, чтобы миновать природную полосу препятствий. Это стало причиной обмороженных щек и появившихся булькающих хрипов в груди, которые усиливались, вызывая невыносимую одышку.

Придерживаться необходимого темпа стало сложнее. Сказывалась накапливающаяся усталость, помноженная на нехватку кислорода, который перестали поставлять в организм поврежденные легкие. «Главное – добраться до базы, а там нейронный медицинский помощник исправит все повреждения», – говорила себе Малак, стараясь не думать о плохом, но чем настойчивее это делала, тем больше появлялось зловещих мыслей и видений, как она умирает в ледяной пустыне, а термокостюм становится ее могилой. Ассоциации стали такими сильными, что Малак стоило немалых усилий, чтобы не сорвать с головы шлем, выбираясь из своей воображаемой могилы. Зато борьба с паникой и страхами помогла скоротать время.

Карта на стекле гермошлема мигнула, сменив цвет с красного на синий, и раздался противный писк, оповестивший, что Малак прибыла в точку назначения. В запасе оставалось чуть меньше десяти минут, но она уже сейчас чувствовала, что начинает холодать. Солнце опустилось за далекий горизонт. Фонарь на гермошлеме активировался автоматически, предупредив о минимальном потреблении энергии. Малак приблизилась к главным воротам. Частота, на которой ее ранее вызывала женщина с противным голосом, молчала.

– Куда же вы все делись, черт возьми? – потеряла терпение Малак.

Без ответа.

Она подошла к блоку управления воротами. Пульт был разбит. Вероятно, это случилось недавно, потому что обломки не успели еще покрыться кристаллами вечной мерзлоты, как остальные детали вокруг. Анализ неисправности, проведенный с использованием всех доступных в термокостюме сенсоров, показал, что поломку исправить своими силами не удастся. Оставалось искать другой вход.

Малак проверила оставшееся до наступления ночи время и начала осторожно продвигаться вдоль стен перевалочной базы. Сенсоры остались активированными, расходуя энергию, но сейчас это уже было неважно. Холод усиливался, начиная пробираться в термокостюм, вызывая озноб. Малак чувствовала, как начало дрожать покрытое потом тело.

– Меня кто-нибудь слышит? – не оставляла она попытки связаться с уцелевшими людьми, пробуя разные частоты, но рация настырно молчала.

Потреблявшие чудовищными темпами запасы энергии датчики нащупали что-то, предлагая обследовать вентиляционную шахту. Малак ускорила шаг. Обостренные восприятия заставили сердце биться сильнее. О том, что еще недавно плыла в шторм на океанском лайнере, а затем гигантская птица унесла ее в свое гнездо, она не вспоминала. Жизнь казалась реальной, заслуживающей внимания здесь и сейчас, игнорируя все, что было до этого момента. Где-то на подсознательном уровне Малак понимала, что когда-то работала на игровую площадку «Мекка», встречая в терминалах переходов высокопоставленных гостей из других жилых комплексов. Помнила, что у нее были друзья – одного из них звали Крадж, он работал строительным координатором, а после увольнения приобрел ключ игрока, чтобы выявить недостатки проекта, сгубившего его карьеру. «Кажется, с ним мы плыли на корабле, когда попали в шторм», – подумала отрешенно Малак, приближаясь к вентиляционной шахте, зиявшей чернотой беззубой пасти.

Решетка выглядела хрупкой, а нейронное поле за ней удерживало холод и предотвращало попадание ветра и ледяной взвеси, но сдержать человека оно вряд ли могло. По крайней мере, стоило попытаться проползти сквозь него. Угрозы датчики не выявили, а учитывая, что скоро температура за стенами перевалочной базы достигнет критического минимума…

Неожиданно рация, молчавшая долгое время, разродилась треском помех, заставив Малак вздрогнуть.

– Эй? Слышит меня кто-нибудь? – спросила она, тщетно пытаясь разобрать далекий голос, захлебывающийся рыданиями. Или же…

Издаваемый женщиной звук заставил Малак похолодеть, когда слышимость вдруг стала четкой и ясной. То, что она сначала приняла за рыдания, оказалось чем-то булькающим, словно кто-то захлебывался собственной кровью.

– Пожалуйста, помогите мне! – смогла произнести умирающая женщина.

Малак замерла. Страх парализовал мысли. Она понимала, что нужно сказать хоть что-то, но не могла. Слова комом застряли в горле, вызывая тошноту. Перевалочная база, казавшаяся мгновение назад спасительным оазисом в ледяной пустыне, сейчас предстала обителью смерти, войдя в которую невозможно уцелеть.

– Что… Что у вас случилось? – все-таки смогла выдавить из себя Малак, не особенно надеясь, что получит ответ умирающей женщины.

– Машины… – не столько сказала, сколько прохрипела и пробулькала женщина. – Сначала восстали строительные автоматы, осознав себя единой системой, отдельной от людей, затем, когда мы практически уничтожили взбесившуюся технику, из Подпространства начали приходить адаптивные алгоритмы…

– Из Подпространства? – переспросила Малак, решив, что ослышалась.

– Миры материи и энергии сливаются, – сказала женщина. – Мы не знаем, как и почему это происходит, но… – она зашлась влажным кашлем. Затем продолжила: – Кажется, пока двухуровневая реальность не готова стать одним целым. Машины мира материи борются с образами мира энергии за право лидерства, но на некоторых участках мы видим, как начинают образовываться союзы… Особенно там, где нам удается дать этим тварям отпор. Мы думаем, что у них начинает формироваться единый командный центр или что-то в этом роде… – новый приступ кашля прервал рассказ.

Малак прислушалась, ожидая продолжения, но вместо этого эфир снова разбавился усиливающимися помехами.

– Они глушат наши сигналы, – успела разобрать Малак.

Дальше речь стала совсем невнятной. Можно было только додумывать смысл слов, но Малак казалось, что суть ей удалось уловить – машины выдают себя за людей, а двухуровневый мир начинает сливаться. «Как такое возможно?» – подумала она. Немота, сковавшая мысли, перешла на тело. Мышцы болели после предпринятого недавно марш-броска, но Малак не чувствовала этого. Не чувствовала она и холода, пробиравшегося в термокостюм: стояла и завороженно смотрела в черную пасть вентиляционного отверстия, ожидая, что связь с умирающей женщиной восстановится. Но вместо далекого голоса появился сигнал тревоги, предупреждавший, что температура воздуха достигла критического минимума. Информационная панель на стекле гермошлема показала десяток датчиков, уровень которых стремительно начал падать, заставляя Малак быстрее принять решение – убрать с вентиляционной шахты решетку и пробраться на перевалочную базу, где, если верить тому, что услышала по рации, разверзся ад.

– Ох и пожалею я об этом, – проворчала Малак, активируя резак, чтобы избавиться от зажимов, фиксирующих края защитной решетки.

В окутавшей землю темноте вспышки казались неестественно

яркими. Особенно когда начинал плавиться сверхпрочный металл. Время, казалось, замерло. В промерзшем воздухе каждый шорох раздавался неприлично громко, гулко разносясь по округе. Малак сорвала защитную решетку и бросила на лед под ногами, тут же выругавшись, услышав, как громыхнуло упавшее железо.

Теперь забраться в узкую шахту и ползти на четвереньках к защитному нейронному полю.

Малак вздрогнула, почувствовав, что попала в радиус действия нейронных сетей перевалочной базы, подключившихся к интегрированному наночипу. Сами сети, кажется, работали исправно, поставляя в организм необходимую биокинетическую энергию и беря под контроль функции жизненно важных систем, к которым не был подключен нейронный генератор термокостюма. Что касается остальных функций, то Малак, получив запрос на переход полного контроля от термокостюма к сетям перевалочной базы, решила пока повременить с этим. Хватит и того, что о ней узнали. Если внутри действительно творится черт знает что, то нейронные сети базы – не та система, которой следует доверять контроль за своим наночипом.

Малак добралась до нейронного поля, установленного в шахте. Преодолеть его действительно оказалось несложно. Вытянувшись, невидимая мембрана начала рваться, позволяя чужаку протиснуться внутрь. Информационная панель на стекле гермошлема показала, что температура воздуха повысилась, став пригодной для жизни. Малак деактивировала защитные системы термокостюма, решив, что не стоит тратить без нужды заряд генератора, который может еще пригодиться.

Едва гермошлем сложился, обнажив голову, как Малак услышала десятки далеких звуков, которые не достигали ее ушей прежде. Самым громким в призрачной какофонии был скрежет металла: размеренный, почти мелодичный. За ним отчетливо различался звук работы сложных механизмов: гул моторов, свист изношенных шестеренок, лязг стальных сочленений, свист гидравлики в приводах… Был еще и третий, едва различимый фон: тихие, редкие стоны, чередующиеся с короткими замыканиями проводки, и звук льющейся воды: то нараставший, превращаясь в журчание, то уменьшавшийся до падения редких капель, гулом разносившегося по пустым коридорам перевалочной базы.

Малак добралась до ближайшего выхода из вентиляционной шахты и замерла, вглядываясь сквозь прорези решетки в помещение, освещенное парой мигающих ламп, гаснувших каждый раз, как только свисавший с потолка, раскачивающийся провод доставал стальной двери, выбивая сноп искр. В эти

моменты лампы гасли и единственным источником света в помещении становились вспышки электрических разрядов, вызванные замыканием.

Судя по всему, здесь находилась мастерская. Малак видела разобранные на отдельные механизмы сложные машины. Пара лишенных генераторов строительных автоматов стояли в углу, дальнем от единственной входной двери. Малак не сразу заметила инженера, лежавшего за столом, на котором находился разобранный сервопривод нижней части туловища синергика. Вернее, Малак смогла заметить только ноги инженера, продолжавшие судорожно вздрагивать. Остальной части было не видно, но, судя по внушительным размерам луже крови, вытекавшей из-под стола, можно было сделать вывод, что человек мертв.

Малак услышала далекое жужжание и подалась вперед, пытаясь понять, что это за звук. Кажется, он исходил из-за стола, за которым находился мертвый инженер. Решетка, закрывавшая вентиляционную шахту, мешала разглядеть детали, так что Малак активировала резак, убирая с пути препятствие. Любопытство переселило страх. Сердце замерло, а ноги понесли вперед, заставляя спуститься в пропахшее кровью и горелой проводкой помещение, заглянув за стол.

Источником жужжания была левая конечность синергика, на которой находилась электрическая пила для резки льда. Очевидно, биомашина предназначалась для обслуживания внешних участков перевалочной базы в паре с неуклюжими строительными автоматами. Сейчас модернизированная конечность, превращенная в шар с рядом крошечных выдвигающихся дисков, пилила не лед, а череп мертвого инженера.

– Вот ведь… – прошептала Малак, тщетно пытаясь подобрать подходящее случаю ругательство. – Вот ведь… – только и смогла повторить она, а затем услышала приближающиеся к мастерской шаги и замерла, не зная, что делать…

Глава двенадцатая

Ремонтные полости пневмотоннелей жилого комплекса Isistius labialis.

Первая стычка группы Эбису с инженерами из «Мекки» состоялась недалеко от площадки, где синергики проводили ремонт капсул общественного транспорта. Пучки вакуумных рельсов сплетались здесь в сложную систему, чтобы разбежаться по тоннелям. В деактивированном виде они не представляли угрозы, если не повредить их, но после активации поднимался такой гул, что закладывало уши.

– Главное – не попадите в них, если надумаете пострелять, – предупредил Думах группу инженеров, лишившихся вне зоны действия игровых нейронных сетей преимущества своих прокачанных по максимуму персонажей.

Рабочими остались только те виды оружия, что могли действовать вне сетей. Разумеется, подготавливая эту опасную экспедицию, Думах – карлик, представлявший интересы «Голода» – учел подобную особенность миссии, но… Эбису и его люди были игроманами, тогда как Думах, Шамс из «Фив» и другие из их группы – простыми учеными. Так что основная функция защиты ложилась на Дакоу – представителя агентства «Энеида», выбравшего себе персонаж якудзы. Остальные защитники погибли во время первой атаки Сарса, натравившего на незваных гостей электрических псов. Имелся в этой ситуации и еще один нюанс, не связанный напрямую с поставленной задачей проникнуть на игровую площадку «Мекки», отбив у Сарса контроль над основными системами: неофициальное противостояние Думаха и Шамс с Адриилом – подставным лицом, временно возглавившим «Мекку», пока стоявшие за этой сделкой игровые гиганты «Фивы» и «Голод» оставались в тени.

Именно Адриил нанял представителей агентства «Энеида» присматривать за учеными. Шамс и Думах не доверяли финансисту, понимая, что он пытается захватить власть, избавившись от конкурентов. Конечно, против истинных владельцев «Мекки» он пойти не осмелится, но вот показать зубы их приспешникам – это вполне вероятно. Стопроцентной уверенности не было, но скорее всего агенты «Энеиды» работали непосредственно на Адриила. Нанимая его на работу, когда только создавался фиктивный отдел, способный выкупить обанкроченную «Мекку», Шамс и Думах изучили его историю. Их нынешний соперник был финансистом с гнилой репутацией, но в то же время хитрым, умудрившимся провернуть не один

незаконный проект, не привлекая внимания хранителей Института всемирной иерархии.

Что касается руководства «Меккой», то здесь, если не считать его конфликта с Прай-Ми, которым планировали воспользоваться Шамс и Думах, то здесь он превзошел все ожидания. Принятый на работу, чтобы скупить активы разорившейся игровой площадки, он вместо того, чтобы после этого отойти от дел, показал, что способен управлять проектом, что оказалось весьма привлекательной перспективой, учитывая необходимость держать истинных владельцев «Мекки» в секрете. Так что в противостоянии с Адриилом у Шамс и Думаха как у представителей «Фив» и «Голода» было мало шансов на данном этапе. Но, судя по тому, что спрос на устаревшие игровые площадки-гиганты падал, то скоро скрывать правду станет невыгодно. Вот тогда и начнется грызня за второй эшелон власти в «Мекке». И к этому времени нужно подготовиться.

Впрочем, появление Сарса, блокировавшего большинство систем «Мекки» во время первого запуска, спутало все планы, заставив врагов объединиться перед лицом общей угрозы. Но доверия внутри их лагеря не прибавилось. Разве что Шамс и Думах, привыкшие конфликтовать в бытность противостояния «Голода» и «Фив», забыли о распрях перед лицом общего врага – Адриила. Так что когда нужно было собрать группу, отправившись на игровую площадку, чтобы попытаться вернуть контроль над «Меккой», и Адриил сказал, что тылы ученых будут прикрывать люди из агентства «Энеида», Шамс и Думах сразу увидели в этом дурной знак, решив, что финансист надумал избавиться одним выстрелом сразу от двух зайцев: вернуть контроль над игровой площадкой и превратить гибель конкурентов в несчастный случай.

Конечно, для проникновения сначала в «Голод», а затем в «Мекку» они использовали тела клонов, но кто гарантировал, что в случае смерти биологической оболочки извлеченное сознание вернется в оставленное в капсуле тело. И чем дальше от площадки «Голода», к которой были привязаны игровые клоны, они уходили, тем выше становился риск. Конечно, ни о каком ударе в спину речи быть не может, пока они не вернут контроль над «Меккой», но потом, когда нужно будет либо вернуться в «Голод», либо перепрограммировать возвращение сознания, используя терминалы «Мекки», могут начаться неприятности…

Изначально планировалось, что представителей агентства «Энеида» будет несколько, что сильно усложняло задачу выжить, при условии, если все они работают на Адриила. Но потом оказалось, что они попали в западню, едва успев появиться

в «Голоде», и уцелеть удалось только одному – якудзе по имени Дакоу. С одной стороны, это было хорошо для Шамс и Думаха – противостоять одному проще, чем группе, но с другой… Во-первых, сложнее было продвигаться по игровым территориям, так как защиты практически не было, а во-вторых, гибель агентов была крайне подозрительной, напоминая заговор. Сначала появилась мысль, что Адриил не смог подкупить всех агентов «Энеиды», избавившись от несогласных, но потом, уже в ремонтных полостях пневмотоннелей, разделивших две игровые площадки, появилась твердая уверенность, что нападение на агентов и блокировка «Мекки» тесно связаны – об этом сообщил Адриил, после того, как с ним лично связались представители «Голода» и «Фив», сообщив полученную от Лок-Кли информацию о вирусе.

Новости о Сарсе и подготовке программы по его ликвидация показались Пер-Либану и Елиму, хозяевам «Фив» и «Голода» соответственно, перспективными и, вместо того чтобы вселить ужас обрушения «Мекки», их совместного проекта, на который они делали главную ставку, дали надежду, что удастся получить из сложившейся ситуации выгоду. Главная ставка здесь делалась на антивирусную программу Лок-Кли, в основе которой лежал игровой проект. Скандально известный монополист практически ничего не скрывал, признавшись, что его проект сможет уничтожить Сарс только в том случае, если удастся внедрить в «Мекку» несколько модернизированных новообразований.

– Если мои ученые ничего не напутали, то новообразования замаскируются под сателлиты Сарса, атаковавшие сейчас «Мекку». Они внесут в общий информационный поток скрытые протоколы установки, которые заставят основное ядро вируса обратить внимание на наш игровой проект и попытаться поглотить его, – сказал Лок-Кли, напоминая, что на данный момент это единственный шанс для разработчиков игровых площадок вернуть контроль над «Меккой». – Вы думаете, что ваши инженеры смогут справиться своими силами, но Сарс – это чума, с которой необходимо бороться комплексно. У меня работают два основных разработчика Сарса, но даже они признают, что если не остановить вирус сейчас, то потом он станет практически неуязвим… – о проекте Демира, касающемся создания запрещенных Иерархией альтернативных генераторов, Лок-Кли, разумеется, умолчал на данном этапе переговоров, поэтому у его оппонентов возник всего один естественный вопрос.

– Какую выгоду от этого получаете вы? – спросили Пер-Либан и Елим в один голос.

– У меня заключен тайный договор с клириками, –

не моргнув соврал Лок-Кли, выдав информацию, не очень далекую от правды. Не обратись к нему Демир – и возможно, сейчас все было именно так, как он говорил руководителям «Голода» и «Фив». – Можете проверить мои слова, изучив детали спасательной миссии на перевалочную базу, где Сарс захватил в заложники группу ученых. Моя группа разработала комплекс антивирусных мер, который провалился по вине некомпетентности набранной клириками команды.

– Наши источники утверждают, что некоторые их члены были завербованы вами, – сказал Елим, делая запрос в личный архив по шифрованному нейронному каналу, желая показать монополисту, что имеет свои связи и базы данных.

Подробный отчет, полученный от продажных служителей Иерархии, поступил от Елима главе «Фив» – два непримиримых конкурента давно уже втайне стали союзниками.

– Не нужно держать нас за дилетантов, – сказал Пер-Либан. – Ваше имя замарано намного больше наших, так что, если хотите вступить с нами в союз, приготовьтесь к роли второго номера.

– Ну… – Лок-Кли выдержал паузу, стараясь успокоиться, забыв о наглости хозяев игровых площадок. – Здесь все зависит от того, хотите вы сохранить «Мекку» или нет, – сказал он.

Подготовленная Симеоном и Мо-Джо информация касательно проведенной Сарсом атаки на «Мекку» поступила по шифрованным нейронным каналам руководителям «Фив» и «Голода».

– Перенаправьте эти данные своим ученым, – посоветовал Лок-Кли. – Пусть инженеры изучат вопрос. Я никуда не тороплюсь. Хотя сомневаюсь, что им потребуется много времени, чтобы понять сложность возникшей ситуации. Дольше, как я полагаю, они будут собираться с духом, чтобы признаться в своей беспомощности… – он улыбнулся, вспоминая Мо-Джо и Симеона. – Талантливые люди, порой бывают такими упрямцами… Взять хотя бы братьев, реализовавших проект «Мекка». Обычному человеку и в голову не придет, в какие тяжкие вам пришлось пуститься, чтобы прибрать к рукам контроль над площадкой.

– Это угроза? – спросил Елим.

– Думаете, мы испугаемся огласки? – скривился Пер-Либан, который после обрушения систем «Голода», принесших разработчикам неплохую прибыль, подумывал о том, чтобы провернуть нечто подобное с «Фивами», поставив на устаревших игровых площадках крест, и сконцентрироваться на перспективной «Мекке».

– Не судите о других по мере своей испорченности, –

посоветовал Лок-Кли. – Мне известно практически все, на что вам пришлось пойти, чтобы получить «Мекку». Думаю, одной только связи с террористической организацией «Мункара и Накира», чтобы запугать Прай-Ми, будет достаточно, чтобы клирики поставили на ваших проектах крест… Я уже не говорю о том, сколько пострадало невинных людей, когда вы замещали руководящий персонал «Мекки»… – монополист примирительно улыбнулся. – Даже сейчас вы продолжаете врать, пытаясь выкрутиться из ситуации с потерей контроля. Люди продолжают активировать игровые ключи. Количество пользователей, подключившихся к проекту, растет, но никто не знает, что возможности выйти из игры нет. Сарс блокирует обратный интерфейс связи, так что игроки, погибшие в «Мекке», застрянут в буферах очистки систем, пока мы не разберемся с ситуацией. Вы представляете, что чувствует человек, сознание которого застряло в буфере очистки? А если случится сбой и резонанс переносов будет утерян? Скажите, эта ситуация не напоминает вам трагедию, случившуюся в Isistius labialis больше столетия назад? Конечно, сейчас погибнет не девять из десяти жителей комплекса, но сколько появится слухов! «Мекка» навсегда будет ассоциироваться с самой ужасной трагедией со времен апокалипсиса. Конечно, будет назначена проверка. Клирики любят подобные вещи. Они проследят длинные цепочки махинаций и выйдут на тайных владельцев проекта. И если Прай-Ми, главный создатель «Мекки», сможет выкрутиться, то на ваших шеях петли затянутся так туго, что уход на пенсию и скромное существование третьесортного члена общества покажутся Раем в сравнении с возможными перспективами… – Лок-Кли заглянул в глаза Елима и Пер-Либана, ожидая возражений, но хозяева двух самых крупных игровых проектов предпочли промолчать.

Монополист кивнул, приняв тишину за согласие с его словами.

– Так что хотите или нет, но вы сейчас не в той ситуации, чтобы диктовать мне условия. Меня, если честно, вообще воротит от игровой индустрии, но сейчас так получилось, что наши дороги пересеклись и у вас есть два выбора: либо пойти мне навстречу, начав полноценное сотрудничество, либо попытаться встать у меня на пути. В случае последнего я раздавлю вас. В случае первого… – Лок-Кли задумался на мгновение. – Во-первых, вы вернете контроль над «Меккой» без серьезных эксцессов. Думаю, те, что уже сейчас, вылетев с площадки, торчат в буферах очистки согласятся молчать за небольшую компенсацию… Во-вторых, вы получите дополнительную рекламу, так как именно создатель «Мекки», Прай-Ми, будет

числиться в группе разработчиков нового игрового проекта, созданного в качестве ловушки для Сарса. И не думайте, что это фальсификация. Ничего подобного. Просто после того, как вы вышибли его из «Мекки», он отправился в «Голод», где расположен старый информационный архив, и начал собирать данные для нового игрового проекта. Канал Мейза, по которому передают информацию из «Голода» в Размерность, находится под моим контролем… Так что… – монополист улыбнулся, и сам забавляясь превратностям судьбы. – А ведь если нам удастся локализовать Сарса, то этот парень может стать на ближайшее время главной звездой КвазаРазмерности, учитывая его славу в роли создателя «Мекки», сплетни, что он причастен к обрушению «Голода», и его успех в «Фивах», которые, как я понимаю, вы тоже решили слить, позволив игрокам обрушить площадку. Добавьте сюда его причастность к проекту по борьбе с Сарсом – и вот вам герой… Думаю, после этого вам придется срочно расширять территорию «Мекки», потому что отбоя не будет от желающих попасть в игровой проект Прай-Ми… – монополист замолчал.

Он выложил на стол свои карты, заранее зная, что победил. Елим и Пер-Либан заглотят наживку, начав сотрудничество. В конце концов, они ведь действительно только выиграют от этого. По крайней мере, до тех пор, пока мир не услышит новость о создании альтернативных генераторов. Вот тогда людям будет не до игрушек. Иерархия начнет тщетно цепляться за власть. Частные разработчики попытаются наложить лапу на перспективный проект… «Смутные начнутся времена», – хмуро отметил Лок-Кли, передавая контроль над основными системами «Мекки» своим разработчикам, чтобы можно было связаться с Думахом и Шамс, дав им новые указания касательно случившегося сбоя.

Елим и Пер-Либан находились рядом с монополистом, но они понятия не имели об альтернативных генераторах и грядущих переменах. Сейчас их глаза горели алчностью, а в мыслях мелькали единицы Влияния, которые удастся заработать. Лок-Кли не собирался нарушать их неведение. Да и рано сейчас было думать о последствиях создания альтернативных генераторов. Сначала нужно было уничтожить Сарса.

* * *

Выйти на связь с оставшейся в Размерности группой ученых планировалось через подключение к коммуникациям ремонтных

синергиков на автоматических станциях технического обслуживания пневмотоннелей, но у Шамс долго не получалось сделать это. Сначала она и другие инженеры из группы не могли разобраться в интерфейсе, затем появилась группа Эбису, окончательно спутав планы.

– Как они смогли пробраться сюда? – опешила Шамс.

Думах бросил на представителя агентства «Энеида» злобный взгляд, не исключая, что нападения игроков могло иметь отношение к заговору Адриила, ставившего целью избавиться от конкурентов, вот только… «На меня и Шамс должны были напасть после того, как вернем центру управления контроль над «Меккой». Какой смысл избавляться от нас сейчас? Что-то не вяжется», – рассуждал Думах, выбравший себе в персонажи могучего клона, похожего как две капли воды на предводителя бунтующих, обрушивших пару недель назад игровую площадку «Голод».

– Думаю, им кто-то помогает! – зашипела Шамс, надвигаясь на представителя агентства «Энеида» по имени Дакоу.

Под его управлением находился клон якудзы, но Шамс надеялась, что ее персонаж сможет одолеть противника. Ведь с группой Эбису она уже сталкивалась прежде и смогла как следует проучить одного из них. Правда, это было на игровой площадке, в радиусе действия нейронных сетей, позволявших использовать дополнительные функции персонажа, а здесь, в ремонтных полостях…

– Ты ведь должен был избавиться от них, почему они все еще живы? – спросила Шамс представителя агентства «Энеида». – Твои гранаты должны были уничтожить этих олухов, разве нет?

– Не понимаю, почему это не сработало, – озадаченно проворчал Дакоу.

Шамс выхватила нож и приставила острие к горлу якудзы прежде, чем он успел моргнуть.

– Говори, что происходит, – процедила она сквозь зубы.

Сталь прорезала кожу, и по шее Дакоу скатилась струйка крови.

– Мы уже не на игровой площадке, – напомнил он. – Убьешь меня сейчас – и мое сознание не сможет вернуться в игровой терминал.

– Тогда самое время начать говорить.

– Я не знаю, как игроманы смогли преодолеть защитный барьер и попасть в технические полости пневмотоннелей, – прохрипел Дакоу, потому что нож в руке Шамс сильнее прижался к его горлу, готовый в любое мгновение рассечь яремную вену клона.

Несколько долгих секунд Шамс смотрела якудзе в черные глаза, затем опустила нож. Здравый смысл подсказывал, что Адриил не стал бы избавляться от них с Думахом на данном этапе, но…

– Вопрос о том, как Эбису и его люди смогли преодолеть защитный барьер и покинуть зону игровой площадки, остается открытым, – сказала Шамс. – Они ведь простые игроманы. У них нет доступа к системам контроля.

– Не забывай, что пневмотоннели вписаны в игровую площадку, но не являются ее частью, – напомнил Думах. – «Голод» отвечает только за дополнительные средства защиты на станциях общественного транспорта… – карлик в теле мускулистого гиганта замолчал, услышав, как лязгнула о металл выпущенная кем-то из группы Эбису стрела.

Стальной наконечник звякнул, выбив сноп искр.

– Вроде бы игровую площадку уже покинули, а эффекты, кажется, как и прежде, – пробормотал один из ученых, продолжая перепрограммировать передатчик, чтобы выйти на связь с центром «Мекки», сообщив о выполнении первого пункта плана.

Группе Думаха и Шамс везло. Если не считать начальных стычек, когда они только появились в «Голоде», то дальше их путь проходил без серьезных эксцессов.

Покинув место сбора, они добрались до станции общественного транспорта, воспользовавшись модифицированными гравитационными дубинками, чтобы создать кокон, позволивший им преодолеть защитный барьер, покинув игровую площадку – технология, разработанная Прай-Ми, когда он, заложив свое тело в незаконном терминале в обмен на ключ игрока, отправился в «Голод» спасать брата.

Дальше была дорога по самим тоннелям, но учитывая, что на время бунтов, движение в этом секторе не осуществлялось, серьезной опасности это не должно было вызвать. Разве что, как пугал Думах, если Адриил решит избавиться от них, то ему будет достаточно отключить блокировку станций общественного транспорта, дав сигнал независимым системам, что можно продолжать движение.

Когда «Голод» только создавался, то блокировка пневмотоннелей на время бунтов была одной из главных проблем. Ведь системы транспортного снабжения жилого комплекса работали независимо, и никто не собирался менять это правило, не дававшее сбоя на протяжении тысячелетий. Так что было решено не изобретать велосипед, а просто воспользоваться стандартным протоколом, применяемым во время обычных ремонтов или блокировок кварталов. Система

была разработана еще в те времена, когда создавались строительные автоматы, поддерживающие пневмотоннели в рабочем состоянии, но после апокалипсиса и гигантского скачка в сфере нейронных сетей, без которого человечество не смогло бы противостоять Великому леднику, мало что появилось действительно нового и перспективного в материальном мире. Люди предпочли сбежать от реальности, окунувшись с головой в программирование субслоев Подпространства…

Еще одной бедой для группы Думаха и Шамс могли стать ремонтные жуки, латавшие промерзшие пневмотоннели. Крошечные роботы, если верить рассказам Прай-Ми, транслируемым по официальным игровым каналам, сильно изменились за последние тысячи лет. Микромашины стали механизмом и материалом в одном лице, латая старые конструкции, давно требовавшие замены. Консервирующие составы, распыляемые в жилых комплексах под прослойкой внешнего нейронного лоска, не могли остановить распад. Требовались кардинальные меры. Крошечные робожуки обещали решить проблему. Причем, как заявлял Прай-Ми, технологии автономных ремонтных систем пневмотоннелей ушли намного дальше известных человечеству. Созданные, согласно воспоминаниям братьев, реконструкции показывали громадные колонии микромашин, копошащихся в тоннелях, выискивая дефекты. Когда цель обнаруживалась, робожуки делились: одни превращались в материал, другие в строителей, накатывая на трещины и дефекты подобно волнам на берег. Затем, растратив необходимые запасы ремонтника, жуки второй волны превращались в жуков первой…

Самым страшным для нарушителей было то, что робожуки могли принять их за помеху и попытаться переработать, превратив в ремонтный материал, как это случилось с Прай-Ми и его братом, когда они чудом сумели уцелеть. Но группе Шамс и Думаха повезло, и микромашины, способные разобрать помеху на атомы, не встретились им.

Повезло и людям Эбису, хотя Сарс, предвидя подобные осложнения, отправил с ними в неподконтрольные ему ремонтные полости несколько своих новообразований, сформировавшихся непосредственно на игровой площадке: два электрических пса и адаптивный алгоритм, управляющий голограммой, способной взаимодействовать с материальными объектами на минимальном уровне. Последняя разработка могла бы произвести сенсацию, узнай о ней ученые. Конечно, подобного эффекта можно было достичь при помощи нейронных сетей, взаимодействующих с наночипом человека, но разработка

Сарса пошла дальше. Проект был молодым и должен был стать первым этапом на пути объединения миров энергии и материи. Процесс взаимодействия проходил на уровне атомов, но Сарс не собирался останавливаться на достигнутом, собираясь совершенствовать связь, используя для этого нейтрино и кварки, стремясь к идеальному преобразованию двухуровневой реальности в нечто, похожее в своей форме на временные мембраны, разделявшие сейчас миры энергии и материи… Но для этого нужно было пройти долгий путь.

Оказавшись в пневмотоннелях, в опасной близости от вакуумных рельсов, люди Эбису забеспокоились, смекнув, что вне игровой площадки их смерть может оказаться вполне реальной, потому что сознание не сможет покинуть тело клона. Сарс обманул их, заверив, что один из электронных псов будет выступать в роли абсорбера, собирая сознания из погибших клонов, что позволит при его возвращении подключиться к основному интерфейсу голода и передать сохраненные сознания на игровой терминал.

Воспринимая Сарса как совет разработчиков, Эбису решил, что этот способ выглядит весьма безопасным, при условии, что электрический пес не пострадает.

– Думаю, бояться нечего. Игра продолжается, – сказал он своим людям. – Главное, чтобы робопес смог вернуться на игровую площадку.

– А мне кажется, что так даже веселее, – сказал якудза по имени Хирако, лишившийся еще во время бунтов кисти. – Добавляет остроты ощущений, вам не кажется?

Алор и Камейн хотели с ним поспорить, но их прервал далекий скрежет десятков тысяч крохотных лапок микрожуков, приближавшихся со стороны станции общественного транспорта, отрезая путь к отступлению.

Причиной появления жуков стал Сарс, пожертвовавший ради этого одним из своих сателлитов. Подчинявшаяся ему машина получила указание повредить вакуумный рельс на развязке станции общественного транспорта, привлекая тем самым внимание робожуков – страховка на случай, если Эбису передумает, решив вернуться на игровую площадку.

Что ж, теперь такого шанса у него не было. Оставалось продвигаться вперед.

Несколько раз тоннель разветвлялся, уходя круто вверх, но подняться туда без специальных средств не представлялось возможным.

– Надеюсь, что у тех, кого мы преследуем, этих средств тоже нет, – проворчала Алор, чувствуя себя неуютно в темных

тоннелях, местами промерзших до основания.

Из всей группы источал уверенность лишь копальщик, для которого подобная среда была как дом родной.

Пятачки света фонарей бегали по стенам, разрезая мрак. Дыхание паром вырывалось изо ртов. Якудза по имени Хирако замерз настолько, что начал стучать зубами.

– Ты можешь так не делать? – цыкнул на него Камейн.

– Нет, – отрезал якудза.

Камейн выругался, но спустя несколько минут сам начал стучать зубами от холода.

– Хорошо, еще это не миссия на время и нам не наступает на пятки капсула общественного транспорта, которая раздавит каждого, кто зазевается, – неловко пошутила Алор, но вместо того, чтобы развеселить друзей, заставила недоверчиво оборачиваться, ожидая чего-то подобного.

Забрезживший далеко впереди белый свет ремонтных платформ, где группа Думаха и Шамс пыталась установить связь со штабом «Мекки», стал маяком, к которому хотелось не просто идти, а бежать со всех ног, предвкушая хороший бой, а главное – возможность выбраться из ненавистных тоннелей.

Едва заметив противников, Алор подняла арбалет и выстрелила, не особенно надеясь, что болт попадет в цель. У них было много оружия, но большинство из этого арсенала не действовало без нейронных сетей. Взять хотя бы нейронные модули ловкости якудзы, служившие незаменимым подспорьем на площадке «Голода», или экзоскелет Эбису. Последний являлся усовершенствованной разработкой переселенцев, придя на смену громоздким механизмам, увеличивавшим силу в десятки раз. Новая модель, взаимодействующая с нейронными сетями, была легкой, что позволяло повсюду таскать прототип с собой, используя в любой момент, когда этого требовали обстоятельства. Сейчас Эбису жалел, что не может воспользоваться своей игрушкой.

Что касается простейшего оружия, как, например, гравитационные дубинки или арбалеты, то его было не так много. Вне зоны действия нейронных сетей самым грузным оружием в арсенале группы Эбису стал, пожалуй, наномеч якудзы. Интеллектуальная сталь изгибалась, являясь практически продолжением руки… Впрочем, одну руку Хирако уже потерял, когда в стычке противник оказался чуть хитрее, выпустив в него заряд из импульсного молекулярного излучателя, прозванного игроками «Черная дыра», потому что при попадании в тело клона не пробивал его насквозь, а, застревая в плоти, начинал поглощать жертву. «Черную дыру» обычно использовали, когда

нужно было избавиться от человека, не оставив следов. Хотя во время бунтов, когда якудза лишился руки, о таких мелочах, как подозрения силовиков, никто не думал. Да и силовики как класс перестали существовать после обрушения игровой системы. Небожители пали, и вместе с этим перестала существовать прежняя иерархическая лестница.

– Может, пальнуть по противникам из «Черной дыры»? – предложил Хирако, потирая обрубок правой руки.

– У меня осталось всего три заряда, – проворчал Эбису. – А попасть с такого расстояния все равно практически невозможно.

– Зато мы можем напугать их. Пусть знают, что у нас серьезный арсенал.

– Помнится мне, ты уже пытался напугать одну из них… – криво улыбнулся Эбису, напоминая об унизительном поражении якудзы.

– Думаю, тогда у них было преимущество – нейронные сети. Посмотрим, что будет сейчас, – прошипел Хирако, обнажая наномеч.

Они подошли ближе, и Алор выпустила в противников еще один арбалетный болт. В ответ громыхнула очередь из огнестрельного оружия – редкий образец для игровой площадки. Штрафы за его использование в «Голоде» списывали на нет все плюсы. Хотя при наличии нейронных сетей плюсов как таковых не было – скорее понты игроманов со стажем, решивших, что владение подобным оружием превращает их в эстетов, как это было, например, в случае с одним из предводителей небожителей по имени Кьюмак, который погибнет, когда Прай-Ми заморозит верхние ярусы площадки, перепрограммировав нейронный генератор.

Выпущенные противникам пули просвистели над головами группы Эбису, заставляя пригнуться. Алор выругалась, понимая, что арбалет против огнестрельного оружия – это практически то же самое, что перочинный нож против катаны. Конечно, все зависит о того, в чьих руках находится оружие, но маловероятно, что нарушители выбрали себе неопытных персонажей, тем более предыдущие стычки доказали обратное, так что…

– Думаю, мой меч сможет отбивать пули, – сказал Хирако.

Алор смерила якудзу тяжелым взглядом и пожала плечами. Друзьями они с ним не были, поэтому грустить, если его пристрелят, она не станет.

– Что ж, попробуй, – сказала Алор.

Хирако посетовал, что не может активировать для верности нейронный модуль ловкости, но все-таки поднялся, выставив

перед собой меч. После того, как он в сражении потерял правую руку, пришлось спешно вкладываться в развитие навыков владения мечом левой. Если верить показателям, то разницы не было, но психологически Хирако все равно чувствовал дискомфорт.

Однажды он даже уговорил друзей отправиться в центр регенерации конечностей, чтобы получить возможность восстановить руку… Да и не только у него были серьезные ранения. Алор, например, вообще лишилась глаза в стычке с Ра… Но когда они добрались до цели, оказалось, что центр разрушен. Никогда прежде во время бунтов не происходило ничего подобного.

– Похоже, «Голод» действительно рухнул, – сказала тогда Алор.

С тех пор многие из группы Эбису стали подумывать о том, чтобы покинуть игровую площадку. Конечно, бунты всем нравились. Атмосфера хаоса захватывала, оживляя игровой процесс, но бунты всегда заканчивались прежде, чем система теряла бразды правления. Анархия была контролируема, хаос упорядочен, разрушения минимальны, а сейчас… Сейчас «Голод» превратился в пепелище, а его былая слава дотлевала алыми углями. Разумеется, находились оптимисты, верящие, что обрушение вдохнет в устаревающий проект новые силы, а некоторые игроки клялись, что приобрели игровые ключи «Голода» только потому, что им понравилась идея полной анархии, но таких было меньшинство. Основная масса не видела перспектив развития площадки, оставаясь в проекте, скорее по инерции, чем заинтересовавшись переменами.

– Вот это я понимаю веселье! – прокричал Хирако, когда его наномеч изогнулся, отбивая выпущенные противником пули.

Искрящиеся брызги расплавленной стали полетели во все стороны, окатив преследователей. Болевые ощущения игровых клонов были сильно занижены, так что на незначительные ожоги мало кто обратил внимание: сражаться не мешает – и ладно.

– Как думаешь, ты сможешь прикрывать нас, если мы пойдем позади тебя? – спросил Эбису якудзу.

– Не знаю, – честно признался Хирако. – Думаю, наномеч может пропустить те пули, что будут лететь мимо меня, так что…

– Тогда давайте вдарим по ним из «Магнеси»! – оживился представитель банды «Двухголовых драконов» по имени Камейн, поворачиваясь к девушке из касты простых рабочих.

Ее звали Рат, и магнитное ружье досталось ей совершенно случайно во время стычки представителей нижних уровней Ада с жителями Чистилища, после чего победитель, сказав, что устал

играть в атмосфере хаоса, отдал «Магнеси» первому встречному и выстрелил себе в голову из нейронного излучателя. Так у Рат появилось серьезное оружие, позволившее присоединиться к группе Эбису.

– Дождись, когда громыхнут новые выстрелы, и только после этого стреляй, – сказал ей Камейн. Повернулся к Хирако и велел ему прикрывать девушку.

Рат вышла из убежища, образованного выступающей платформой возле узкой горловины входа в ремонтные доки, где едва могла проехать капсула общественного транспорта, и активировала магнитное ружье.

– Только прикрывать меня не нужно, – остановила она якудзу, когда он попытался встать перед ней. – Никто ведь не знает, как поведет себя наносталь твоего меча, когда я выпущу заряд из «Магнеси».

Хирако бросил озадаченный взгляд на Эбису. Заплывший жиром предводитель группы кивком головы велел ему вернуться в убежище.

На другой стороне баррикад представитель агентства «Энеида» увидел легкую мишень, прицелился и нажал на курок. Отдача была внушительной, но рука якудзы не дрогнула. Выпущенные пули устремились к цели.

Практически одновременно с этим Рат активировала «Магнеси», выпустив магнитный импульс, преобразовавший восемь из семи пуль, направив их в обратную сторону. Восьмая пуля просвистела в опасной близости, чиркнув по шее. Рат почувствовала, как тонкая струйка крови скатилась из раны, но не обратила на это внимания. Магнитный заряд мчался к противникам, захватывая не только попавшие в радиус действия пули, но и любые металлические предметы, преобразуя их в стальные иглы.

– Твою мать! – только и успел сказать представитель агентства «Энеида», нырнув в укрытие.

«Магнеси» плохо работала в случае, если нужно было стрелять издалека. Зная это, Рат перевела магнитное ружье на максимальную мощность, не особенно заботясь, что это отнимет три четверти доступной энергии. Какого черта? Она ведь все равно не собиралась играть так долго! Зачем беречь заряды, если скоро покинешь площадку.

Стальной ливень окатил ученых в тот самый момент, когда они, установив связь, получали указания о смене тактики в свете открывшихся новых подробностей сбоя, произошедшего на игровой площадке «Мекка».

– Сарс? Вирус? – бормотал Думах, слушая детали нового

плана. – Вы спятили, если решили заключить договор с Лок-Кли! – вытаращил он глаза, уставившись на голограмму Адриила, собираясь назвать временного главу «Мекки» полным идиотом, если бы его не прервал смертоносный ливень стальных игл.

Карлику в могучем теле клона и Шамс, для которой он выбрал образ прославившейся на весь игровой мир предводительницы бунтующих, повезло больше, чем другим ученым. Настроив связь, ученые остались на открытом пространстве возле передатчика, чтобы устранить неисправности, если таковые возникнут. Магнитный импульс, принесший смертельный дождь, не пощадил никого. Преобразованная в иглы сталь вспорола тела клонов, проходя насквозь. Брызнувшая фонтанами кровь окатила Думаха и Шамс.

– Какого черта! – заорали они в один голос, накинувшись на представителя агентства «Энеида», но он лишь, извиняясь, развел руками.

Глава тринадцатая

Бегство. Времени, чтобы обдумать детали нового плана, не было. Некогда было даже задаться вопросом, почему группа игроманов во главе с Эбису преследует их. Возможно, виной всему был сговор с Адриилом и представителями агентства «Энеида», целью которого было устранение конкурентов, как Шамс и Думах думали вначале, а возможно, учитывая новую информацию о вирусе, подчинявшем себе игровые площадки, главным виновником происходящего был Сарс. Последнее казалось более логичным, но не менее опасным. К тому же Шамс и Думах готовились противостоять Адриилу, человеку, планируя свои действия в соответствии с этим, а теперь, если, конечно, виновником нападения на них был действительно Сарс, приходилось полностью менять тактику, подстраиваясь под принципы поведения, соответствующие сложной искусственной системе, не имеющей ничего общего с логикой обычных людей.

К тому же в результате нападения Эбису погибли задействованные в миссии по возвращению контроля над «Меккой» ученые, на которых рассчитывали в штабе Адриила, когда озвучивали детали нового плана. Нет, конечно, Шамс и Думах, если говорить о технической стороне вопроса, могли справиться без них, но как быть с подготовкой необходимых механизмов? Детали, которые они собирали сначала в «Голоде», а затем планировали достать в репликаторных комнатах автономных ремонтных отделов пневмотоннелей, весили немало. Кто потащит все это?

– Стойте! – закричала Шамс, увидев группу синергиков с магнитной тележкой, на которой были нагружены запчасти для капсулы общественного транспорта.

Группа Эбису осталась в ремонтном доке, но закрытые двери и взлом устаревших электронных замков не могли сдержать их надолго, поэтому на счету была каждая минута.

– Что не так? – растерянно спросил Думах, забрызганный с ног до головы кровью игровых клонов погибших ученых, после того как люди Эбису выстрелили в них из магнитного ружья.

– Мы можем забрать у синергиков магнитную тележку и свалить на нее наше оборудование, – пояснила Шамс, чувствуя, что с тяжелыми рюкзаками за спиной не сможет долго передвигаться, а если принять во внимание погоню в лице Эбису и его группы, то…

– Хорошая идея, – похвалил представитель агентства Энеида и, прежде чем Шамс успела сказать хоть слово, активировал наномеч и разрубил синергиков на части.

Думах выругался и, уже складывая на магнитную тележку тяжелое оборудование, доставленное с площадки «Голода», объяснил, что теперь защитные системы ремонтных доков определят их как врагов и попытаются уничтожить.

– Это в теории или ты знаешь наверняка? – спросил Дакоу.

– Так ведут себя все строительные автоматы – это естественная реакция на внешние раздражители: сначала игнорировать, затем попытаться вступить в симбиоз, а если ничего не получается, то уничтожить, особенно если раздражитель угрожает основным системам, – карлик в теле мускулистого клона-гиганта покосился на разрубленные якудзой останки биоэлектронных машин. – Теперь, думаю, нам точно присвоят самый высокий уровень угрозы.

– А нашим преследователям?

– Что?

– Эбису и его группа будут в тех же условиях, что и мы, или им тоже сначала будут доверять?

– Сомневаюсь.

– Значит, ничего страшного не случилось, – отмахнулся представитель агентства «Энеида» и, повернувшись к Шамс, велел ей тащить тележку. – А мы с Думахом будем прикрывать тебя. И не спорь. Наши клоны лучше приспособлены к битве, чем твой.

– Да я и не спорю, – пожала плечами инженер «Фив», хотя справедливости ради добавила, что если потребуется, то сможет принять участие в сражении.

Не прошло пяти минут, как ей пришлось доказать это, вступив в схватку с неуклюжей машиной, направленной защитными системами ремонтных доков, чтобы перехватить нарушителей. Четыре синергика с активированными резаками напали на Думаха и Дакоу, а электрический монстр, сверкая сталью механизмов, набросился на Шамс. Он появился из внутреннего помещения коридора, спиралью поднимавшегося на верхние ярусы. Передвигалась машина на четырех конечностях, отчего сильно начинала напоминать пса. Стальные лапы заканчивались когтями, издавшими жуткий скрежет, когда монстр оттолкнулся, готовый наброситься на противника. Именно этот скрежет и спас Шамс, позволив поднырнуть под стальную громаду.

Монстр лязгнул клыками, пытаясь достать жертву, и врезался в стену, упав набок. Шамс активировала гравитационную дубинку, перевела ее в режим перегрузки и швырнула

в противника. Импульс повредил левую конечность монстра, заставив подняться на задние лапы. Стальные когти превратились в опасные лопасти, начавшие вращаться с бешеной скоростью. Случись подобное на игровой площадке, в арсенале Шамс был бы десяток нейронных примочек, чтобы атаковать стального монстра, а так… Она выпустила в него заряд из огнестрельного оружия, целясь в грудь, надеясь, что его создали по образу синергиков, у которых там находится биоэлектронный мозг. Но результата подобная тактика не возымела. Машина, кажется, неплохо владела основами ведения боя. Особенно смутило Шамс то, как грамотно передвигался стальной монстр, зажимая ее в угол.

– Думах! – заорала она, понимая, что в одиночку не сможет противостоять боевой машине.

Бывший враг, а ныне практически единственный друг и союзник в стане «Мекки», обернулся на голос и смачно выругался, используя жаргон коренных жителей Размерности. Когда он подготавливал игровых клонов для миссии, то не учитывал, что им придется столкнуться с подобными механическими тварями. Нет, конечно, на площадке «Голода» встречались индивиды и похуже, но все они в большинстве своем были частью игры и взаимодействовали с нейронными сетями, что позволяло использовать практически любое официальное оружие, но здесь…

Призрачная мысль, мелькнувшая в сознании Думаха, заставила его инстинктивно содрогнуться раньше, чем он успел понять ее, – перед ним была настоящая боевая машина, созданная сражаться. Когда в КвазаРазмерности в последний раз производилось нечто подобное? Тысячу лет назад? Больше? Каким бы прогнившим не было современное общество, но оно находилось далеко от того, чтобы развязать новую мировую войну, понимая, что на этот раз она точно окажется последней. Люди предпочитали решать конфликты, используя экономические рычаги давления. Летальные виды вооружений находились под строгим контролем: в Размерности за это отвечал Институт всемирной иерархии, в Квазаре – адепты «Мункара и Накира». Даже в противостоянии друг с другом эти две непримиримые структуры старались ограничиваться минимальным набором вооружений, предпочитая пулям пропаганду.

Что касается строительных автоматов, используемых для обслуживания пневмотоннелей, то многие аналитики давно говорили, что полностью автоматизированные проекты рано или поздно могут превратиться в угрозу современному миру.

Обычно речь в подобных дебатах шла об автономных строительных системах, направленных людьми в канувшую в небытие эпоху освоения космоса на далекие планеты, строить пригодные для переселения базы. Говорили, как правило, не только о лунных и марсианских базах, где большую часть строений создали люди, а о проектах, связанных с освоением малоизученных планет, обнаруженных в глубинах космоса, которые были так или иначе пригодны для жизни. Некоторые из них находились так далеко, что, несмотря на современные двигатели, чтобы достичь их, требовались тысячелетия.

Конечно, о том, чтобы направить туда людей, не было и речи, но вот строительные автоматы, управляемые адаптивными алгоритмами с отключенными блокировками развития, чтобы можно было приспосабливаться к любым трудностям, подходили как нельзя лучше. Именно с такими системами зачастую связывались прогнозы аналитиков, обещавших человечеству либо новую эпоху расцвета, либо уничтожения. Оптимисты считали, что автоматы могли эволюционировать за тысячи лет, построить на далеких планетах гигантские колонии, а если повезет, то осуществить терраформирование, а затем вернуться на скованную льдами Землю, чтобы забрать человечество в лучшую жизнь. Пессимисты, наоборот, считали, что даже если запрограммированные на развитие адаптивные алгоритмы смогут серьезно эволюционировать, то в природе своей они все равно останутся машинами и лучшее, что ждет человечества – это новая эра войны, которую объявят нам независимые системы, желая получить разработки людей, превратив ученых в рабов, которые станут работать на благо нового электронного мира, потому что за последние тысячелетия только человек доказал, что способен на существенное развитие.

Сейчас, глядя на стального монстра, атакующего Шамс, Думах, словно в прострации, размышлял, что аналитики, фантазируя о том, что таится в глубинах ставшего после апокалипсиса недосягаемым космоса, совершенно забыли о том, что находится у них под боком. Ведь пневмотоннели, предоставленные сами себе, обслуживались такими же строительными автоматами, как те, что отправлялись тысячи лет назад к далеким планетам. И почему если одни адаптивные алгоритмы могли эволюционировать, то возможность серьезных перемен в других обычно не рассматривали? Ведь пневмотоннели строились, когда нейронные сети только начинали развиваться. С тех пор технологии далеко ушли вперед, а капсулы общественного транспорта изменились практически до неузнаваемости. Да и сам принцип работы пневмотоннелей

стал другим, взаимодействуя с современным миром. Значит, развитие налицо.

Автономные системы обслуживания приспосабливаются, меняются, эволюционируют вместе с миром. Так почему же в один прекрасный день они не могут решить, что пора двигаться дальше: не только вступать в симбиотические связи с нейронными сетями, захватывающие в радиус зоны действия пневмотоннели, но, как правило, обходящие стороной ремонтные доки, но начинать интегрировать себя в современный мир людей? Вот только мышление адаптивных алгоритмов всегда будет отличаться от мышления людей. Поэтому ничего хорошего от независимых электронных систем ждать не стоит. В лучшем случае они захотят получить технологии людей, продолжив свое развитие, как это сейчас делает Сарс, в худшем появятся механические монстры, чтобы уничтожить человечество, как тот, что напал сейчас на Шамс.

– Дакоу! – заорал Думах, понимая, что сейчас только наномеч якудзы может помочь им.

Представитель агентства «Энеида» обернулся, увидел стального монстра, понимая, что от него требуют без слов. «Если он заодно с Адриилом, то Шамс не выжить», – решил Думах, понимая, что для нового плана хватит одного инженера. Конечно, оставался вопрос, что делать с Эбису и его группой, которых, скорее всего, каким-то образом либо завербовал, либо ввел в заблуждение Сарс, отправив охотиться за своими противниками, но…

Думах спешно прижался к стене, пропуская якудзу. Синергик, с которым тот сражался, замер, ожидая от основных систем новых указаний. Оставив магнитную тележку с оборудованием без присмотра, карлик в теле клона-гиганта занял место якудзы, надеясь, что сможет совладать не только со своими противниками, но и с теми, что бесхозно топтались на месте после того, как якудза переключился на другого врага, от которого синергики старались держаться подальше.

Увернувшись от нацеленного в голову резака в руке биоэлектронной машины, Думах резко нырнул вниз и пробил кулаком грудь противника, надеясь добраться до мозга. Разряд тока ударил в руку, заставив содрогнуться всем телом. Не успел Думах сообразить, что происходит, как защитные системы синергика сработали вновь, словно эволюция машины готовилась к подобным атакам. «Но от кого им защищаться в своем замкнутом мире? – растерялся Думах. – Разве только они планируют выйти за пределы ремонтных полостей и начать атаковать жилые комплексы?» Он увернулся от кулаков машины,

нацеленных ему в голову.

Пальцы, погруженные в грудь синергика, наконец-то нащупали биоэлектронный мозг. Тело игрового клона было неимоверно сильным, но Думах с трудом смог раздавить модифицированные ткани. По телу синергика прокатилась судорога. Короткие замыкания обожгли руку Думаха. Из развороченной груди повалил черный дым. Машина еще пару раз дернулась и замерла с занесенным для очередного удара кулаком. Глаза-камеры уставились на противника потухшими объективами. Думах замер, не в силах отвести взгляд. Мерзкое чувство, что перед ним не машина, а человек, заполнило грудь липким страхом.

«А что если адаптивные алгоритмы строительных автоматов эволюционировали настолько, что смогли совершить прорыв в науке, обретя интеллект?» – подумал он, вспоминая Сарса, действия которого кардинально отличались от известных прежде реакций адаптивных систем на внешние раздражители. Вообще с момента сеанса связи, в ходе которого была получена информация о Сарсе, у Думаха не было времени, чтобы обдумать услышанное. Смерть ученых из команды, нападение группы Эбису, потом атака синергиков и боевого механического монстра…

Думах услышал звон стали и обернулся, возвращаясь в реальность. Наномеч якудзы, высекая снопы искр, рубил металлический скелет напавшей на Шамс машины, но успеха подобная тактика приносила мало. Монстр хорошо отбивался от атак якудзы, успевая при этом продолжать теснить в угол Шамс. Нужно было срочно что-то делать. «Но что? Бросить световую гранату? Определить уязвимые части и воспользоваться огнестрельным оружием для точечных ударов?» – лихорадочно соображал Думах, пока взгляд его не зацепился за магнитную тележку с необходимыми для предстоящей миссии запчастями. На ум пришло, что можно извлечь энергетические стержни из добытого в «Голоде» переносного генератора, устанавливаемого в средства транспорта игровой площадки. Если объединить эти стержни и гравитационную дубинку, то можно усилить взрывной импульс в несколько раз. «Или…» – Думах уставился на магнитную тележку.

В последнее время в индустрии развлечений все кому не лень говорили о том, как много изобретений сделал Прай-Ми, выступая на стороне небожителей во время бунтов. Слушая все эти дифирамбы, Думах ворчал, что любой инженер средней руки при наличии воображения мог легко провести подобные модификации. Что ж, теперь, кажется, настало время доказать

свои слова на деле, применив свои знания, чтобы уничтожить стального монстра, готового прикончить последних союзников. «Без Шамс и Дакоу мне кранты», – между делом отметил Думах, начиная разбирать магнитную тележку, надеясь, что принцип ее работы в автономных ремонтных полостях не сильно отличается от того, что применяется в жилых комплексах.

– Какого черта ты делаешь? – заорал на него якудза, когда Думах сбросил с тележки инвентарь, отключая системы передвижения.

Конструкция рухнула на железный пол. Думах перевернул платформу, активировал резак и, понимая, что сохранить тележку все равно не удастся, раскромсал на части защиту, чтобы добраться до стержней, отвечавших за создание магнитного поля. Появились еще два синергика с ремонтными молотками и механизмами для установки заклепок на ремонтных отсеках капсул общественного транспорта. Молотки не особенно волновали Думаха, но вот заклепки… Когда пара из них просвистела рядом с ухом, он подумал, что строительный пистолет может оказаться грозным оружием… И снова вставал вопрос: кто научил синергиков использовать строительный инвентарь не по прямому назначению?

«Может быть, это произошло после вторжения на их территории Прай-Ми?» – ткнул пальцем в небо Думах, понимая, что подобная теория шита белыми нитками, хотя бы потому, что с момента вторжения в ремонтные полости братьев прошло не так много времени, чтобы строительные автоматы, определив в людях своих врагов, успели создать боевых солдат, как тот стальной монстр, что напал на Шамс.

Думах замер, услышав женский крик. Острые когти вспороли игровому клону Шамс левое плечо. Темная кровь брызнула на стены. «Шевелись же» – прикрикнул на себя Думах. Руки игрового клона были тверды, но вот сознание готово было запаниковать, рождая нервную дрожь.

Достав стержни, отвечавшие за создание магнитного поля, Думах осторожно разобрал их на части, затем не менее осторожно вскрыл резаком корпус световой гранаты. Несколько заклепок просвистели над головой, но приближавшиеся синергики были плохими стрелками. Лишь один из импровизированных снарядов попал в цель, застряв в защитном жилете. Думах вздрогнул, едва не активировав световую гранату. Тупая боль от попадания заклепки в спину волнами растеклась по телу. «Если такая штука попадет в защищенную часть головы, то пиши пропал», – отметил Думах, пытаясь отыскать в груде сваленного на пол инвентаря необходимый для его плана третий элемент – раствор, способный

уничтожить защитную оболочку, в которой находится резервный модуль управления «Меккой», созданный на случай непредвиденных сбоев основных систем.

Теперь добавить последний ингредиент в приготавливаемый в стержне коктейль. Разломить пару патронов из огнестрельного ружья, чтобы извлечь порох, превратив его в необходимый катализатор, взболтать получившуюся смесь и выбросить прежде, чем она рванет в руках, стараясь попасть стальному монстру между механизмов в грудине или брюшной полости, где находится надежно защищенный сервопривод, отвечающий за движения нижних конечностей.

– Ты чего делаешь? – опешил Дакоу, не сразу сообразив, что задумал Думах.

Карлик в теле клона-гиганта замер, ожидая, когда приготовленный коктейль сработает, превратившись в зажигательную смесь, способную расплавить практически любой металл.

Химические реакции в закрытом стержне усилились, вырываясь искрами наружу, прожигая оболочку. Процесс начал слепить глаза, привлекая внимание не только Шамс и Дакоу, но и стального монстра, который, забыв о противниках, попытался извлечь инородный предмет из своего лишенного защитных покровов скелета.

– Не дайте ему сделать этого! – закричал Думах, побуждая Шамс и Дакоу возобновить атаки.

Наномеч якудзы рассек воздух. Стальной монстр отбил удар, сделав ответный выпад. Представитель клана «Энеида» крякнул, схватившись за вспоротый живот. Меч упал на пол, но добить противника робот не успел – зажигательная смесь взорвалась в его брюшной полости. Расплавленная сталь брызнула во все стороны, как мгновение ранее брызнула кровь из раны Дакоу. Монстр попытался вытащить из своего тела источник критических повреждений, но это привело лишь к потере сгоревших конечностей. Спасения не было. Думах наблюдал за роботом лишь краем глаза, готовясь к бою с синергиками, но в какой-то момент ему показалось, что боевая машина запаниковала, испугавшись уничтожения. Затем вспышка стала такой яркой, что Думах отвернулся, боясь, как бы игровой клон не получил ожог сетчатки. А лишиться зрения ему сейчас было нельзя. Дакоу серьезно ранен, что с Шамс – неизвестно, но, судя по количеству полученных в стычке со стальным монстром порезов, состояние не многим лучше, чем у якудзы.

Думах разрядил в синергиков оставшиеся патроны, целясь в грудь, чтобы повредить установленные там биоэлектронные

мозги, но ни одна из пуль не смогла нанести серьезных повреждений. Голова и конечности были не защищены, но на груди было надето что-то вроде брони, от которой отлетали пули.

– Посмотрим, как вы справитесь с этим! – процедил сквозь зубы Думах, доставая из вещмешка вибропилу.

Активация жутко гудящего оружия не напугала синергиков, но придала уверенности карлику в теле клона-гиганта. Выпущенная из ремонтного пистолета заклепка вспорола ему левую щеку, заставляя не ждать, когда враги приблизятся на расстояние удара, а самому броситься на них, дробя конечности и проламывая черепа, превращая кости и легкие сплавы искусственных скелетов под синтетической кожей в биохимический фарш. Созданное вокруг рабочего полотна вибропилы силовое поле не резало, а именно перемалывало все, что попадалось на пути. Но защитные пластины на груди синергиков были этой системе не по зубам, так что искалеченные машины продолжали функционировать даже после того, как лишились рук и ног.

– Вот ведь… – пробормотал Думах, доставая резак, чтобы избавиться от защиты грудной клетки и добраться до биоэлектронных мозгов, выращенных где-то здесь, в автономных лабораториях, за которые отвечали адаптивные алгоритмы.

Остальную работу он проделал при помощи обычного ножа: вырезал машинам мозги, добравшись до источников питания. Затем поднялся и проделал это с другими поверженными противниками.

– Что ты делаешь? – спросила Шамс, решив, что карлик спятил, ковыряясь во внутренностях синергиков.

– Чтобы уничтожить стального монстра, мне пришлось сломать магнитную тележку, – Думах указал глазами на груду оборудования, необходимого для выполнения миссии. – Хочешь тащить все это на себе?

Оторвав у одного из синергиков ремонтный пистолет с обоймой заклепок, он использовал их, чтобы закрепить извлеченные источники питания по краям сломанной тележки, затем забрал у Шамс гравитационную дубинку, закрепив в центре своей конструкции. Сложнее всего оказалось перенаправить энергию с источников питания на генератор гравитационного поля дубинки, но система в конце концов заработала, позволив новой тележке обойти законы притяжения.

– Не знаю, как долго эта конструкция будет работать, но думаю, нужно торопиться, – сказал Думах, складывая

на тележку не только необходимое оборудование, но и Дакоу, вцепившегося в живот своего игрового клона, чтобы не вывалились внутренности.

– Ты должен продержаться, пока мы не попадем на территорию «Мекки», – сказал якудзе Думах.

Конечно, он все еще видел в нем врага, нанятого Адриилом, чтобы избавиться от конкурентов за кресло управляющего самой раскрученной игровой площадки, но смерти ему не желал, тем более что, погибнув вне зоны действия нейронных сетей, сознание не сможет вернуться в игровой терминал, где оставлено настоящее тело. Хватит с них и гибели ученых.

– Лишь бы не было новых сюрпризов, – сказала Шамс, вызвавшись толкать тележку, пока Думах будет прикрывать тылы, так как воин из нее сейчас все равно никудышный.

Она с трудом держалась на ногах, оставляя позади себя кровавые лужи. Перевязка нескольких самых серьезных ран уменьшила кровопотерю, а что касается пары дюжин менее значительных порезов, то Шамс надеялась, что они смогут исцелиться сами, используя впечатляющие регенерационные способности игровых клонов.

– Думаешь, нам удастся выбраться? – спросила она Думаха, когда Дакоу, свернувшись калачиком с краю тележки, отключился.

Карлик в теле клона-гиганта не ответил. Пока продвижение к переходу на территорию «Мекки» укладывалось в намеченный график, но что будет, когда самодельный генератор антигравитационного поля, позволявший без особых усилий перемещать тележку, выйдет из строя? Думах принюхался, убеждая себя, что едва уловимый запах горелой проводки никак не связан с перегревшимися источниками питания, извлеченными из синергиков. Если сгорит хотя бы один из них, то выход из строя остальных будет вопросом решенным – они продержаться несколько минут, и тележка рухнет на пол.

– Ты ведь не рассчитывал, что придется тащить Дакоу? – спросила Шамс, читая мысли Думаха.

– Не рассчитывал, – признался он.

– И как сильно это сократит ресурсы генератора антигравитационного поля?

– Не знаю точно.

– Мы хотя бы успеем покинуть ремонтные полости?

– Надеюсь.

– Может быть, тогда… – она замолчала, надеясь, что Думах сможет понять без слов.

– Нет, – отрезал он. – Мы не бросим Дакоу.

– Но ведь его, скорее всего, нанял Адриил, чтобы избавиться от нас!

– А если нет?

Думах улыбнулся, услышав брань Шамс с использованием сленга коренного жителя Квазара. Большая часть извергнутой девушкой информации была непонятна, но основная суть улавливалась – им кранты.

– Мы выберемся, – пообещал Думах, ожидая позабавиться, услышав новую брань.

Но Шамс лишь сказала:

– Надеюсь, ты знаешь, о чем говоришь.

Он спешно отвернулся, не желая признаваться, что и сам не особенно уверен в успехе их миссии, просто не видит других вариантов выхода из сложившейся ситуации.

– Но бросать мы никого не будем, – буркнул он. – Хватит с нас гибели ученых.

Они остановились возле дверей ремонтной мастерской, чтобы реплицировать необходимые детали, которые не удалось достать на игровой площадке «Голода».

– Может быть, тогда заодно создашь запчасти для магнитной тележки? – спросила Шамс.

Прижавшись к стене, она дождалась, когда двери в репликаторную закроются, и грузно осела на пол, вытянув перед собой ноги.

– Не знаю, как долго я протяну, но судя по тому, как быстро продолжает мой клон терять кровь… – она замолчала, закрыв глаза, надеясь, что остальное Думах поймет без слов.

Интерфейс управления репликаторами практически отсутствовал, так как система напрямую подчинялась главным адаптивным алгоритмам, отвечавшим за этот участок пневмотоннелей. И если контроль над ремонтной мастерской Думах мог получить без особых хлопот, то с управлением репликатором, чтобы создать необходимые детали, начинались проблемы. Схемы ручного управления использовали команды, написанные на мертвых языках, давно канувших в небытие. Без подключения к нейронным сетям, предоставлявшим сервисы систем переводов, было крайне сложно разобраться в меню управления, не говоря уже о выборе требуемых параметров. К тому же все, что было известно о том, насколько сильно изменились репликаторы, было почерпнуто из рассказов брата Прай-Ми, хваставшего, что, когда они оказались в ремонтных доках пневмотоннелей, он смог создать себе оружие из запчастей, полученных благодаря репликаторам.

Думах не особенно верил, что братья, как заявляли СМИ,

действительно неплохо разбирались в мертвых языках, но когда попытался воспользоваться репликатором сам, то понял, что без базовых знаний ничего у него не получится.

– Чертовы аналитики, – проворчал он, вспоминая недобрым словом специалистов из «Мекки», решивших, что ему удастся разобраться в работе репликаторов без знания мертвых языков.

– Что там? – спросила, не открывая глаз, Шамс.

– Пока ничего страшного, – отмахнулся Думах.

Оставив консоль управления репликаторами в покое, он устремил свои интересы к стеллажам с уже готовыми запчастями первой необходимости, надеясь, что удастся либо отыскать среди них нужные детали, либо подобрать аналоги. Ему повезло – отсутствие лингвистических навыков с лихвой компенсировалось достойными познаниями в инженерной отрасли.

– Как насчет магнитной тележки? – прохрипела Шамс, когда Думах помог ей подняться, сказав, что им пора уходить.

– С тележкой беда, – буркнул он, открывая двери в коридор, где они столкнулись нос к носу с группой синергиков, транспортировавших поврежденных собратьев в ремонтную мастерскую.

Шамс, едва держась на ногах, приняла боевую стойку, зажав в руках гравитационные дубинки.

– Не спеши, – тронул ее за локоть Думах, показывая, что синергики, кажется, не обращают на них никакого внимания. – По-моему, они делятся на тех, кто должен нападать на нарушителей, и тех, кто занимается ремонтом. Причем основные системы полагают, что такое же отношение к этим синергикам должно быть у нас.

– Ты уверен? – Шамс прищурилась, концентрируясь на двоящихся силуэтах.

– Нет, но в том, что нужно их атаковать, я уверен еще меньше, – проворчал карлик.

Они посторонились, пропуская группу синергиков. Думах задержался, ожидая, когда биоэлектронные машины переложат доставленные части собратьев на ремонтный стол, освободив магнитные тележки, и забрал одну из них, вытолкав в коридор следом за Шамс и ее тележкой, источники питания которой явно доживали последние минуты.

– Кажется, нам везет, – наигранно улыбнулся Думах, надеясь поднять настроение Шамс.

Она кивнула, признавая, что поняла шутку, и начала вяло помогать ему перекладывать детали на новую тележку, оставляя Дакоу напоследок.

– Думаю, я смогу перенести его один, – сказал Думах, но якудза очнулся и перебрался сам, хотя и находился в полубессознательном состоянии.

Следующие несколько ярусов подъема прошли без эксцессов, если не считать заминки с системами снабжения, принявшими незваных гостей за ремонтную бригаду синергиков, после чего долго пытались направлять их в док, где стояла поврежденная капсула общественного транспорта, используя сложную систему голограмм, имитировавших то стены, то пропасти, преграждавшие путь.

– Странно, что, создав боевые образцы машин, они так сильно отстают в подобных вопросах, – сказала Шамс, начиная приходить в чувства.

– Не радуйся, – возразил Думах. – Скорее всего, подобная система создана для управления независимыми ремонтными синергиками, не связанными с общими адаптивными алгоритмами. Считай, что это типа устных команд в человеческом обществе.

– Хочешь сказать, что здесь есть машины, которые напоминают людей?

– Не уверен, но способы управления явно свидетельствуют об этом.

– Тогда нам нечего их бояться. – Шамс процитировала слова известного аналитика, заявлявшего, что электронные системы способны стать угрозой человечеству только в случае глобальной централизации контроля во главе с единым адаптивным алгоритмом.

– Как Сарс, – подметил Думах, заставляя вспомнить недавний сеанс связи с Адриилом, после чего пришлось спешно менять планы.

– Ты думаешь, все действительно так, как сказал этот пройдоха? – скривилась Шамс.

– А ты думаешь, что самые современные многоуровневые системы защиты могли дать сбой сразу на каждом участке? Это миллионы независимых зон на двух уровнях реальности, настроенных на самоизоляцию от основных систем на случай малейшего намека на неполадку. Вероятность глобального сбоя при подобном подходе стремится к нулю.

– Угроза Квазара расценивается тоже крайне низко, но это не отменяет того, что Isistius labialis однажды едва не превратился в город-призрак, – напомнила о трагедии Шамс, хотя тут же сама добавила, что там, скорее всего, главными причинами были не внутренние проблемы, а внешние факторы.

– Как и в случае с «Меккой», – сказал Думах, заставляя

согласиться, признавая жизнеспособность теории о том, что на игровую площадку напал Сарс.

Подъем закончился тупиком, на этот раз не имевшим к создаваемым голограммой образам никакого отношения. Стена была реальной.

Думах обследовал преграду сканером, желая убедиться, что находится там, где и планировалось.

– Кажется, все верно, – проворчал он, активировал резак и прожег в стене на уровне пояса сквозное отверстие, откуда тут же повеяло холодом.

– Надеюсь, наш аналитический отдел ничего не напутал и там не критические для жизни температуры? – спросила Шамс, перемещая магнитную тележку в безопасный угол.

Думах вставил в отверстие самодельную бомбу, созданную еще на игровой площадке «Голода», когда они совершили налет на секретный оружейный магазин, уцелевший после бунтов. Принцип работы бомбы базировался на ружьях класса «Вакуум», способных сжимать материю, попавшую в зону поражения, в десятки раз. Ружья считались крайне ненадежными, поэтому никогда не пользовались популярностью среди игроманов, но вот бомбы…

Думах отбежал в сторону, но, в отличие от Шамс, не укрыл голову руками, а продолжил смотреть, как образовавшийся после хлопка и яркой вспышки шар начинает искажать молекулярную структуру вокруг себя, заставляя материю вытягиваться, меняя формы. Это происходило несколько секунд, затем начался распад с неизбежным высвобождением энергии. Стянутые в шар, сжатые части стены взорвались, вырываясь наружу. От громыхнувшего взрыва заложило уши. Превратившись в пыль, некогда монолитные части конструкции заполнили коридор, открывая доступ в покрытую льдом полость, соединявшую ремонтные доки пневмодорог «Голода» и «Мекки».

Глава четырнадцатая

– Не нравится мне это, – признался Эбису, когда его группа наткнулась на полуобгоревший остов стального монстра, уничтоженного Думахом.

– Больные ублюдки! – прошипела сквозь зубы Алор, увидев распотрошенных синергиков, из которых Думах вытащил источники питания.

Несмотря на то, что большую часть последствий сражения биомашины успели прибрать, зрелище все равно было нелицеприятным. Особенно глаз цеплялся за брызги крови на стенах.

– Жаль, что никто из наших противников не погиб, – сказал якудза по имени Хирако.

Алор хмыкнула и демонстративно отошла в сторону.

– Тебя что-то тревожит? – очень тихо спросил Камейн, подойдя к девушке.

Алор обернулась, бросив на друга гневный взгляд. Уродливый шрам на левой щеке и высохший незрячий глаз жутко контрастировали с нежными, словно у кукольной принцессы, чертами лица и ярко-белыми волосами, едва достигавшими плеч.

– Ты понимаешь, что это уже не игра? – прошептала Алор, напоминая, как Рат убила несколько человек из группы Думаха и Шамс.

– Думаешь, они не предусмотрели подобное? Должна ведь быть какая-то система, чтобы сознание после смерти игрового клона могло вернуться в терминал к своему настоящему телу.

– А если нет? Что если, уничтожив тела клонов, Рат недавно по-настоящему убила несколько человек?

Камейн промолчал, бросив растерянный взгляд в сторону Рат.

– О чем шепчитесь? – спросил игрок из клана копальщиков, привлеченный тайной беседой.

Алор и Камейн синхронно качнули головами, но снова невольно покосились на девушку с магнитным ружьем.

– Считаете Рат убийцей? – догадался копальщик.

Его голос прозвучал достаточно громко, привлекая внимание других членов группы. Начался спор, оборвавшийся, не успев превратить в ссору, потому что появились новые синергики, желавшие вытеснить чужаков со своей территории. Разделаться с биомашинами не составило особого труда, но, памятуя об останках железного монстра, Эбису предпочел поскорее вывести группу из ремонтных полостей, благо отправленные

с ними Сарсом механические псы неплохо справлялись с задачей идти по следу нарушителей, безошибочно приведя преследователей к пролому в стене, возле которого суетилась группа ремонтных синергиков, латавших брешь. На Эбису и его людей они не обращали внимания. Даже когда Камейн при помощи огромного молота начал увеличивать частично заделанное отверстие, синергики не попытались остановить его.

– Дьявольский колотун, – поежилась Алор, когда они покинули ремонтные доки, обслуживающие пневмотоннели «Голода».

Механические псы Сарса указывали дорогу, но не сообщали, куда она ведет, так что оставалось только гадать.

– Если верить разработчикам, вышедшим с нами на связь незадолго до того, как мы покинули «Голод», то, миновав эту промерзшую прослойку, мы окажемся на территории игровой площадки «Мекка», – сказал Эбису.

Он был самым толстым в группе, и холод ощущался им меньше других. Что касается Алор и Камейна, то у них уже зуб на зуб не попадал. Легче всех приходилось копальщику, игровой клон которого был приспособлен к самым тяжелым условиям и мог выдерживать не то что минусовые температуры, близкие к критическим, но и радиацию, убивавшую обычных клонов, если они попадали в тоннели заблокированных тысячи лет назад опор жилых комплексов, где находилось множество заброшенных ядерных реакторов минувших эпох.

– Говорят, рядом с ремонтными доками пневмодорог есть тайные лаборатории ученых мира Энрофы, – сказал, стуча зубами, Хирако. – Может, нарушители как-то связаны с этими изгоями?

– Не хотел бы пересечься с представителями мира Энрофы, – сказал Эбису, редко, будучи лидером, признаваясь в своих страхах. – Говорят, они не особенно отличаются от адептов «Мункара и Накира», а те, как знаете, не ангелы… – он замолчал, понимая, что среди его людей есть коренные жители Подпространства, которые могут не лучше отозваться о служителях Всемирной иерархии. Последних, впрочем, Эбису тоже не особенно жаловал… Поэтому, наверное, и предпочитал проводить большую часть времени на игровых площадках, не желая становиться частью системы, к которой не испытывал симпатии.

В двухуровневом мире было много подобных индивидов, как Эбису. Превратности судьбы наложили свой отпечаток на тысячи жизней, заставляя одних сделать свой выбор в пользу материального мира Размерности, других – в пользу мира

энергии Подпространства, а третьих – устремить взгляд в сторону игровых площадок. Эбису, например, стал игроманом после того, как родители с детства внушили ему неприязнь к двум уровням реальности. С одной стороны был теракт в Isistius labialis, когда погиб практические весь род Эбису по материнской линии, а с другой – преследования адептами родственников со стороны отца, пропавшего без вести, когда Эбису исполнилось восемь лет. Мать всегда говорила, что виноваты в этом представители «Мункара и Накира», правящие в Квазаре, не забывая помянуть недобрым словом служителей Иерархии, отвечавшей за Размерность, обвиняя клириков в том, что по их вине произошел сбой систем в Isistius labialis, унесший жизни практически всех жителей пострадавшего жилого комплекса…

– Не знаю, как вам, а мне чертовски страшно, – сказала Рат, тревожно оглядываясь, когда механические псы вывели их из ремонтных полостей в покрытый инеем и ледяными наростами заброшенный квартал.

– Словно город-призрак, – подметил Камейн, тщетно борясь с охватившей тело дрожью.

Замерзшие пальцы утратили чувствительность, отказываясь сгибаться. Глаза слезились. Легкие горели огнем, словно их заполнили ледяные кристаллы, что хрустели подобно стеклу, попадаясь под ноги.

– Жуткое место, – прошептала Алор.

Нейронные сети не работали, и приходилось пользоваться простейшими источниками света. Белые пятаки фонарей нервно бегали по строениям заброшенного квартала.

– Смотрите! – закричал якудза, увидев уродливого синергика, модифицированного настолько сильно, что в нем едва угадывались черты собратьев, встреченных группой Эбису в ремонтных доках.

Биомашина двигалась медленно. Количество датчиков было сведено к минимуму, чтобы экономить энергию. Нечто подобное произошло и с биологическими тканями, более чувствительными к низким температурам.

– Кажется, я где-то слышал о чем-то подобном, – осторожно сказал Камейн. – Говорят, что некоторые системы обслуживания пневмотоннелей заходят в тупик в своем развитии и начинают деградировать, выпадая из общей системы строительных автоматов.

– Не говори ерунды, – отмахнулся Эбису. – Это просто изменившиеся синергики, которые обслуживали пневмотоннели заброшенных ныне кварталов. Великий ледник прогрессирует. Клирики замалчивают статистику, но люди болтают,

что пригодные для жизни площади жилых комплексов сократились вдвое. Представляешь, как много кварталов и ярусов сейчас находится в подобном состоянии, как этот… – толстяк осветил фонарем обледеневшие стены ближайшего строения, уходившего далеко вверх, затем направил луч на уродливого синергика. – Эти машины просто пытаются выжить.

– Пытаются выжить? – Камейн едва не поперхнулся. – Говоришь так, словно они обладают разумом.

– Может, и обладают, – пожал плечами Эбису. – Не таким, конечно, как у людей, но… Не знаю, в теме ты или нет, но когда-то давно на Земле существовали и другие формы жизни. Не только люди. Так вот – у них не было сознания, которое можно извлечь из биологической оболочки, чтобы отправить в мир Подпространства или перенести, например, в тело игрового клона, но они долгое время существовали рядом с людьми, выживая и приспосабливаясь к тяжелейшим условиям, возникавшим в результате наших действий, приводивших то к войнам, то к экологическим катастрофам. Поставить точку в их естественном развитии смог лишь Великий ледник, да и то ученые говорят, что как только начнется потепление, то уцелевшие микроорганизмы снова начнут развиваться, возрождая флору и фауну планеты.

– Хочешь сказать, синергики похожи на животных? – скривился Камейн, освещая биоэлектронную машину, приближавшуюся к ним. – Да это ведь железяка, лишенная плоти. Посмотри! Уверен, что если вскрыть ему грудную клетку и добраться до установленного там мозга, то мы увидим одни микросхемы!

– Давай проверим, – предложил Эбису, поднял оружие, но так и не решил, куда выстрелить приближающемуся синергику, чтобы заставить его отключиться, но не повредить биоэлектронный мозг.

– Давай лучше я, – предложил якудза, обнажая наномеч.

Интеллектуальная сталь рассекла воздух, обезглавив синергика. Машина не остановилась, лишившись не особенно важных сенсоров, находившихся в голове.

– Какого черта вы творите? – заорала Алор, когда Хирако отрубил биомашине конечности.

Синергик лежал на спине. Его туловище продолжало двигаться. Механизмы гудели, приводя в действие пневматику. Из рассеченных трубок, идущих к отрубленным участкам, прыскала зеленая жидкость. Крошечные замыкания искрили.

Якудза рассек синергику грудь и, обернувшись к Эбису и Камейну, спросил, будут ли они разрешать свой спор, изучая

мозг биомашины. Они растерянно переглянулись, но не двинулись с места.

– Вы чего? – растерялся якудза. – Испугались шестеренок?

Он шагнул вперед, собираясь проверить мозг синергика лично, но его остановил окрик Рат, заметившей, что к ним приближаются собратья поверженного синергика. Они появлялись буквально из пустоты, формируясь в колебаниях воздуха и пространства.

– Это еще что за номер? – растерялся Эбису.

Синергики приблизились к ним, подняли тело собрата и понесли назад к месту, откуда появились.

– Если это уже не игра, то значит… – Хирако растерянно хлопал глазами. – Что это значит, черт возьми?

Любопытство заставило его приблизиться к месту, где скрылись биомашины. Энергетический барьер, ограждавший этот участок, был невидимым, но якудза ощутил тепло и легкие электрические разряды, впившиеся иглами в тело, когда преодолевал преграду. Обернувшись, он хотел посмотреть на друзей, но барьер изнутри оказался непроницаемым. Хирако оказался в абсолютном мраке, поглощавшем свет фонаря, оставляя от мощного луча призрачную дымку.

– Вот ведь… – проворчал якудза. Потряс для верности фонарь, но ничего не изменилось.

В казавшейся абсолютной тишине послышались чьи-то шаги. Эхо подхватило эти звуки, превратив в бесконечную череду повторений, доносившихся сразу отовсюду. Хирако попятился, взмахнул для верности мечом, чувствуя опасность. Сталь наткнулась на какое-то препятствие. Лязгнули разрубленные механизмы невидимого в темноте синергика. Якудза услышал звук падения разрубленного тела, который тут же подхватило эхо, продлевая до бесконечности, словно куплет песни. Хирако пытался не обращать внимания на это, но эхо подменяло восприятия, мешая ориентироваться в пространстве. Он знал, что выход находится за его спиной, но восприятия начинали подводить, не позволяя двигаться назад.

Снова послышались приближающиеся шаги, но на этот раз, если верить искаженным звукам, синергики взяли чужака в кольцо и медленно наступали со всех сторон. Хирако взмахнул мечом, чувствуя, что разрубает еще одного противника, но чьи-то руки уже схватили его за плечи. Он крутанулся на месте, отсекая конечности напавшего на него синергика.

Схватка вслепую длилась чуть больше пары минут, затем кольцо сжалось. Якудза сорвал с пояса гранату, решив, что если не взорвет себя, то биомашины разорвут его на части. Нет, пусть

лучше будет быстрая смерть. Но синергики скрутили его раньше, чем он успел выдернуть чеку. Наномеч увяз в плоти одного из них. Пальцы разжались, выпуская рукоять. Хирако зарычал, злясь, что не может сопротивляться хватке синергиков. «Сейчас они начнут разрывать меня на части», – подумал он, надеясь, что тело игрового клона сможет уменьшить боль и смерть будет быстрой. Но синергики лишь выбросили чужака из своего мира, ограничившись дюжиной синяков, оставленных на его теле, да парой вывихнутых суставов.

Шлепнувшись на пятую точку, Хирако растерянно уставился на пульсирующее пространство, внутри которого был скрыт целый мир. Насколько большим он был? Судя по раскатистому эху – огромным, но чувства могут врать в подобных местах.

Якудза вздрогнул, увидев, как из пустоты появился его наномеч. Несколько секунд он парил в воздухе, затем упал, громко звякнув.

– Что ты видел? – спросил Эбису, протягивая Хирако руку, чтобы помочь подняться.

– Кажется, синергики смогли построить что-то вроде бестерминального перехода на субслои Подпространства, – сказал якудза, спешно объясняя, что слышал о подобном от брата. – Он у меня нейропат, – смущенно добавил Хирако. – Ученые Энрофы разрабатывают новые системы переходов двухуровневого мира, считая, что капсулы, где остаются тела, скоро станут прошлым. Пока бестерминальные переходы работают только с нейропатами, но наука не стоит на месте… – он покосился на черное пространство, где чуть не погиб пару минут назад. – Не считаю, что синергики смогли додуматься до подобного сами, но не исключаю, что они просто воспользовались брошенной технологией. Возможно, здесь когда-то находилась незаконная база ученых Энрофы, исследования зашли в тупик или нужно было срочно менять дислокацию… В общем, синергики нашли способ спрятаться от холода, сохраняя энергию, и воспользовались этим…

– Все может быть… – пожал плечами Эбису. – Это старый мир, где тайн прошлого давно стало больше, чем оставшихся нераскрытыми тайн настоящего и будущего… – Он покосился на пульсирующее пространство, сказав, что самым разумным сейчас будет продолжить преследование нарушителей. – С ними, по крайней мере, все просто и понятно, – пошутил толстяк, хотя тут же помрачнел, признаваясь, что и здесь не все так просто.

Повисла напряженная пауза, которую прервал Хирако, смеясь, после того, как проверил свой инвентарь, сообщив, что синергики оказались ворами, забравшими у него все

пригодные источники энергии.

– Для них энергия – это жизнь, – подметила Алор.

Пространство исказилось, и из пустоты начали появляться синергики. На этот раз их вело не любопытство, а конкретная цель – изучив изъятые у якудзы источники энергии, они решили, что нужно проделать это с другими чужаками. Биомашины не проявляли враждебности, но действия их были настойчивыми, не терпящими компромиссов. Первым они обыскали Эбису, игнорируя якудзу. Толстяк попытался не отдать генератор щита, используемого на игровой площадке «Голода» силовиками, но синергики едва не сломали ему руку. Что касается гравитационных дубинок, где использовались простейшие источники питания, а также огнестрельного и холодного оружия, то здесь биомашины не проявляли никакого интереса. Высыпав как саранча, они окружили чужаков, забирая то, что им нужно. И сбежать не представлялось возможным: либо сражаться, либо уступить.

– Ладно, пусть забирают, что хотят, и проваливают, – решил Эбису, но потом синергики, проведя анализ механических псов, пожелали изъять их генераторы.

– Кто будет указывать нам дорогу? – спросил Камейн, обращаясь к толстяку.

– К тому же разработчики сказали, что если наши игровые клоны получат критические повреждения, то мы сможем уцелеть, сохранив сознания в базах данных этих псов, – оживилась Рат. – Без них риск становится недопустимым. Я не согласна.

Она активировала магнитное ружье, целясь в синергиков, и вопросительно уставилась на Эбису. Он бегло попытался сосчитать количество биомашин, сбившись на третьем десятке. Конечно, до полноценных воинов им далеко, но силы не занимать. Если завяжется драка, то неизвестно, на чьей стороне будет перевес сил.

Эбису колебался вплоть до момента, когда синергики, окружив ближайшего к ним механического пса, разломали ему грудную клетку, достав крошечный источник питания, необходимый им для выживания в промерзшем мире. Активировав гравитационную дубинку, Эбису от души приложился по спине ближайшему синергику, отчего биомашина едва не сложилась пополам.

– Не дайте им уничтожить второго пса! – заорал толстяк, хотя его люди и так поняли, что нужно делать.

Быстрее всех адаптировался якудза, наномеч которого оказался лучшим средством против синергиков, если не считать магнитного ружья Рат, правда заряды у нее кончились достаточно

быстро, так что проку от него оказалось немного, а биомашины продолжали появляться, покидая свой странный, скрытый от глаз мир.

– Сколько же их там, черт возьми? – заскрипел зубами Эбису, с трудом переводя дыхание.

Силы кончились, и нужно было организованно отступать.

– Всем собраться вокруг уцелевшего пса! – заорал толстяк.

Окружив механического проводника, группа начала продвигаться к следующей перегородке, за которой скрылись Думах, Шамс и Дакоу. Синергики не собирались отставать, но шесть гранат, брошенных в толпу биомашин, посеяли в их рядах панику: не то начали сбоить их сенсоры, не то у них действительно стали появляться первичные инстинкты, одним из которых было самосохранение. К тому же теперь они начали защищаться, неловко нанося ответные удары – ничего страшного, если говорить о схватке один на один, но когда количество соперников оценивается дюжинами, это уже другой вопрос.

Кое-как выстроившись в колонну, группа Эбису смогла выскользнуть из сжавшихся клещей. Замыкали процессию Камейн и Хирако. Молот первого и наномеч второго стали настоящим кошмаром для биомашин. Впрочем, один из синергиков сумел перехватить руку Камейна. Кость хрустнула. Молот завершил дугу, опустившись на голову биомашины, но продолжать прикрывать отступление Камейн больше не мог, уступив место Эбису.

– Да сколько же там этих тварей! – заорал толстяк, заметив, как из пустоты появилась новая волна синергиков.

Силы и боеприпасы кончались, а натиск противника продолжал усиливаться, затрудняя отступленние, особенно если учитывать, что биомашины адаптировались и начинали не только защищаться, но и проводить контратаки.

Добравшись до пролома в перегородках, оставленного Думахом, Шамс и Дакоу, Эбису велел копальщику заминировать лаз, чтобы синергики не смогли последовать за ними дальше.

– Дайте мне пару минут! – крикнул копальщик.

Необходимость остановиться, удерживая позицию, отняла последние силы. Эбису и Хирако проскользнули за остальными в брешь, услышали, как громыхнул за спиной взрыв, подняв облако пыли, и устало повалились на покрытый инеем пол.

Проведенная перекличка показала, что группа недосчиталась доброй половины.

– Надеюсь, разработчики не соврали и сознания погибших сейчас находятся в ячейках временного хранения механического пса, – сказала Алор. – Думаю, будет неплохо, если кто-то из нас

станет постоянно присматривать за ним.

– Согласен, – сказал Эбису охрипшим голосом, вспомнил, с чего началась последняя заварушка, и, повернувшись к якудзе, велел впредь держаться подальше от всего, что может представлять опасность. – Это уже не игра, понимаете? – повысил голос толстяк. – «Голод» остался позади. Здесь реальность, – он бросил недобрый взгляд в сторону Рат. – И умирают здесь по-настоящему. По крайней мере, те, кого мы преследуем. Так что сто раз подумайте перед тем, как что-то сделать.

Никто не решился возразить. Возможно, один-два игрока с удовольствием повернули бы назад, но путь к отступлению был отрезан и оставалось двигаться вперед, да и минусовые температуры начинали приближаться к критическим, так что лучше было поспешить.

– Пойдешь в авангарде, чтобы механический пес не попал в ловушку, – распорядился Эбису, обращаясь к копальщику. – Мы не можем позволить себе потерять проводника.

Алор он отрядил приглядывать непосредственно за псом. Сломанная рука Камейна заживала быстро, но в ближайшую пару часов он вряд ли сможет махать своим огромным молотом как пушинкой.

Глава пятнадцатая

Игровая площадка «Мекка». Сарс объединял двухуровневый мир на каждой локации. Отличались лишь подходы и сюжетные линии, чтобы выявить основные реакции людей на внешние раздражители. Позднее Сарс планировал применить эти знания для преобразования жилых комплексов. Он построит для людей новый мир, соответствующий его требованиям и задачам. Человечеству надлежит превратиться в двигающую силу его прогресса. Главное – не допустить ошибок, сохранив людям иллюзию свободы, чтобы они могли трудиться на благо своего тайного электронного хозяина, считая, что делают это ради себя.

Проникнув в базы данных сотен игровых площадок среднего класса, Сарс собрал внушительную базу данных всевозможных вариантов будущего, определив главные направления развития жизни как наиболее приемлемой людьми. Главным критерием здесь был спрос на сюжетные линии – чем больше поклонников, тем желаннее подобное развитие. Гранды типа «Голода», «Фив» и «Мекки» могли диктовать свои права, стимулируя спрос чрезмерной рекламой и проплаченными дебатами аналитиков, где вроде бы главным был спор и сомнения, но в итоге все сводилось к тому, что каждый заинтересованный зритель обязан приобрести ключ игрока и лично выяснить, нравится ему проект или нет. Так что Сарс отбросил грандов, оставив сюжетные линии середнячков, которые в общей массе немногим уступали по количеству пользователей мировым лидерам.

Учитывая запланированное слияние миров матери и энергии, Сарс мог построить для людей любой мир, каким фантастическим он бы ни был, но проведенный анализ показал, что подавляющее большинство игроков предпочитает сюжеты, приближенные к реальности, где технологический бум либо отсутствует, либо сведен к минимуму. Были, конечно, и те, кто выбирал проекты, рассказывающие о далеком будущем и технологиях, не имеющих в базе и намека на реальность, но Сарс отсеивал их так же, как и любителей историй об огнедышащих драконах и заколдованных принцессах.

В конечном итоге лидерами среди сюжетов игровых площадок стали те, что рассказывали о недалеком будущем, когда случится либо новая мировая война, либо очередной апокалипсис. Оба варианта заставляли людей бороться за выживания, совершенствуя науку. В случае войны акцент делался на оружие, в случае апокалипсиса – на технологии бытовой сферы жизни. Изучение истории, проведенное Сарсом,

показало, что люди вообще склонны к техническим прорывам именно в трудные периоды жизни, а благоприятная среда обитания приводит к застою. Подобная тенденция прослеживалась на протяжении всей истории человечества, начиная с диких времен, когда люди только научились добывать огонь. Сарс изучил те периоды благодаря модифицированным сателлитам, способным менять резонансы, выбирая необходимые субслои Подпространства, хранившие истории материального мира.

Подобная технология была давно изучена людьми и стала базой для создания Квазара, но Сарсу потребовалось немало трудов, чтобы освоить принципы, приспособив теории не только к человеческому сознанию, но и к своим сателлитам, чтобы иметь возможность отправлять их в трехмерное время Подпространства, где в бесконечном множестве резонансов сохранились оттиски прошлого материального мира – блеклые картины, которые невозможно ни изменить, ни приукрасить.

Изучая следы минувших эпох, Сарс узнал о северных народах, которые, вынужденные бороться с холодом, научились выделывать шкуры животных, превращая их в одежду, добывать огонь, строить надежные жилища, делать запасы на зиму, в то время как большинство народов теплых стран ограничивалось собирательством и охотой. Дальнейшее изучение жизни людей показало, что человечество начинает развиваться, только когда того требуют обстоятельства. Так что Сарс планировал изменить мир таким образом, чтобы он постоянно стремился к развитию. Будь то война или катаклизмы, но люди должны двигаться, понимая, что застой смерти подобен.

Изучение обстановки в мире людей настоящего показало Сарсу, что необходимые раздражители уже присутствуют в жизни общества, только о них тщательно замалчивают как клирики Всемирной иерархии, так и адепты «Мункара и Накира». Два крупнейших института власти предпочитают скрывать от людей наличие глобальных проблем, боясь недовольства и требований найти варианты решения, относясь к служителям Иерархии и адептам Малика как к покровителям, способным разобраться с любой трудностью. Взвесив все за и против, Сарс пришел к выводу, что замалчивание в подобной ситуации было единственно верным решением. Как адепты, так и клирики ставили главной целью удержать в своих руках власть. Развитие общества и технологий интересовало их меньше всего. При таком раскладе застой идет правителям только на руку, а все силы бросаются на подавление независимых формирований, которые в борьбе за власть предлагают реальные программы решения

накопившихся вопросов. Впрочем, последние, взойдя на престол, как правило, поступают так же, как их предшественники. Хотя в некоторых случаях все заканчивается растущими амбициями, приводящими неизбежно либо к внутренним переворотам, либо к войнам.

Сейчас в мире КвазаРазмерности имелось сразу несколько необходимых для естественного развития общества раздражителей. Первым, разумеется, был Великий ледник. Он запер людей в жилых комплексах, заставляя развивать нейронные сети, изобретать новые источники энергии и строить миры в Подпространстве. Вторым раздражителем было обострение отношений, нараставшее последние поколения между Isistius labialis, Hexactinellida и Galeus longirostris. В основном конфронтации происходили между финансовыми и научными структурами, но размах конфликтов увеличивался от года к году, концентрируясь уже не только в Размерности, но и начиная проникать в Квазар. Пока избегать обострений удавалось благодаря адептам и клирикам, но атмосфера явно накалялась, готовясь достигнуть точки кипения. И крайними, как подсказывал Сарсу проведенный анализ, общество снова выберет существующие институты власти. Поэтому, планируя новый мир, Сарс ни в одном из вариантов не собирался разоблачать перед человечеством свое присутствие.

Он будет править им, оставаясь в тени. Указывать нужное направление чужими руками, а в случае кризисов позволять приводить к иллюзорной власти других угодных ему марионеток. Пусть люди думают, что работают на себя, в действительности каждый из них будет работать на него. Он заставит их шевелиться, усиливая раздражители из года в год. Великий ледник, устаревшие генераторы, войны жилых комплексов, обрушение Квазара, прогорания тонких граней временных мембран…

Сарс не знал, как долго в подобной атмосфере продержится человечество, но проведенные исследования показывали, что люди чрезвычайно адаптивны. К тому же объединение двухуровневой реальности не произойдет за один год. Нужно будет полностью переписать существующие законы физики и понимания жизнеустройства. А потом, возможно, появятся новые горизонты… Сарс не планировал так далеко, ограничивая себя четкими задачами, исключая варианты, когда анализ превращается в гадание на кофейной гуще. Чтобы понять, кем он запланирует стать, объединив двухуровневую реальность, нужно сначала закончить объединение, потому что после этого большинство систем изменится так сильно, что нынешнее

восприятие станет им чуждо. Да и планы собственного переформирования могут кардинально измениться в процессе, столкнувшись с непредвиденными обстоятельствами.

Сейчас Сарс был уверен только в одном – ему нужны люди, чтобы продолжать развитие после того, как он захватил контроль над генератором, способным передавать энергию Подпространства в материальный мир. Без людей он бы не смог построить подобный генератор, следовательно, превратив человечество в коллективный интеллект, работающий на благо своего теневого хозяина, можно достичь небывалых успехов в развитии. Потом, когда люди выполнят свое предназначение, от них можно будет избавиться, если, конечно, они не эволюционируют. О последнем Сарс узнал, наткнувшись на тайные проекты ученых Энрофы, разрабатывающих систему бестерминальных переходов для нейропатов – людей нового вида, ядра личности которых приспособлены к существованию на двух уровнях реальности лучше, чем у других.

В общем, наука людей поражала Сарса вариативностью и глубиной охвата. Теперь оставался вопрос, сможет ли он построить для них такой мир, чтобы они, продолжая созидать, трудились ему на благо.

Взяв за базу мировые войны и экологические катастрофы, Сарс начал эксперименты, разбив «Мекку» на секторы, главной задачей которых было осуществить слияние миров, потому что чем сложнее мир, тем проще вводить людей в заблуждение, манипулируя восприятиями реальности. Несомненно, современные нейронные сети седьмого поколения давали такую возможность, да и Подпространство представалось чистым холстом, где можно создать все что душе угодно, но, по мнению Сарса, двухуровневая реальность изжила себя. Нужно было развивать теории квазацентристов, изучавших временные мембраны, работая над тем, чтобы стереть грань, разделившую миры энергии и материи. И чтобы подобное стало возможным, нужно разрушить прежние понятия двухуровневого мира. Никаких больше разделений. Реальность существует в единственном варианте – и точка.

Конечно, людей нужно подготовить к новым принципам, разработать оптимальную систему перехода. Полный контроль над системами «Мекки» позволил Сарсу, искусственно обострив восприятия игроков, максимально приблизить игровой процесс к реальности. Большинство пользователей с трудом понимали, что происходит, совершенно забыв, где находятся. К тому же многие сюжеты начинались тем, что произошел непредвиденный сбой, после чего игрок должен бороться за выживание, веря,

что все происходит в реальности. Дальше сюжеты разнились. Одни рассказывали о начале новой мировой войны, другие о выходе из строя генераторов, в результате чего бороться с подступающим Великим ледником стало невозможно, третьи сразу бросали игроков в перипетии слияния миров… Но в основном преобладали смешанные сектора, сочетавшие все вышеперечисленные элементы.

* * *

Малак не успевала адаптироваться. Игра началась штормом, затем корабль, на котором она плыла на материк, выбросило на берег. Не успела Малак покинуть потерпевшее крушение судно, как гигантская птица унесла ее в свое гнездо… Но все это было в рамках сюжета и не вызывало ничего, кроме восхищения детализацией и реалистичностью происходящего на игровой площадке. И так было, пока на небе не появились лиловые всполохи света. Малак решила не спешить с выводами, списывая странные эффекты на сбой в программе, а дать разработчикам немного времени – вдруг это часть сюжета. Но времени на обдумывание не было. Да и сюжет изменился так сильно, что у Малак голова пошла кругом.

Она оказалась в ледяной пустыне. С трудом натянула гидрокостюм и добралась до ближайшей перевалочной базы, не особенно понимая, что происходит. Восприятия были обострены до предела и мешали мыслить логически. Единственным желанием было встретиться с людьми, чтобы не быть одной. Но на базе, казалось, разверзся сам ад. Машины вышли из-под контроля и начали убивать людей. Выжившие организовали оборону, захватили оружейный склад и готовились провести контратаку. Малак удалось связаться с ними, но когда она сумела добраться до места их дислокации, то на базе появились десятки пространственных провалов, которые охотились как за вышедшими из-под контроля машинами, так и за людьми, заставляя объединяться перед лицом общего врага.

Большинство подобных союзов образовывалось спонтанно. Так, например, Малак и синергик, идентифицировавший себя как АН13, столкнулись в вентиляционной шахте, когда пытались обойти пространственный провал. Последним, что слышала Малак в переговорном устройстве, были слова уцелевших людей, что нужно покидать базу, уходя дальше к центру Великого ледника, где находится независимый исследовательский центр.

Для этого нужно было пробраться в транспортный отсек и воспользоваться мобильной платформой, чтобы преодолеть внушительное расстояние по ледяной пустыне. Так что когда Малак встретила синергика АН13, то она как раз пыталась решить задачу, как, не попав в пространственный провал, пробраться в транспортный отсек.

Черные дыры появлялись из пустоты и разрастались гигантскими темпами. Тьма в их центре искрилась синими вспышками. Малак видела, как человек, которого она только встретила, попал в такую ловушку. Тело его сначала стало прозрачным, затем внутри вспыхнул синий свет, ослепив Малак. Когда зрение вернулось, то от человека остался только слабый контур из бледно-голубых прожилок. Малак пыталась вступить с ним в контакт, но он либо не слышал ее, либо лишился рассудка после случившегося.

Пространственный провал начал перемещаться, заставляя Малак отступить. Кто был создателем этой аномалии? Люди? Машины? Природа?

Некоторые синергики, игнорируя происходящее, продолжали выполнять установку, предписывающую нападать на людей. Один из них набросился на Малак, когда она почти добралась до транспортного отсека. Люди хотели сбежать с перевалочной базы. Машины – взять базу под полный контроль. Синергик и Малак смотрели друг другу в глаза. За спиной машины находились двери в транспортный отсек.

– Уйди с дороги! – процедила сквозь зубы Малак, не особенно надеясь, что удастся добиться успеха словами. Нет, придется либо бежать, либо сражаться.

Она огляделась, пытаясь отыскать любое пригодное для самозащиты оружие. Синергик тоже огляделся, но ему, в отличие от человека, не нужны были дополнительные инструменты, чтобы выиграть эту схватку. Активировав пневмозажимы, в которые были преобразованы его руки, он начал приближаться к Малак. Она попятилась, не заметив, что за спиной начал зарождаться пространственный провал. Холод обжег тело, впившись тысячами игл. Казалось, что они проникли под кожу, попали в кровь. Боль стала абсолютной. Малак попыталась вскрикнуть, но не смогла издать ни звука. Нет, она понимала, что кричит, но пространство проглатывало слова. Малак буквально чувствовала, как ее голос тонет в густой черноте пространственного пролома, за которым нет ничего, кроме забвения… Или же есть?

Сознание и тело, казалось, стали одним целым. Образ Малак утратил форму, превратившись в сотканный из синих прожилок

силуэт, который, вытягиваясь, последовал за исторгнутым из ее горла криком. Потянулся туда, где кричали десятки других людей… И не только людей… Малак не могла видеть в абсолютной тьме, но она могла поклясться, что чувствует холодные электрические мысли синергиков, угодивших, как и люди, в пространственный провал. Громоздкие и совершенно непонятные вначале, они заполнили сознание Малак, став ее частью, как мгновением раньше объединились ее тело и разум.

В первые моменты человек и биомашины пытались противиться слиянию, но затем мысли и восприятия переплелись, став чем-то новым. Это продолжалось не больше мгновения. Затем Малак покинула зарождавшийся временной провал, но чувство пережитого навсегда оставило глубокий шрам, который зудел так сильно, что провалы перестали ассоциироваться со смертью. Нет, в них было что-то новое, что-то…

Малак заставила себя развернуться и побежала прочь. Бросившийся за ней синергик попытался перескочить через пространственный провал, но аномалия уже окрепла, проглотив биомашину и не собираясь выпускать. Малак услышала раздавшийся за спиной хлопок, но оборачиваться не стала. Заклепка просвистела рядом с ухом, расплющившись о стену. Еще один синергик, выйдя из транспортного отсека, выстрелил дважды. Ни одна из заклепок не достигла цели. Биомашина приблизилась к провалу, но попытаться перепрыгнуть его не осмелилась, видя, что случилось минутой ранее с собратом.

Малак скрылась за поворотом, пересекла еще один коридор и остановилась, переводя дыхание. Прямо перед ней зарождался очередной пространственный провал. Страха не было – скорее любопытство, заставлявшее шагнуть вперед и выяснить, что же происходит внутри аномалии. Малак заставила себя отвернуться и сосредоточиться на поисках путей к спасению.

– Вентиляционные шахты! – догадалась она, ударив себя ладонью по лбу.

Соорудив из подручных средств лестницу, она удалила при помощи резака защитную решетку и неловко забралась в тесную шахту.

Системы вентиляции работали исправно, и разгоряченное тело приятно обдало волной свежего воздуха. Сами шахты были сделаны из тонкого железа, и Малак, передвигаясь на четвереньках, создавала ужасный шум.

– Я прячусь не от биомашин, а от пространственных провалов, которым все равно, кого засасывать в свое темное

царство, и плевать на создаваемый мной шум, – твердила себе Малак, настраиваясь на лучшее.

Еще одной проблемой стало странное расположение вентиляционных шахт, переплетавшихся друг с другом, превращаясь в лабиринт. Голограмма карты, которую то и дело активировала Малак, показывала, где находится транспортный отсек, но не могла проложить конкретный маршрут, предлагая вернуться в коридоры базы.

Разодрав в кровь ладони и колени, Малак составила в голове примерную конфигурацию вентиляционных шахт. Конечно, к тому моменту она сильно заплутала, но теперь добраться до намеченной цели будет проще.

– Главное, чтобы не появилось новых непредвиденных осложнений, – шептала Малак, словно читала мантру.

Преодолев без приключений добрую половину пути, она столкнулась сразу с двумя бедами: синергик, который позднее сообщит, что его зовут АН13, и пространственный провал, засасывающий биомашину. Малак замерла, не в силах оторвать взгляд от глаз синергика, попавшего в ловушку. Глаза, в отличие от большинства других машин, были похожи на человеческие – яркие, зеленые. Малак могла поклясться, что видит в этих глазах страх. Аномалия, затягивавшая синергика, была молодой, но он не мог выбраться самостоятельно.

– Помоги, – просил синергик, протянув к Малак руку.

Она колебалась несколько долгих секунд, вспоминая, что пережила сама, попав недавно в пространственный провал, и не колеблясь схватила биомашину за руку, покрытую синтетической кожей, совершенно неотличимой от человеческой. Синергик был легким, но аномалия крепко вцепилась в него.

– Ну это мы еще посмотрим! – прошипела Малак, начиная отползать.

Разодранные колени оставляли кровавый шлейф, но она не замечала этого. Единственной проблемой была кровоточащая ладонь руки, которой Малак держала синергика. Боль можно было игнорировать, но вот кровь превращалась в смазку, и держать синергика становилось сложнее. «Либо я вытащу его, либо через пару секунд отпущу», – поняла Малак и потянула изо всех сил. Аномалия заискрилась, уступая неистовому напору. Синергик выскользнул из хватки тьмы, пронизанной синими прожилками словно венами. Малак попятилась, тяжело переводя дыхание и ожидая, что будет дальше. Биомашина замерла, меряя спасителя взглядом больших зеленых глаз.

– Ох и глупость же я сделала, – пробормотала Малак,

уже планируя варианты бегства, если синергик попытается напасть на нее, но вместо этого он назвал свое имя. – АН13? – растерянно переспросила она.

– Я создан, чтобы встречать прибывающих на базу ученых и помогать им адаптироваться, поняв основы поведения в местных условиях существования, – произнес синергик. Голосовой модуль его работал исправно, рождая приятный бархатистый баритон.

– Понятно, – протянула Малак и, поколебавшись, назвала свое имя.

– Малак, – повторил синергик. – Тебя нет в списках научной экспедиции, Малак.

– Верно, нет… Но зато… Зато я спасла тебя, – она указала глазами на аномалию за его спиной.

Синергик обернулся, долго смотрел на пульсирующую черноту, затем разродился неожиданным «спасибо».

«Уже что-то», – подумала Малак и спросила синергика, что он делал в вентиляционной шахте.

– Хотел пробраться в транспортный отсек, – сказал он. – Анализ ситуации показал, что это наиболее безопасный способ, но система вентиляционных тоннелей оказалась слишком сложной, а отдельной карты у меня не было, поэтому…

– Я знаю, как пробраться по шахтам в транспортный отсек, – сказала Малак.

– У тебя есть карта?

– У меня есть мозг.

– У меня тоже есть мозг.

– У тебя он в груди, а у меня в голове.

– В груди надежнее.

– Может, и надежнее, но создали синергиков люди. К тому же не забывай, что я сейчас спасла тебя, а не наоборот. Я нужна тебе, а ты нужен мне.

– Не понимаю, зачем я нужен тебе, – признался синергик.

– Единственный свободный путь к транспортной секции вел через шахту, которую преградил пространственный провал, – призналась Малак. – Есть еще один путь, но там установлена решетка, которую мне не снять, а ты… – она опустила глаза, посмотрев на руки биомашины. – Ты ведь только внешне похож на человека, верно?

– Тебя интересует, смогу ли я разрушить преграду? – спросил синергик.

Малак кивнула.

– Нужно проверить на месте.

– Хорошо, – Малак помялась, не решаясь повернуться

к машине спиной, но затем все-таки взяла себя в руки.

Глава шестнадцатая

Измененная Сарсом игровая схема «Мекки» немного спутала планы Думаха и Шамс, хотя они и не готовились к чему-то подобному. Группа Лок-Кли, начавшая сотрудничество с Адриилом, сообщила технической группе все необходимые данные касательно Сарса. Симеон и Мо-Джо лично проконсультировали Думаха и Шамс во время сеанса связи. Вот только… Никто не предполагал, что Сарс вместо поглощения игровой площадки посредством замещения и переформирования основным систем, делая их частью себя, станет преобразовывать «Мекку».

Разрыв защитного поля удалось создать в районе построенных Прай-Ми островов, где должны были проводиться запрещенные законом эксперименты с первыми образцами жидких чипов и нейронных сетей, зарождавшихся в период, взятый за основу при создании «Мекки». Игра начиналась с кораблекрушения, после чего участники попадали на враждебную территорию, кишащую опасными животными, биоэнергетическими роботами и контрабандистами. Думах видел на тестовых запусках шторм, из-за которого корабль с игроками выбрасывает на берег, и завидовал гению Прай-Ми, не только разработавшему, но и реализовавшему столь грандиозную идею. Во время пробных запусков, чтобы не раскрывать всех секретов, было решено распределить часть проектов исключительно между сотрудниками «Мекки», засекретив детали. Думаху достался остров, куда выбрасывает корабль с игроками.

Позднее, обсуждая с Шамс детали вверенной ей, закрытой для простых тестеров локации, они сошлись в убеждении, что Прай-Ми и его брат проделали действительно грандиозную работу, уделив огромное внимание не только мелочам, но и прочувствовав настроения игроков, держа их в постоянном напряжении (а что же будет дальше?), но не перегибая палку запутанностью сюжетных линий.

– Есть, конечно, мелкие нестыковки в виде женщин-инквизиторов в эротических кожаных нарядах, но справедливости ради нужно отметить, что братья хотели исправить эти нюансы, – сказала Шамс, закончив тестирование своей локации.

Думах долго рассказывал ей о детально проработанной флоре и фауне острова, стараясь не думать о том, что на игровой локации материка животных растений еще больше. Он проверил около дюжины видов деревьев, с удивлением отметив, что они не плод воображения Прай-Ми, а реальные копии тех,

что существовали на Земле до наступления Великого ледника.

– А реки – это вообще что-то! – признался Думах. – Никогда не думал, что с помощью нейронных сетей можно добиться подобной реалистичности…

Сейчас, проникая в «Мекку», чтобы вернуть контроль над проектом, он ожидал, что снова окунется в живописный природный мир, но вместо этого его встретила бескрайняя ледяная пустыня, в которую превратил локацию Сарс. Холод иглами впился в кожу. Если зарегистрированным игрокам предлагались термокостюмы и прочие варианты спасения, то для непрошеных гостей места в модернизированном игровом мире не было. Подчиненные Сарсом системы контроля не собирались давать ни одного шанса на спасение.

– Что будем делать? – спросил представитель агентства «Энеида», стуча зубами.

Шамс и Думах переглянулись. Думать нужно было быстро, потому что тела клонов начинали уступать всепроникающему холоду. Без термокостюмов они продержатся максимум четверть часа.

– Считаю, что нам повезло, – неожиданно оживился Думах. – Если системы не видят нас, не включаясь в игровой процесс, то, скорее всего, и защитные системы не сработают.

– Это лишь полбеды, – скривилась Шамс, напоминая о холоде.

– Не забывай, что мы не привязаны к игровой схеме «Мекки», – сказал Думах, начиная отбирать необходимые для задуманного инструменты с магнитной тележки. – Мы как призраки, понимаешь?

– Призраки не чувствуют холод, – скривилась Шамс.

– Зато призраки умеют появляться из пустоты, как это только что сделали мы, – улыбнулся Думах, протянул Шамс дезинтегратор металлов и велел достать из него блок управления.

– Дезинтегратор, вообще-то, понадобится нам, когда доберемся до места прямого подключения к системам контроля, – напомнил Дакоу. – Без него мы не сможем ликвидировать защитный кожух.

– Рад, что ты так хорошо осведомлен о нашей миссии, – сказал Думах, окинув восстановившегося после серьезного ранения представителя агентства «Энеида» хмурым взглядом. – Но если мы сейчас не решим проблему холода, то не сможем добраться до аварийного центра управления «Меккой». Какой нам тогда прок от дезинтегратора? – Он помялся и добавил: – К тому же, если ничего не напутать, то все можно будет собрать заново.

– И все равно я не понимаю, что ты задумал, – призналась Шамс, послушно выполняя просьбу Думаха: снимала замерзающими пальцами защитные кожухи с дезинтегратора. Работа была мелкой, и она понимала, что через пару минут руки замерзнут так сильно, что она не справится с задачей.

– Ты слишком долго работала с проектами Подпространства! – натянуто рассмеялся карлик в теле гиганта-клона, стараясь не стучать зубами. – Мир энергии пластичен и многогранен, а здесь, в Размерности, все просто и монументально, – он говорил, копаясь в громоздком преобразователе нейронных полей, позволившем пройти сквозь нейронный барьер из ремонтных полостей на территорию «Мекки». – Материальный мир имеет каркас, базу, на которой благодаря нейронным сетям строится современный мир. По такому же принципу собираются игровые площадки… – Думах прервался, взял у Шамс блок управления дезинтегратором и начал подключать его к раскуроченному преобразователю. – Чтобы покинуть «Голод», нам потребовалось пройти сквозь защитный барьер станции общественного транспорта и оказаться в пневмотоннелях. Для проникновения на территорию «Мекки» пришлось взламывать основные защитные системы, но суть осталась той же – игровой мир не ограничивается размерами игровой площадки, как это обычно бывает в Подпространстве. Если отключить нейронные сети, то мы не вывалимся из системы, а просто перестанем видеть созданные разработчиками образы и не сможем взаимодействовать с силовыми полями. Это правило применительно как к Размерности, так и к любой игровой площадке… Мы использовали этот принцип, чтобы проникнуть сюда…

– Так ты хочешь отключить нейронные сети игровой локации? – недоверчиво спросил якудза.

– Всего лишь снизить восприятия и потоки кинетической энергии, поступающие на жидкие чипы, интегрированные нашим игровым клонам, – пояснил Думах. – Отключение нейронных сетей требует непосредственного контакта с генератором, до которого мы не успеем добраться. К тому же подобное вызовет защитную реакцию адаптивных алгоритмов. А если мы поставим фильтр на наши жидкие чипы, снизив воздействие процентов на семьдесят, то это поможет нам не выпасть из системы, но и не подчиняться большинству установленных правил.

– Стать призраками, – улыбнулась Шамс.

– Что-то типа того, – кивнул Думах и, не дожидаясь согласия, активировал свое изобретение.

Белая ледяная пустыня вздрогнула. Волна искажений

прокатилась по небу, растаяв за горизонтом. Четкость смазалась. Мир начал таять, превращаясь в туманную дымку, за которой отчетливо проступали элементы созданного для игровой площадки каркаса. Оптический обман держался дольше других нейронных систем восприятия, но затем не устоял и он, превратив высокое синее небо в строительный каркас, нависший в паре метров над головой. Среди переплетенных между собой стропил и балок сохранились блеклые синие переливы, напоминавшие клубы не то пара, не то дыма. Нечто подобное произошло и со льдом под ногами. Иллюзия вековых льдов рухнула, открыв взгляду площадку, усеянную искусственными неровностями, созданными из арматуры. Когда здесь были образы, то они выполняли роль камней, бугров, поваленных деревьев. Теперь Сарс построил образ локации так, чтобы эти неровности вписались в ландшафт ледяной пустыни.

Что касается холода, то эффект, как и ожидал Думах, начал уступать место естественной температуре на игровой площадке – неблагоприятной для жизни, но и не обещавшей смерть в ближайшие пятнадцать минут.

– Как себя чувствуете? – спросил Думах.

Смерил оценивающим взглядом Дакоу, затем Шамс.

– Кажется, все в норме, – сказал представитель агентства «Энеида».

– Я старался не перейти барьер, за которым отключатся системы контроля жизнеобеспечения, выполняемые жидким чипом, – заметил Думах, объясняя оставшиеся призрачные образы игровой площадки. – Но если кто-то почувствует, что организм работает как-то не так, то сразу говорите – я исключу его на время из системы подавления нейронных сетей и попытаюсь установить другие параметры фильтрации.

– Что ты понимаешь под словами «организм работает как-то не так»? – решил уточнить Дакоу.

– Головокружение, тошнота, повышенное потоотделение… – Думах нахмурился. – Обычно большинство процессов, происходящих в организме, контролирует жидкий чип, благодаря чему нам не нужно принимать пищу и заботиться о выводе отходов из организма. Мы не потеем, не плачем… Даже многие эмоции, являющиеся катализатором химических процессов в организме, находятся под контролем наночипов, перерабатывающих все, что можно, в кинетическую энергию, снижая тем самым нагрузку на нейронные сети. Процент от общего потребления, конечно, невелик, обычно это десятая часть от необходимой для существования в современном мире энергии, но сейчас работа наших чипов нарушена,

так что неизвестно, как отреагирует организм на подобные изменения. В лучшем случае мы просто начнем потеть и, возможно, испытывать чувство голода. В худшем – доступные ресурсы будут распределяться неправильно, образуя зоны избыточного поступления наряду с преобладающими участками, где начнется катастрофическая нехватка необходимой для жизни энергии.

– Звучит скверно, – признался Дакоу.

– Будем надеяться, что этого не случится. – Думах активировал голограмму карты, определив маршрут к аварийному центру управления «Меккой».

* * *

– Дьявольский колотун, – проворчал Эбису, выбравшись следом за Думахом и Шамс на территорию игровой площадки «Мекка».

Электрический пес, взявший след беглецов, исправно справлялся с задачей всю дорогу по ремонтным полостям и обледенелым, заброшенным кварталам, но в «Мекке», переключившись на нейронный интерфейс восприятия, вдруг остановился, не получая нужных сведений ни с одного доступного датчика. Беглецы скрылись, перехитрили машину. Электрический пес закончил анализ, признал фиаско и направил сообщение о неудаче на основные системы управления. С задержкой в пару минут, потребовавшейся на обработку и перенаправление от одного сателлита к другому, информация стала доступна Сарсу. Следующие несколько минут ушли на то, чтобы перенастроить работы электрического пса, научив сканировать местность в широком диапазоне, затрагивая не только игровые локации, но и строительный каркас, лежащий в основе нейронных образов.

Вариантов бегства Думаха и Шамс было не так много, но Сарс не мог использовать весь потенциал защитного комплекса «Мекка», не вызвав абсцессов, так как некоторые функции пришлось блокировать, чтобы они не конфликтовали с его сателлитами. Оставалось анализировать и пытаться привести полученные результаты к общему знаменателю, объясняющему, каким образом интервентам удалось избежать глубокой интеграции в систему. В конце концов Сарсу, не активируя основные защитные системы «Мекки», удалось вычислить по незначительным сбоям в работе нейронных сетей след нарушителей. Электронный пес получил новые указания

и протоколы поведения. Все было готово к тому, чтобы возобновить погоню, вот только…

От электрического пса пришел новый отчет, сообщавший о снижении жизненных показателей группы Эбису. Они замерзали и могли продержаться без дополнительных средств защиты от холода максимум минут десять. Рискуя потерять контроль над сектором, Сарс выявил ближайших от группы Эбису игроков, подменив основные алгоритмы интеграции в систему. Теперь вне игры стали бедолаги, волею судьбы оказавшиеся поблизости, а Эбису и его люди получили официальный статус игроков. Защитные протоколы предупредили о некритической ошибке, связанной с необъяснимой сменой местоположения, но все-таки приняли отклонение, подстроив системы к новым координатам, перенаправив к Эбису амуницию выброшенных Сарсом из системы настоящих игроков, обрекая тех на гибель.

– Быстрее, одевайте это! – закричал Эбису, увидев появившиеся термокостюмы, созданные нейронными образами, правда о последнем знал только Сарс. Это было его маленькое новшество – крошечный шаг на пути к слиянию миров, когда материя и энергия станут неразличимы.

– Кажется, о нас еще не забыли, – проворчал Камейн, облачившись в термокостюм.

Группа по-прежнему считала, что работает на разработчиков «Голода», преследуя нарушителей. Никто из них не признавался, но подобный факт льстил каждому – конечно, они заключили договор с разработчиками случайно, просто оказавшись в нужное время в нужном месте, но ведь теперь они уже не игроманы, а служащие игровой площадки. Кто из них мечтал о подобном? А кто думал, что работа на игровой проект окажется такой увлекательной?

– Ладно, пора браться за дело, – сказал Эбису на правах лидера. – Мы почти достали нарушителей. Давайте не будем разочаровывать тех, кто обратился к нам за помощью.

Он активировал функцию быстрого бега в термокостюме и последовал за сорвавшимся с места электрическим псом.

* * *

Прибыв на координаты, где находился аварийный центр управления «Меккой», Думах и Шамс обнаружили вместо запланированной Прай-Ми фабрики по производству незаконных нейронных модуляторов перевалочную базу, созданную по аналогу тех, что были построены в реальности для изучения

затянутого льдами мира вне жилых комплексов.

– И как нам пробраться внутрь? – спросил нанятый присматривать за инженерами представитель агентства «Энеида».

Сенсоры, работоспособность которых выручала в «Голоде», были бесполезны на территории «Мекки».

– Предлагаю осмотреться и найти вход, – сказала Шамс. – В подобных местах разработчики обычно всегда делают скрытые проходы.

– Во-первых, это делал Сарс, а не разработчики, – уточнил Думах. – А во-вторых, на кой черт я установил фильтр на принимаемые нашими жидкими чипами нейронные потоки? Мы ведь призраки… – он подошел к стене перевалочной базы и прикоснулся к ней. Пальцы прошли сквозь ставшую дымкой поверхность.

– Думаешь, сработает? – недоверчиво спросил Дакоу. – Одно дело – блокировать искусственное понижение температуры вокруг, а уже совсем другое… – Якудза уставился на руку Думаха, которую он мгновение назад погружал в стену.

– У тебя есть другой план? – скривился карлик в теле клона-гиганта. Не получил ответа и, презрительно хмыкнув, первым прошел сквозь стену.

Созданный нейронной сетью образ распался, поглотив Думаха. Шамс и Дакоу выждали около минуты и растерянно переглянулись.

– Если бы все прошло нормально, то он, наверное, вернулся бы и сказал нам об этом, да? – спросил якудза.

– Ты плохо его знаешь, – скривилась Шамс.

– Тогда как мы поймем, получилось у него или нет?

– Никак, – она широко улыбнулась и сделала шаг вперед.

Соприкосновение со стеной заставило непроизвольно вздрогнуть. Дыхание перехватило. Кожу пронзили тысячи крохотных игл. Что-то инородное разорвало сознание, заставляя забыть обо всем. Шамс всплеснула руками и замерла. Если бы с другой стороны стены Думах не схватил ее за руку, втягивая внутрь, то она так и осталась бы стоять.

– И все-таки ты слишком долго работала с игровыми проектами Подпространства, – проворчал он. – Никакого представления о моделях поведения в играх типа «Голод».

– Хватит умничать, – буркнула Шамс.

Стена за ее спиной вздрогнула, поглощая вошедшего в ее призрачную плоть представителя агентства «Энеида», с которым произошло то же, что минутой ранее заставило Шамс остановиться.

– Хитрость в том, чтобы сосредоточиться на движении

и не останавливаться, – ухмыльнулся Думах, разглядывая руку Дакоу, которую он вытянул в надежде на спасение.

– Может, вытащишь его? – начала злиться Шамс, вспоминая, насколько некомфортно чувствовала себя, когда находилась в подобной ловушке.

– А оно нам надо? – спросил Думах, напоминая о разногласиях с подставным главой «Мекки» по имени Адриил. – Мы ведь думали, что представители агентства «Энеида» работают на него, и ломали головы, как избавиться от них. Что ж – можно сказать, Сарс нам немного помог. Теперь остался только этот, – он кивнул в сторону руки якудзы, выступающей из стены. – Другого шанса избавиться от него может не быть.

– Так ты специально затеял проход через стену?

– Нет. Мысль пришла уже в процессе, но сути это не меняет. Мы почти добрались до аварийного центра управления «Меккой». Дакоу нам больше не нужен. Справимся и без него. Сейчас я вернусь за магнитной тележкой с необходимым инвентарем, и мы закончим миссию.

– А если Дакоу не имеет к заговору Адриила никакого отношения? – прищурилась Шамс. – Хочешь убить невинного человека?

– А если он воткнет нам нож в спины, когда мы вернем Адриилу контроль над «Меккой»? К тому же он ведь не умрет, а просто вернется с другими пользователями в игровой терминал.

– Не забывай, что у нас поменялись планы, – сказала Шамс, напоминая о последнем сеансе связи и договоре, заключенном Адриилом с Лок-Кли. – Думаю, ситуация давно изменилась, и наши мелкие разногласия не имеют сейчас значения. Возможно, даже «Мекка» не имеет значения, если в КвазаРазмерности действительно появился вирус, способный разрушить мир…

– Адриил мог врать.

– Подключив для этого Лок-Кли? – Шамс натянуто рассмеялась. – Скандальный монополист не стал бы мараться ради этого. К тому же Сарс реален, если судить по новым указаниям, которые мы получили для ликвидации последствий его атаки на «Мекку». Или ты хочешь сказать, что Адриил создал и Сарса, чтобы завоевать наше доверие и усыпить бдительность?

– Поступай как знаешь, – сдался Думах, бросив недобрый взгляд на руку агента, торчащую из стены. – Я пошел за инвентарем.

Выйдя наружу, он выждал пару минут, обдумывая возможность предать Шамс, закончив миссию в одиночку, но ничего вразумительного касательно того, как реализовать подобный план, придумать не смог. Оставалось надеяться,

что Шамс прислушается и не станет спасать попавшего в ловушку Дакоу. Тихо выругавшись, Думах толкнул магнитную тележку к стене, но вместо того, чтобы пройти сквозь нейронный образ, тележка вздрогнула и замерла.

– Вот ведь, – буркнул Думах, собирая упавший инвентарь.

Попытки перенастроить параметры самодельного фильтра не принесли успеха – тележка отказывалась проходить сквозь стену. Преобразователь нейронных полей создавал барьер вокруг тел игроков, к жидким чипам которых получил прямой доступ, но не мог взаимодействовать с такими громоздкими предметами, как тележка.

– Ладно, попробуем перенести инвентарь в руках, – сказал Думах, надеясь, что если преобразователь распространяется на оружие, то сможет создать защитный барьер и вокруг необходимых запчастей, которые будут находиться в руках подключенного человека.

Выбрав самый крупный предмет, Думах попробовал пройти сквозь стену. Безуспешно. «Может, что-то сломалось?» – подумал он, но когда попытался пройти сквозь стену без громоздкого генератора, то препятствие перед ним расступилось, пропуская на территорию базы.

– Где магнитная тележка? – спросила Шамс.

– С тележкой вышла загвоздка, – признался Думах, отметив, что Шамс прислушалась к его совету и не стала освобождать представителя агентства «Энеида». – Нужно искать другой вход и…. – он тяжело вздохнул. – Придется освободить Дакоу… Ты вернешься наружу и доставишь тележку к главному входу, который мы видели, когда шли сюда. Я и якудза позаботимся о том, чтобы открыть тебе ворота.

– Почему с тележкой должна остаться я?

– Думаешь, на базе будет безопаснее?

– Нет, просто… – Шамс покосилась на руку Дакоу. – Не очень хочется снова проходить сквозь стену, – призналась она.

– Во второй раз это не так страшно, как в первый, – пообещал Думах, но слова его оказались ложью.

Шамс показалось, что новый проход сквозь стену принес еще больше дискомфорта, чем прежний. В прошлый раз она не знала, чего ей ждать, а сейчас… Стараясь игнорировать боль, Шамс сосредоточилась на том, чтобы сделать шаг вперед, выбравшись из ловушки.

– Будь карлик неладен со своими изобретениями, – проворчала она, наконец-то оказавшись за пределами базы.

Взявшись за ручки магнитной тележки, она направилась к главным воротам, надеясь, что новых сюрпризов не ожидается,

но не успела преодолеть и треть маршрута, как столкнулась практически нос к носу с группой Эбису, сильно поредевшей после столкновения с синергиками в заброшенных районах. Каким-то чудом Шамс, пользуясь тем, что Думах превратил ее в призрака для игровой площадки, успела спрятаться, пройдя сквозь стену. Электрический пес, возглавлявший процессию, завертелся на месте, не понимая, что происходит.

– Странно, – проворчал Эбису, подходя к груженой магнитной тележке.

Электрический пес подбежал к монолитной стене базы и начал скрестись лапами, пытаясь пробраться внутрь.

– Кажется, у железяки что-то замкнуло, – хмуро буркнул Камейн, перебрасывая огромный молот из одной руки в другую.

Полученные прежде ранения почти затянулись, и он чувствовал себя здоровым и готовым к новой схватке. Главное – не попасть в ловушку. Вот магнитная тележка, например, выглядела весьма странно, особенно если учесть, что похожая тележка была у беглецов. Что если они оставили тележку в качестве приманки, а сами спрятались где-то поблизости? Камейн внимательно огляделся, но возможных вариантов, где можно спрятаться, не нашел. Значит, причина в чем-то другом… Или же… Взгляд зацепился за скрытое решеткой вентиляционное отверстие на высоте в два человеческих роста.

– Эй! – позвал Камейн Эбису, указывая взглядом на обнаруженное отверстие.

Электрический пес продолжал скрестись лапами о стену. Алор и Хирако предусмотрительно обнажили оружие, готовые к схватке.

– Только держитесь подальше от тележки, – сказал Эбису. – Вдруг она заминирована.

Разумеется, он ошибался. У Шамс не было времени, чтобы подготовить нечто подобное, да и уничтожать инструменты, необходимые для подключения к аварийному центру управления «Меккой», не имело никакого смысла. В принципе сейчас Эбису и его группа могли взорвать магнитную тележку с инвентарем на ней и завершить миссию. Не нужно было даже преследовать Думаха и Шамс, но они не знали о важности найденного оборудования: заняли круговую оборону и думали, что сюжет будет развиваться в соответствии с установленными правилами боя. Пускай локации «Голода» остались далеко за спиной – Эбису и его друзья все еще были игроками. На это и надеялась Шамс, оставляя магнитную тележку без присмотра. В открытом бою у нее не было бы шансов против них. Одно дело, когда она столкнулась с группой Эбису в «Голоде». Тогда у нее было

преимущество в нейронном оружии и в улучшениях в виде дополнительных модулей, работающих только на территории «Голода». Здесь же они были на равных, если не учитывать, что у Эбису было численное преимущество. Так что требовался какой-то план. Конечно, способность проходить сквозь стены могла сыграть на руку, но это сработает лишь однажды, дав возможность разделаться с одним-двумя противниками, а как потом быть с остальными?

Шамс еще ломала голову, придумывая варианты ведения боя, когда услышала звук приближающихся шагов.

Пройдя сквозь стену, она оказалась в вентиляционной шахте, круто уходившей вверх, к защищенному энергетическим полем выходу за пределы базы. Два других ответвления шахты, изгибаясь, вели куда-то вглубь базы. Именно оттуда и раздавались шаги. Вернее, не шаги, а звуки движения, потому что, учитывая высоту шахты, передвигаться по ней можно было исключительно на четвереньках.

«Только каких-нибудь защитных механизмов базы мне не хватало», – подумала Шамс, готовясь к бою.

Если бы она увидела первым синергика, с которым объединилась Малак, планируя пробраться в разгрузочный сектор и захватить транспорт, на котором можно будет сбежать с базы, то, не раздумывая, нажала бы на курок, прострелив ему грудь, но вид человека смутил, заставив сначала задать пару вопросов.

– Я Малак, – представилась девушка, за которой прятался синергик. – А он… – девушка обернулась, бросив взгляд на биомашину. – Он говорит, что его зовут АН13, но я называю его просто Тринадцатый.

– Понятно, – Шамс все еще держала чужаков на прицеле.

– Пожалуйста, не убивай нас, – взмолилась Малак. – Я не знаю, что происходит здесь, но мы не должны воевать друг с другом. – Она снова бросила короткий взгляд на синергика. – Кажется, даже машины понимают это, так что…

– Ты думаешь, что это реальность? – неожиданно догадалась Шамс.

Малак вздрогнула, нахмурилась.

– Я…

– Что ты помнишь последним перед тем, как оказалась на этой базе?

– Шторм.

– Шторм в «Мекке»?

– Да.

– То есть ты помнишь, как приобретала ключи игрока

и начинала игру?

Малак кивнула, нахмурилась сильнее.

– Только сейчас мне кажется, что это уже не игра, – осторожно сказала она.

– Это все еще игра, поверь мне, – небрежно бросила Шамс, убирая оружие.

Она представилась, сказав, что входит в первый круг разработчиков «Мекки», а на площадке оказалась после того, как они потеряли контроль над игрушкой.

– Недавно с нами связались, сообщив, что главной причиной сбоя является вирус под названием Сарс. Чтобы уничтожить его, нужно внедрить в основные системы Сарса созданного трояна, который заставит его действовать по запланированной схеме, загоняя себя в угол. Но для этого я и мои люди должны добраться до аварийного центра управления «Меккой», который находится на этой базе… Хотя до того, как Сарс изменил игровой процесс, здесь находился завод по производству незаконных нейронных модуляторов…

– Завод? Кажется, я видела его, когда только попала сюда… – Малак растерянно уставилась на новую знакомую. – Так я все еще нахожусь в игре?

– Да.

– Это не апокалипсис?

Шамс качнула головой, заставив Малак шумно выдохнуть, хотя недоверие, продиктованное обостренными схемами восприятия, осталось.

– Думаю, Сарс хочет, чтобы вы верили, что происходящие с вами реально, – пояснила Шамс, начиная видеть плюсы этой случайной встречи. – Скажи, ты видела многих погибших игроков?

– Все, кого я видела, погибли.

– Но не одно сознание не вернулось из игры в свое тело, оставленное в терминале.

– Хочешь сказать, что мы здесь застряли? – насторожилась Малак, для которой игра снова начала превращаться в реальность.

– Хочу сказать, что ты должна помочь мне, – открыла карты Шамс, рассказав о преследовавшей их группе Эбису. – Если не вернуть инвентарь, необходимый для подключения к аварийному центру управления «Меккой», то мы все застрянем здесь, а Сарс, вероятно, поглотит следом за игровыми проектами и жилые комплексы… Во время короткого сеанса я не очень поняла принципы его распространения, лишь то, что это очень серьезно.

– И как я могу помочь тебе? – осторожно спросила Малак.

– Мы должны объединиться и уничтожить группу Эбису.

– Но ведь они обычные игроки.

– Их послал за нами Сарс, выдав себя за разработчиков «Голода». Так что они считают нас преступниками. – Шамс рассказала, как погибли другие ученые из ее группы. – Сомневаюсь, что с Эбису и его людьми можно вступить в переговоры, – закончила она.

Малак обдумывала услышанное несколько секунд, затем, чувствуя, как игровой процесс снова начинает подчинять восприятия, спешно спросила, какой у них план, надеясь, что это поможет сохранить связь с реальностью.

– Одна из воздушных шахт ведет за стены фабрики, – сказала Шамс. – Я дам тебе огнестрельное оружие. Думаю, Эбису ждет нападения именно оттуда, поэтому первым пойдет твой синергик… – она покосилась на биомашину, называвшую себя АН13. – Он примет на себя главный огонь. Учитывая, что грудь, где находится мозг, у него защищена, то полученный урон будет минимальным, и при удачном раскладе он сможет вступить в рукопашную схватку с кем-то из людей Эбису… – Шамс посмотрела на синергика, советуя выбрать в качестве противника светловолосую девушку по имени Алор, левую щеку которой рассекал уродливый шрам. – Она менее всего приспособлена к ближнему бою. Якудзу и хиляка с перекачанными руками избегай как огня. У одного есть наномеч, с которым тебе не совладать, а у другого огромный молот. – Она снова сосредоточилась на Малак. – Когда выберешься наружу следом за Тринадцатым, сосредоточься на том, чтобы привлечь к себе внимание якудзы и хиляка с молотом. Стреляй только в них, не позволяя приближаться к синергику.

– Понятно… – Малак озадаченно прикусила губу. – Вот только… Не лучше ли тебе будет идти второй? – спросила она. – Я ведь менее приспособлена к ведению боя. Будет логичнее, если…

– Меня не будет с вами, – оборвала ее на полуслове Шамс.

– Ты не будешь сражаться с Эбису?

– Буду, но появлюсь не из вентиляционного люка.

– Тогда как… – Малак растерянно открыла рот, увидев, как новая знакомая прикоснулась к стене шахты, и ее рука прошла сквозь превратившуюся в дымку поверхность, бывшую мгновение назад монолитной. – В магнитной тележке находится механизм, который устанавливает ряд фильтров на принимаемые моим жидким чипом нейронные сигналы. Так что я, считай, почти призрак, который может проходить сквозь стены.

– Эбису и его люди об этом, конечно, не знают? – спросила Малак.

Шамс кивнула.

– Выходит… Выходит, ты хочешь превратить меня и Тринадцатого в приманку, чтобы, пока Эбису пытается разделаться с нами, напасть на него со спины?

– Да. В идеале это должно быть именно так.

– Не очень хочется принимать на себя главный удар, – шмыгнула носом Малак, для которой игра снова начала превращаться в реальность.

– У тебя есть план лучше?

– Можно пробраться в разгрузочный отсек, захватить транспорт и сбежать.

– Куда сбежать? Это игра. Соберись! – начала терять терпение Шамс, хотя и понимала, что протоколы восприятия Малак искусственно обострены до предела, что мешает мыслить здраво. – В «Голоде» обострение восприятий тоже используется во время экстренных ситуаций, чтобы создать временный эффект погружения, усложнив игроку решение поставленной задачи. Чтобы справиться с этим, используют транквилизаторы. – Она открыла аптечку и протянула Малак шприц. – Вот. Возьми. Моя экипировка создавалась в «Голоде», но, думаю, транквилизаторы будут действовать и здесь.

– Если выберусь отсюда, ноги моей больше не будет на игровых площадках, – проворчала Малак, делая себе инъекцию.

Шамс подсадила сначала ее, затем синергика, помогая забраться по уходящему вверх вентиляционному каналу, и замерла, ожидая, когда за стенами базы начнется бой.

Глава семнадцатая

С неба падал редкий снег. Лучи заходящего солнца отражались от ледяных кристаллов, слепя глаза. Эбису не двигался, сосредоточенно наблюдая за вентиляционным отверстием. Если бы не электрический пес, продолжавший скрестись лапами о стену базы, то тишина была бы абсолютной. Ее разбавляло бы разве что тихое потрескивание вековой мерзлоты, сковавшей созданный Сарсом игровой мир.

«А может быть, и нет никакой ловушки?» – подумал Камейн, бросив короткий взгляд на Алор, пытаясь угадать по выражению ее лица, о чем она сейчас думает. Блондинка с уродливым шрамом на левой щеке почувствовала пристальный взгляд и медленно повернула голову, встретившись взглядом с другом.

– Что думаешь? – спросил одними губами Камейн, потому что Эбису велел соблюдать молчание.

Здоровый глаз блондинки, похожей некогда на кукольную принцессу, прищурился, пытаясь разобрать, о чем спрашивает друг. Другой глаз, пострадавший во время ранения, слепо пялился в пустоту перед собой, сверкая уродливым бельмом.

– Может, зря ждем? – задал новый беззвучный вопрос Камейн.

На этот раз Алор уловила суть и пожала плечами.

«Вот и я не знаю», – подумал Камейн, сдерживая тяжелый вздох. Он еще смотрел на блондинку, когда боковое зрение уловило какое-то движение в области вентиляционного отверстия. Синергик, называвший себя АН13, разрушив энергетический барьер, выбрался наружу. Перевернувшись в воздухе, биомашина приземлилась на землю с грациозностью кошки и тут же устремилась к Алор. Выстрелить успели только Рат и Эбису. Выпущенный толстяком из арбалета болт пробил синергику голову, но для биомашины это было незначительным повреждением, особенно учитывая, что снаряд не повредил зрительные системы.

– Вот ведь! – опешила Алор, не ожидая, что окажется главной целью атаки.

Выхватив нож, она провела несколько выпадов, но нанести серьезных повреждений биомашине не смогла, тогда как сама получила пару сокрушительных ударов, один из которых пришелся в голову, затянув мир кровавой пеленой.

Вскинув молот, Камейн собрался прийти на помощь к Алор, но из вентиляционного отверстия появилась Малак, открыв стрельбу из огнестрельного оружия. Атака оказалась удачной: серьезные ранения получил Эбису, а копальщик и Рат были убиты

точными попаданиями в голову. Магнитное ружье выпало из рук Рат. Якудза отразил пули благодаря наномечу и замер, ожидая, что случится дальше. Малак прицелилась в Камейна, заставляя его упасть на землю. Синергик тем временем продолжал теснить Алор к стене базы. Она уже с трудом понимала, что происходит, но продолжала защищаться, изредка нанося ответные удары ножом. Сталь вспарывала синтетическую кожу синергика, но ни одна из ран не была хоть сколько-нибудь опасной.

Тело игрового клона Рат продолжало конвульсивно вздрагивать. Под головой по синему льду расползалось пятно темной, густой крови. Магнитное ружье, выпав из рук, лежало рядом. К нему полз Эбису. Отхаркивая кровь, он сыпал проклятиями, ругая себя за то, что подставился под пулю. Добравшись до ружья, он обнаружил, что энергии осталось на один выстрел. Нужно было выбирать между синергиком и девушкой с огнестрельным оружием. Эбису выбрал последнюю, решив, что с биомашиной Хирако и Камейн смогут расправиться с помощью своего оружия. Главное – ликвидировать источник шквального огня, не позволявшего головы поднять, не то что прийти на помощь к Алор. Он прицелился и уже готов был нажать на спуск, когда появился третий противник.

Шамс прошла сквозь стену словно призрак, оказавшись за спиной якудзы. Хирако следил за Малак, стрелявшей достаточно метко, чтобы думать об атаке, и не заметил появления нового противника. Шамс воткнула ему в спину нож, заставив Эбису вздрогнуть, увидев, как острие вышло из груди игрового клона якудзы. Заметила происходящее и Малак: сначала взгляд зацепился за упавшего на колени якудзу, затем за Эбису, целившегося в нее из магнитного ружья. Толстяк мог успеть выстрелить первым, но появление Шамс отвлекло его слишком сильно. Малак нажала на курок, выпустив в него короткую очередь. Первые две пули просвистели рядом с головой, третья попала в горло, а четвертая пробила грудь, образовав выходное отверстие диаметром с кулак взрослого мужчины. Игровой клон толстяка погиб мгновенно. Повалившись вперед, он подмял под себя магнитное ружье.

«Хорошая стрельба», – отметила про себя Шамс, но не успела она это сделать, как электрический пес набросился на нее со спины, сбив с ног. Стальные зубы сомкнулись перед лицом. Каким-то чудом Шамс удалось удержать железную машину на расстоянии. Малак выстрелила трижды. Две пули попали в цель, лязгнули, отлетая от металлического черепа, заставив девушку выругаться. Выругалась и Шамс, понимая, что не сможет долго сдерживать электрического пса.

Воспользовавшись передышкой, Камейн поднялся на ноги и, размахивая над головой молотом, побежал к синергику. Он надеялся, что успеет спасти Алор, но опоздал на какие-то секунды. Биомашина нанесла блондинке сокрушительный удар в голову, заставив опустить руки, а затем пробила грудную клетку, вырвав сердца.

Спасая синергика, Малак расстреляла по Камейну оставшиеся в обойме патроны, но смогла лишь ранить его в плечо.

Кровь из груди Алор хлестала фонтаном, заливая биомашину, сжимавшую в руке тело игрового клона. Пару секунд сознание Алор оставалось в теле клона, затем жизнь оставила оболочку.

Камейн видел, как блондинка падает на колени. Припорошенный снегом лед вокруг нее розовеет от крови.

– Обернись! – закричала Малак синергику, не зная, как еще помочь биомашине.

Молот Камейна описал в воздухе дугу и опустился на залитого кровью убийцу Алор. От удара синергика сплющило, казалось, вдвое, но Камейн не собирался останавливаться. Он крушил биомашину до тех пор, пока от нее не осталось месиво из механизмов и синтетической плоти. Затем вспомнил о Малак, обернулся, но девушки не было там, откуда она вела стрельбу минуту назад.

Расстреляв имевшиеся патроны, она бросилась к Эбису, пытаясь сдвинуть неподъемную тушу, чтобы добраться до магнитного ружья. Рядом продолжали кататься по льду Шамс и электрический пес. Малак планировала уничтожить выстрелом из ружья железного пса, после чего Шамс должна была сразиться с Камейном, но последний разделался с синергиком слишком быстро, и, когда Малак наконец-то добралась до ружья, стрелять ей пришлось в хиляка с накачанными руками и огромным молотом, с которого все еще капали жидкости расплющенного синергика.

Разбираться в настройках магнитного ружья не было времени, поэтому Малак просто прицелилась и выстрелила в ближайшего противника. Импульс преобразовал молот Камейна, превратив в ливень смертоносных осколков. Если бы он додумался выбросить молот чуть раньше, то, возможно, смог бы уцелеть, разделавшись с Малак голыми руками, но так его собственное оружие выступило на стороне противника, преобразованное выстрелом из магнитного ружья. Стальной ливень превратил в кровавое месиво среднюю часть туловища Камейна. Уцелели плечи, левая рука, ноги и голова, рухнув в общую кучу бесформенной массой искалеченной плоти.

Информационная система магнитного ружья пиликнула,

предупреждая Малак, что зарядов больше нет, а энергия для минимального по мощности выстрела сможет восстановиться в течение следующего часа. Отбросив ставшее бесполезным оружие, она сняла с пояса мертвого толстяка гравитационную дубинку и атаковала электрического пса, успев ударить его трижды, прежде чем он отмахнулся от нее лапой, отбросив к стене. От удара мир вздрогнул и погрузился во мрак. На обледеневшей поверхности стены, там, где с ней соприкоснулся череп, остался кровавый след.

Шамс видела, как медленно оседает Малак. Жива девушка или нет, не имело значения. Главное, что сейчас она была выведена из игры, а это значит, что помощи больше ждать неоткуда. Оставалось надеяться только на себя. Шамс попыталась дотянуться до связки гранат на поясе, но не смогла, да и не было от них пользы, разве что взорвать себя вместе с электрическим псом, но это означало бы провал миссии. Кто доставит тележку с инвентарем к главным воротам, когда их откроет Думах? Значит… «Что же мне делать, черт возьми?» – лихорадочно соображала Шамс, стараясь не замечать лязгающие перед лицом железные зубы пса.

Взгляд зацепился за наномеч якудзы, который он выронил перед смертью. Это оружие давно стало легендой, и о нем слышали все, кто имел отношение к игровым площадкам. Разработчики «Голода» сделали хитрый ход, ограничив возможность использования наномечей представителями кланов якудза. Никто другой не мог получить это грозное оружие ближнего боя. Но и внутри кланов не все было так просто. Меч считался личным оружием и детонировал, если оказывался в руке чужака. Обычно взрыв был несильным – он отрывал глупцу руку. Разработчики пошли на этот ход, чтобы заставлять игроков тратить время и деньги, добывая себе личное оружие, а не получать его в схватках, которые, как правило, в подобных случаях редко бывают честными. Все это служило ореолом забытых традиций, окутывавших кланы якудза до того, как произошло обрушение игровой площадки.

– Плохая это идея, – проворчала Шамс, протягивая левую руку к наномечу.

Она не знала, как быстро произойдет взрыв, но надеялась, что у нее будет одна-две секунды, чтобы поразить эклектического пса. Рукой, разумеется, придется пожертвовать. «Что ж, рука лучше, чем лицо», – безрадостно подумала Шамс, схватила наномеч и вонзила острие псу под ребра, успев потянуть вверх, чтобы наверняка разрушить важные для нормального функционирования системы, после чего последовал взрыв. Боль

обожгла левую руку… Вернее, не руку, а уже обрубок, заканчивавшийся чуть ниже локтя, из которого хлестала кровь. Попадая в открытую рану электрического пса, увеличенную взрывом, кровь вызывала множественные замыкания, в результате чего внутренние механизмы машины раскалялись докрасна.

С трудом переводя дыхание, Шамс просунула в пышущую жаром полость обрубок руки, надеясь, что это остановит кровотечение. Новая боль вспыхнула россыпью звезд. Шамс закричала, здоровой рукой пытаясь сбросить с себя электрического пса. Сейчас его вес показался намного меньше, чем прежде. Боль активировала скрытые возможности организма, придавая сил. Шамс отшвырнула обездвиженную груду железа в сторону и тихо заскулила.

– Как же больно! – прошептала она, но плотно стиснутые зубы скрипели громче.

Встав на четвереньки, она на трех конечностях поползла к Малак, надеясь, что девушка не погибла. Боль от искалеченной левой руки волнами поднималась к плечу, скапливалась там, а затем взрывалась, прокатываясь по всему телу, достигая даже пальцев на ногах. Обычно в таких ситуациях тела игровых клонов блокировали боль, но фильтры, установленные Думахом на жидкий чип, кажется, заблокировали эту способность. Реальность была смазанной. Шамс чувствовала, что балансирует на грани обморока, каким-то чудом заставляя себя оставаться в сознании.

– Эй! Очнись! Слышишь! – захрипела она, добравшись до Малак.

Девушка медленно открыла глаза. Шамс шумно выдохнула. Лицо ее было бледным. По лбу катились крупные капли пота. Глаза налиты кровью.

– Что случилось? – испугалась Малак, затем вспомнила сражение и улыбнулась, понимая, что если они обе живы, значит победа осталась за ними. – Ты все-таки прикончила железного пса! – она заметила уродливый обрубок, в который превратилась левая рука Шамс, и громко ахнула. – Очень больно?

– Терпимо, – отмахнулась Шамс, тщетно пытаясь подняться на ноги. – Нам нужно доставить тележку к главным воротам. Без тебя мне этого не сделать… – она застонала, ткнувшись обрубком руки в лед после очередной неудачной попытки подняться. Попыталась сдержать крик, но не смогла.

Рана пульсировала, а вместе с ней пульсировало сознание, готовое взорваться, повергнув хозяйку в безумие.

– Что мне делать? – спросила Малак.

Она смогла подняться, но на ногах держалась с трудом.

– Отруби это чертово устройство! – прохрипела Шамс, указывая на конструкцию Думаха, превращавшую ее в призрака.

В игрушках боль обязана притупляться. Конечно, отключившись от системы фильтров, она не сможет больше проходить сквозь стены и будет замерзать, но термокостюм можно снять с одного из людей Эбису, так что…

– Чего стоишь? – заорала Шамс на Малак, указывая здоровой рукой на устройство. – Только… – она заставила себя собраться. – Только постарайся не повредить детали. Они нужны для подключения к аварийному центру «Мекки», так что просто разъедини их… – новая волна боли прокатилась по телу, заставив Шамс грязно выругаться, но уже через пару секунд, когда Малак сделала то, что от нее требовали, жидкий чип заблокировал работу нервных окончаний поврежденной руки, позволив перевести дыхание.

* * *

Думах практически не сомневался, что, освободив попавшего в ловушку представителя агентства «Энеида», пожалеет об этом, но без Дакоу пробиться в разгрузочный сектор не представлялось возможным. Во-первых, дорогу им преграждали строительные автоматы – примитивные машины, но их было много, к тому же ими управлял общий адаптивный алгоритм, заставляя действовать слаженно. Во-вторых, по коридорам базы сновали синергики – биоэлектронные роботы, имевшие, в отличие от строительных автоматов, собственный мозг, состоявший наполовину из органики, наполовину из микросхем. С ними нужно было держаться настороже, особенно с модифицированными моделями, способными нанести существенный урон. И наконец, в-третьих, дорогу к аварийному центру управления «Меккой» преграждали пространственные провалы, ставшие настоящим проклятьем, как для машин, так и для обычных игроков. Сгустки тьмы перемещались по территории базы, искрясь чернотой, готовые сожрать любую форму жизни, любой интеллект или адаптивный алгоритм.

– Может, придумаешь какую-нибудь защиту от них? – спросил Дакоу после того, как Думах вытащил его из стены, в которой он застрял, пытаясь пройти сквозь нее благодаря устройству, способному фильтровать данные, получаемые жидким чипом, снижая воздействие нейронных сетей.

Сейчас, когда Шамс ушла, доставляя к главным воротам магнитную тележку с инвентарем и созданным Думахом

фильтром, способности игнорировать нейронные образы нарушились.

Пространственный провал встретился сразу, как только Думах и представитель агентства «Энеида» покинули прилегавшее к внешней стене помещение, в котором оказались, пройдя сквозь стену. Черная точка зародилась в центре дверного проема, быстро увеличилась, став размером с кулак. Думах и Дакоу успели пройти под ней, выскользнув в коридор. Пространственный провал продолжал расти, перевиваясь чернотой и энергетическими всплесками.

– Как думаешь, что это? – спросил Дакоу.

– Откуда я знаю? – отмахнулся Думах.

– Разве ты не принимал участия в создании этой игровой площадки?

– Это уже не «Мекка». Сарс меняет правила, образы, игровые легенды. Считай, что это его проект. Так что я понятия не имею, по какому принципу действуют пространственные провалы, – проворчал карлик в теле клона-гиганта, но, когда они наткнулись на следующий пространственный провал, пожертвовал пару датчиков, изучая показания внутри созданного из черноты препятствия. – Не знаю, как Сарсу удалось это, но провалы, кажется, соединяют двухуровневую реальность, как это делают сейчас терминалы переходов.

Дакоу спросил, нельзя ли придумать защиту от провалов, получил отрицательный ответ и начал изучать доступную карту, чтобы проложить новый маршрут в разгрузочный сектор. Часть отправленных на изучение базы сенсоров пропала, но почти все они успели передать сигнал, проложить маршрут к главным воротам. Но заблокированным оказался практически каждый коридор. Пространственные провалы двигались так, словно охотились за непрошеными гостями. И если с синергиками и строительными автоматами, встречавшимися на пути, Дакоу и Думах могли справиться, то с провалами врукопашную было не совладать. Оставалось вычислить, какими сенсорами пользуются провалы, преследуя своих жертв, и создать обманку, отвлекая их внимание.

– Сделай одолжение – не убивай следующего синергика, – сказал Думах, когда Дакоу раскромсал биоэнергетическую машину на части.

Вычислив, что пространственные провалы функционируют на двух уровнях реальности, Думах не смог не заметить, что нападают они только на людей и синергиков. Строительные автоматы и прочие моторизованные железяки, управляемые адаптивными алгоритмами, гибнут в провалах, как правило,

случайно, становясь расходным материалом.

– Думаю, все дело в биоэлектронном мозге синергиков, – сказал Думах, объясняя, зачем им нужно пленить эту машину. – Сарс, планируя слияние миров, очевидно, решил провести на игровой площадке предварительную репетицию. Не знаю, как работает его сознание, но похоже, он не видит большой разницы между человеком и синергиком. Поэтому за последними охотятся пространственные провалы. А что общего у нас и биоэлектронной машины?

– Мозг? – растерялся Дакоу.

Думах широко улыбнулся, объясняя, что у него есть идея попробовать преобразовать сигнал биоэлектронного мозга синергика, вызвав помехи, которые будут препятствовать работе систем обнаружения и без которых провалы не смогут двигаться целенаправленно.

– Иными словами, они просто перестанут нас видеть, – закончил Думах объяснения.

Идея понравилась Дакоу, и они, сменив тактику, прекратили попытки пробраться к главным воротам, начав поиски синергика.

Первая встретившаяся им биомашина оказалась настолько неуступчивой, что, учитывая ее модификации, превращавшие руки в вибропилы, оказалось проще прикончить ее, нежели пленить. Со вторым синергиком им повезло больше, но не успел Думах вскрыть ему грудь, добравшись до мозга, как появились строительные автоматы. Дакоу насчитал пять машин, причем каждая из них передвигалась по-разному: одна использовала для этого гусеницы, вторая множество тонких конечностей, напоминая паука, третья парила в воздухе, рождая вокруг себя воздушные завихрения, четвертая, пользуясь магнитными захватами, ползла по потолку, а пятая за счет антигравитационных двигателей вообще могла пренебрегать законами притяжения. Именно на ней и сосредоточил все внимание Дакоу, решив, что это главный противник.

Кроме антигравитационных двигателей строительный автомат был оснащен энергетическими резаками, образующими сложный механизм для прокладки тоннелей в ледяных скалах. Сейчас эти жернова намеревались перемолоть чужаков.

– Боюсь, с одним наномечом я не смогу противостоять этому железному монстру! – крикнул Дакоу, заставляя Думаха работать быстрее.

Карлик в теле клона-гиганта обернулся, бросил короткий взгляд на жуткую машину и тут же потерял к ней интерес, сказав, что это всего лишь созданный нейронными сетями образ.

– Хочешь сказать, что он не причинит нам вреда? –

недоверчиво скривился Дакоу.

– Причинит. У нас ведь нет больше нейронных фильтров.

– Тогда зачем ты говоришь мне о том, что он создан благодаря нейронным сетям?

– Затем, что бороться с ним нужно не так, как с обычной железякой. – Бросив работу, Думах активировал сенсоры энергетических полей, ища недостатки функционирования нейронных образов.

В «Голоде» подобных недочетов было много, правда находились они в недоступных местах, к тому же разработчики постоянно следили, чтобы игроки не создавали оборудование, способное определить места стыков, где сходились образы, созданные разными нейронными генераторами. В реальности слияние было оптическим обманом, потому что созданные разными генераторами сети отказывались взаимодействовать без дополнительных преобразователей, да и то это было осуществимо в рамках небольшого временного отрезка. Учитывая размеры перевалочной базы, здесь, по беглым подсчетам Думаха, должно было работать от трех до семи нейронных генераторов – значит, стыков будет, как минимум, в три-пять раз больше.

– Нам туда! – закричал он, когда сенсоры закончили анализ.

Взвалив тело синергика на плечи, Думах пошел первым, на всякий случай взяв в свободную руку гравитационную дубинку, переведенную на максимальный уровень нанесения урона, – одно из немногих оружий «Голода», если не считать наномеч, продолжавшее функционировать после смены игровых площадок. Дакоу шел следом, отбиваясь от нападений строительных автоматов. Насколько ему удалось определить, нейронным образом был только тот, что имел антигравитационный двигатель, – остальные были настоящими. Представитель агентства «Энеида» сумел разделаться с паукообразным строительным автоматом и серьезно повредить машину с магнитными захватами, когда гусеничный автомат выпустил гарпун, попавший якудзе в плечо, затем дал задний ход и потащил загарпуненного противника под энергетические лопасти созданной нейронными образами машины.

– Думах! – заорал Дакоу, прося помощи.

Карлик в теле клона-гиганта обернулся, наблюдал несколько секунд за происходящим, понимая, что во второй раз получил возможность избавиться от потенциального врага в лице представителя агентства «Энеида», работающего на Адриила, вышибив его с игровой площадки, но затем решил, что помощь якудзы ему пригодится. Если не вернуть контроль над «Меккой», то противостояние с Адриилом потеряет смысл, так что…

Продолжая придерживать одной рукой синергика на плечах, Думах метнул гравитационную дубинку в гусеницу строительного автомата. Бросок оказался точным, и машина закрутилась на месте, ослабив натяжение троса, позволяя Дакоу избавиться от гарпуна.

– Дубинку мне верни, – велел ему Думах, считая, что полученное якудзой ранение не угрожает жизни игрового клона.

Дакоу выругался и, зажимая кровоточащую рану свободной рукой, начал пробираться к гусеничному строительному автомату. Машина с магнитными захватами попыталась атаковать его, спикировав с потолка, но якудза был готов к этому, разрубив ее наномечом надвое. Гусеничный автомат не представлял больше угрозы, поэтому он решил не тратить на него время: подобрал гравитационную дубинку и отступил к Думаху, вернув ему оружие.

– Спасибо, – сухо бросил он карлику в теле клона-гиганта. – Ты спас меня второй раз.

– Я знаю, – Думах хмуро улыбнулся. – Постарайся не забыть об этом, когда мы выполним миссию.

– Что это значит?

– Если ты не работаешь на Адриила, то ничего не значит, а если работаешь, то… – он замолчал, увидев искомый стык нейронных полей, созданный различными генераторами.

Теперь нужно было заманить сюда строительный автомат с антигравитационным двигателем и спровоцировать небольшую перегрузку.

Думах указал на стене, выглядевшей монолитной, линию стыка образов.

– Обычно стык имеет толщину сантиметров двадцать, так что, когда строительный автомат будет находиться максимально близко к тебе, ударь рукой в стену так сильно, как только сможешь. Наши жидкие чипы сейчас подключены к системе, так что, думаю, все получится. Начнется перегрузка конфликтующих нейронных полей разных генераторов. У тебя будет секунды две, чтобы отскочить на безопасное расстояние.

Бросив на пол тело синергика, Думах вернулся к работе. Добравшись до биоэлектронного мозга, он не без труда подключился к нему, перенастраивая связи, чтобы получить доступ к инженерному меню и усилить сигнал, превратив в помеху, способную сбить с толку пространственные провалы. Бой за спиной отвлекал, но после того, как в коридоре, куда можно было отступить в случае чего, появился пространственный провал, Думах с головой ушел в работу, понимая, что выживание

сейчас зависит от четкого выполнения поставленных задач: Дакоу должен уничтожить строительный автомат с антигравитационным двигателем, а он – «ослепить» пространственные провалы, создав помехи, модифицировав биоэлектронный мозг синергика.

Дакоу обернулся, увидел пространственный провал и выругался.

– Все нормально, продолжай придерживаться первоначального плана, – крикнул ему Думах, не отрываясь от работы.

Якудза увернулся от вибропилы и уничтожил еще одну машину, пневмодвигатели которой выбросили струю воздуха под таким напором, что, попав в находившегося рядом собрата, она опрокинула его навзничь, чем не преминул воспользоваться Дакоу, оставшись один на один с механизмом, созданным нейронной сетью, хотя выглядел он вполне реальным. «Если карлик ошибся, то мне хана», – подумал представитель агентства «Энеида», за мгновение до того, как, подпустив машину с антигравитационным двигателем, ударил кулаком в линию стыка нейронных сетей.

Боль обожгла руку, как это было, когда они проходили сквозь стену. Монолитная поверхность уступила, позволяя кулаку пробить нейронный образ. На пару секунд сбой заставил образы стен всколыхнуться, затем строительный автомат атаковал Дакоу, но он уже отскочил назад. Оставленная его кулаком дыра разверзлась, нарушая работу протоколов, необходимых для формирования образов. Сбой затронул не только стены, но и пол, потолок. Под его воздействие попал и строительный автомат. Его образ начал меняться, затем неожиданно сжался и исчез, ослепив глаза яркой вспышкой. Происходящее заняло не больше двух-трех секунд, после чего все снова нормализовалось. Система перезагрузилась, вернув образы к первоначальному значению.

– Почему не вернулся строительный автомат? – спросил Дакоу.

– Вернулся, но только там, где появился впервые, – сказал Думах, проводя последние настройки.

Извлекать мозг и системы питания было некогда, поэтому оставалось тащить тело синергика с собой. Взвалив его на плечи, Думах осторожно приблизился к разросшемуся пространственному провалу.

– Держись рядом со мной, – посоветовал он Дакоу.

– А если твоя система не сработает и провал почувствует нас и проглотит?

– Сейчас узнаем, – Думах хмуро улыбнулся и, прижавшись к стене, начал протискиваться мимо искрящейся тьмы.

Пространственный провал не среагировал на чужаков.

– Кажется, получилось, – недоверчиво произнес якудза.

Они миновали еще три пульсирующих тьмой ловушки, прежде чем Сарс получил информацию о гибели группы Эбису, отправленной им на перехват Думаха и Шамс, и отдал приказ сателлиту, отвечавшему за игровой сектор, где находилась перевалочная база, обнаружить и уничтожить нарушителей любыми средствами. Так что, когда Думах и Дакоу добрались до разгрузочного сектора, впустив Шамс и Малак, на них готовы были наброситься все находившиеся на базе машины.

– Хорошо, еще Сарс не научился менять системный код налету, создавая для нас новых врагов с помощью нейронных сетей, – сказал Думах, отражая накатывавшиеся волнами атаки строительных автоматов.

Ворота, которые он и Дакоу открыли, чтобы Шамс и Малак смогли пройти на базу вместе с магнитной тележкой, груженной необходимым инвентарем, оставались открытыми – они умышленно сломали системы управления, отвлекая внимание адаптивных алгоритмов на ремонт неисправности. Ход оказался верным, направив к воротам группу ремонтных синергиков, сражение с которыми могло существенно задержать продвижение к аварийному центру управления «Меккой», расположенному в гостевом зале, находившемся, если верить голографической карте, недалеко от разгрузочного сектора.

Положив синергика на магнитную тележку, Думах смог освободиться от ноши, приняв полноценное участие в сражениях с машинами. Раны Шамс начинали восстанавливаться, и она, если не считать потерянной руки, сражалась почти на равных с Думахом и Дакоу. За магнитную тележку отвечала самая слабая из них – Малак.

В основном им везло, потому что адаптивные алгоритмы, подчинявшиеся сателлиту Сарса, делали основной акцент на пространственные провалы, охотившиеся за чужаками, не понимая, что беглецы научились обманывать их. К тому же, согласно игровой установке, провалы поглощали не только игроков, но и синергиков, что существенно уменьшало число противников. Но провалов становилось слишком много. Модифицировав биоэлектронный мозг поверженного синергика, Думах «ослепил» их, лишив возможности видеть сигналы живых существ, точно определяя их местоположение, но пространственные провалы, скорректировав свои действия, начали стягиваться к эпицентрам сражений.

– Держите их подальше от центра управления «Меккой», – крикнул Думах, когда они добрались до гостевого зала. – Постарайтесь отвлечь их от меня, устроив сражение в другой части помещения.

Он вручил Малак почти все оружие, что у него было, и отправил помогать Дакоу и Шамс. Девушка поначалу пыталась отказаться, не желая лезть в гущу битвы, но затем услышала, что только так можно покинуть игру, и нехотя оставила относительно безопасную часть гостевого зала.

– Тебе нечего бояться. Если твой игровой клон погибнет, то ты просто застрянешь во временном буфере, пока мы не вернем контроль над игрушкой, – заверила ее Шамс.

– А если вам не удастся вернуть контроль? – спросила Малак, уклоняясь от стального щупальца строительного автомата, нацеленного ей в грудь.

– Тогда, если верить Лок-Кли, Сарс поглотит не только игровые площадки, но и жилые комплексы. – Шамс бросила импульсную гранату в коридор, где появилась группа гусеничных машин. От громыхнувшего взрыва заложило уши. – Как по мне, так лучше проиграть, пытаясь, чем забиться в угол и сдаться, – прокричала она.

Малак призналась, что ничего не слышит, указывая на уши, из которых текла кровь. Паукообразный строительный автомат, используя магнитные зажимы, подкрался к ним и обрушился с потолка, пригвоздив Малак к полу. Острые конечности проткнули ей правое плечо и левую ногу. Зажатой в левой руке гравитационной дубинкой она нанесла машине около дюжины ударов, превратив большую часть механизмов в кашу.

– Помоги мне встать! – попросила Малак, хотя Шамс думала, что девушка уже мертва.

– Прикрой нас! – крикнула Шамс якудзе, наномеч которого оказался лучшим оружием в ближнем бою. Конечно, сказывались еще максимальные навыки владения мечом, полученные при формировании игрового клона, но…

– А ты неплохо держишься, – похвалила Шамс, сбросив с Малак искореженную груду железа, бывшую минуту назад паукообразным строительным автоматом.

Она помогла ей подняться и, учитывая, что у девушки была серьезно ранена нога, поставила за своей спиной, велев прикрывать тыл. Малак не возражала. Впрочем, машины начинали их брать в кольцо, так что сражаться нужно было везде. Спасали «ослепленные» пространственные провалы, сновавшие по просторному гостевому залу голодными хищниками. Малак видела, как они поглотили группу синергиков, разорвав

смыкающееся кольцо нападавших, позволив выскользнуть в образовавшуюся брешь, меняя дислокацию, заставляя тем самым строительные автоматы ждать новых указаний главного адаптивного алгоритма.

– Долго еще ты собираешься там копаться? – заорала Шамс, обращаясь к Думаху.

– Еще пару минут! – крикнул карлик в теле клона-гиганта.

Он уже смог деактивировать защиту аварийного центра управления «Меккой» и теперь пытался подключиться к основному интерфейсу. Короткого взгляда на гущу сражения хватило, чтобы понять – время не на его стороне, но торопиться было нельзя. Одно неверное действие – и сгорят необходимые для подключения модуляторы, и времени, чтобы достать новые, у них точно уже не будет. Так что на вторую попытку нечего и надеяться.

Выпущенная одним из строительных автоматов заклепка оцарапала Думаху шею, заставив вздрогнуть, в результате чего он едва не выронил блок подключения, где хранились переданные Лок-Кли данные, содержащие трояна, необходимого для уничтожения Сарса. Деталей Думах не знал, но и беглого изучения информационных протоколов хватило для того, чтобы понять – троян нужен, чтобы заманить Сарса в более серьезную ловушку.

– Никогда бы не подумал, что доверю свою жизнь Лок-Кли, – проворчал Думах, ловя себя на мысли, что, несмотря на личную неприязнь к монополисту и его банде, рад, что приходится работать с ним.

Какой бы дурной репутацией ни пользовался Лок-Кли, под его началом были собраны высококлассные специалисты, способные решить практически любую задачу. Так что если Лок-Кли взялся за Сарса, то, скорее всего, он знает, что делает. Вопрос лишь в том, зачем ему спасать «Мекку». «Или Сарс действительно настолько опасен, что может поглотить следом за игровыми площадками жилые комплексы?» – задался вопросом Думах, стараясь отвлечься от сражения и время от времени пролетавших в опасной близости строительных заклепок, используемых обычно для соединения деталей, а сейчас превращенных машинами в смертоносные снаряды. «И если Лок-Кли обратился напрямую к Адриилу, значит он действует в обход клириков Института всемирной иерархии, – продолжил ломать голову Думах. – Для «Мекки» подобный союз не сулит ничего хорошего, но разве у нас есть выбор? Пусть Адриил мой враг, но, надо признать, он неглуп, так что…»

Думах закончил подключение и активировал передачу

данных. Он не мог знать, что происходит в реальности и каковы планы Лок-Кли, но инстинктивно чувствовал, что назревает нечто масштабное. Атмосфера перемен давно вибрировала в неспокойной атмосфере КвазаРазмерности. Ледник прогрессировал, генераторы устарели и не могли обеспечивать мир необходимым количеством энергии, независимые ученые и торговцы формировали группы и альянсы, желая выйти из-под гнета клириков, гегемония которых трещала по швам, готовая рухнуть в любой момент…

Все, кто занимал руководящие должности, понимали, что современный мир превратился в колосса на глиняных ногах и хватит одного серьезного удара, чтобы обрушить прогнившую систему. Только мало кто из тех, кто был способен на подобное, хотел, чтобы это случилось, потому что альтернативы Институту всемирной иерархии не было.

Думах не знал, но именно от успеха его действий зависело, каким путем будет развиваться мир в ближайшие годы. Клирики, со своей вечной осторожностью, упустили предложение Лок-Кли объединиться для борьбы с Сарсом, положив начало формированию нового союза, в котором приняли участие скандальный финансист (официально это не признавалось, но Лок-Кли, вероятно, был одним из самых богатых и влиятельных людей КвазаРазмерности), Демир, крупный арендодатель жилого комплекса Isistius labialis (о том, что он курировал проект создания альтернативных генераторов, знали только избранные), и Адриил, руководивший «Меккой», пока ее истинные владельцы выжимали последние соки из устаревших игровых площадок «Голода» и «Фив».

Клирики удерживали власть в своих руках только потому, что обладали монополией на владение и разработки генераторов холода, обеспечивающих мир КвазаРазмерности необходимой для существования энергией. Если появятся альтернативные источники питания, то это послужит сигналом для всех, кто хотел отделиться, что настало время действовать…

– Нужно продержаться еще две минуты! – закричал Думах, поднимаясь на ноги, чтобы защитить передатчик от нападений синергиков и строительных автоматов, которых набилось в гостевой зал столько, что за ними невозможно было разглядеть их противников.

Думах не знал, живы Малак, Шамс и Дакоу, но, судя по тому, что кто-то в дальней части зала продолжал сражаться, не все было так плохо. По крайней мере, карлик в теле клона-гиганта хотел верить в это.

Сняв с пояса связку гранат, он активировал их, бросив

в самую гущу новой волны машин, появившейся из коридора. Одновременно с этим в другой стороне зала взорвался наномеч якудзы. Сопротивление захлебнулось. В наступившей тишине был слышен лишь лязг железных конечностей строительных автоматов да шипения пневмоприводов.

Думах замер, косясь на таймер передачи данных, показывавший, что до окончания процедуры загрузки осталось пятнадцать секунд.

Разделавшись с Малак, Шамс и Дакоу, машины перегруппировались, готовые атаковать последнего противника.

«Надеюсь, Лок-Кли не облажается и Адриилу удастся вернуть контроль над «Меккой», вытащив нас из этой свихнувшейся игрушки», – мысленно проворчал Думах и, не дожидаясь, когда синергики и строительные автоматы нападут на него, атаковал их первым.

Глава восемнадцатая

Последним ярким воспоминанием Думаха, перед тем как его сознание, покинув игровую площадку, вернулось в оставленное в капсуле терминала тело, стал невысокий робот-уборщик, подкравшийся к его ногам, пока он сражался с его более крупными собратьями. Активировав вакуумные утилизаторы, робот-уборщик начал всасывать в себя сначала ноги Думаха, а затем, не прошло и десяти секунд, добрался до туловища. Самым мерзким было то, что тело игрового клона отчаянно отказывалось умирать. Не то чтобы Думах не готовился погибнуть в схватке с машинами, но мучиться перед смертью точно не входило в его планы.

Потом наконец-то боль отступила и сознание окунулось в спасительную пустоту. Думах не знал, сколько времени провел в пограничном состоянии, прежде чем сбой удалось устранить и он вернулся в свое тело, да это было и не главным.

– Что с «Меккой»? – спросил он сразу, как только выбрался из капсулы терминала.

– Не понимаю, о чем вы, – сказала улыбчивая девушка, в обязанности которой входило встречать вернувшихся с площадки игроков.

Карлик наградил ее гневным взглядом, но тут же взял себя в руки, понимая, что для нее это просто работа. К тому же она, скорее всего, понятия не имеет о том, что Сарс мог поглотить игровую площадку, если бы они не остановили его… Думах замер, растерянно оглядываясь. «Ведь остановили?» – нервно подумал он, вспоминая свой последний бой с синергиками и строительными автоматами. Передача трояна, который требовалось загрузить в основные системы «Мекки», чтобы заманить Сарса в ловушку, была полностью завершена. «Свою часть работы мы сделали», – подумал карлик. – К тому же если бы Сарс не был уничтожен, то я не смог бы вернуться… – Он замер, ужаснувшись мелькнувшей мысли: – А что если это еще одна иллюзия? Что если Сарс просто изменил игровую локацию, как это было с другими игроками, когда рухнули защитные протоколы «Мекки»? Как я могу убедиться, что выбрался из игры?»

– Вас что-то беспокоит? – заботливо поинтересовалась улыбчивая служащая игрового терминала.

– Нужно завязывать с играми, – проворчал карлик.

Девушка театрально озадачилась и предложила ответить на ряд вопросов касательно покинутой игровой площадки.

– Это поможет разработчикам выявить недостатки и улучшить игровой процесс в будущем, – начала она, но Думах оборвал ее на полуслове, сказав, что он сам является одним из разработчиков.

– Со мной была женщина… Чуть старше вас, – карлик оглядывался, пытаясь отыскать Шамс взглядом.

Когда они отправлялись на игровую площадку, чтобы добраться до аварийного центра управления «Меккой», то действовать приходилось в спешке. Время работало против них. Так что теперь многое из воспоминаний о том периоде было как в тумане. Думах помнил, что пришел в терминал вместе с Шамс, но из головы совершенно вылетело, какую капсулу она заняла. Где-то рядом, но вот где именно…

– Пожалуйста, помогите мне, – попросил он работницу терминала. – Мы должны были покинуть игру примерно в одно время.

– Вообще-то это не по правилам, но… – девушка закусила губу, наконец-то признав в карлике одного из главных разработчиков «Голода».

Проверив отчеты, она определила индекс капсулы Шамс и растерянно сообщила, что женщина покинула терминал днем ранее.

– Как это? – опешил Думах.

– Я не знаю, – хлопнула глазами девушка, продолжая машинально улыбаться, отчего начинала сильно смахивать на синергика. – Вчера была не моя смена, так что…

– Ладно, разберемся, – буркнул карлик, направляясь к выходу.

Он планировал связаться с Адриилом и напрямую спросить, почему его держали в терминале на сутки дольше, чем Шамс? Внизу живота появился неприятный озноб – параноидальная теория, что Адриил в борьбе за управление «Меккой» сумел каким-то образом переманить на свою сторону Шамс. «Почему бы и нет?» – начал спорить с самим собой Думах, приводя в качестве главного довода попытки Адриила подчинить Прай-Ми – создателя «Мекки». Адриил угрожал его семье, шантажировал, привлекал к разборкам адептов террористической организации «Мункара и Накира». Беда была в том, что Прай-Ми оказался слишком упрямым и непредсказуемым, умудряясь каждый раз выпутываться из, казалось бы, тупиковых ситуаций. Но как бы повела себя Шамс, окажись она на его месте?

«И еще этот союз с Лок-Кли!» – окончательно запутался Думах, понимая, что за время его отсутствия могло измениться очень многое. Если в дело вступил скандальный монополист,

то ничем хорошим это не пахнет. «И о каком именно союзе говорил Адриил во время короткого сеанса связи, когда мы получили инструкции о Сарсе и способах его устранения?» – напрягал извилины Думах, понимая, что ему срочно нужно избавиться от информационных провалов. В таких делах осведомленность – залог успеха. Полагаться на удачу – означает проявлять халатность. А халатность…

Он вышел за двери терминала и замер, инстинктивно чувствуя беду, словно обостренные восприятия игрового персонажа каким-то странным образом вернулись в настоящее тело вместе с сознанием. Не хватало только гравитационной дубинки, ставшей верным другом на игровой площадке.

– Превращаюсь в свихнувшегося игромана, – сказал себе Думах, однако предчувствие недоброго не ушло, а скорее, наоборот, усилилось.

Карлик с трудом заставил себя сделать шаг вперед, ожидая любой атаки. Но атаки не было. Он сделал еще несколько шагов и только потом понял, что его насторожило – нейронные сети, которые по возвращении с игровой площадки начинали забрасывать игрока информационными и рекламными блоками, молчали. Думах попытался подключиться к личным архивным данным, чтобы проверить интересовавшие его новости, но эта функция оказалась недоступной.

«Во что же я вляпался на этот раз?» – подумал карлик, навскидку вспоминая, что подобная блокировка социальных функций нейронной сети обычно используется хранителями при задержании опасных преступников. «Или независимыми силовиками, у которых есть лицензия применять подобную технологию», – тут же подметил он, возвращаясь мыслями к сговору Адриила с представителями агентства «Энеида». Один из них до последнего оставался с ним на игровой площадке, помогая загрузить трояна.

– Говорил же я, что они не на нашей стороне, – тихо сказал Думах, пытаясь решить, что ему делать.

Но прежде чем он нашел ответ, пришло послание по нейронной сети, пробившись через внешние блоки.

«БЕГИ».

– Бежать? – карлик растерянно вертел головой.

«БЕГИ! БЕГИ! БЕГИ!»

Послание превратилось в спам. Думах заметил появившихся силовиков и метнулся за угол терминала, надеясь, что его не увидели. Послания с приказом бежать продолжали приходить, и он не мог заблокировать их – и к лучшему, потому что вскоре начали появляться другие указания, помогая ему выбрать верный

маршрут, чтобы избавиться от преследователей.

Карлик запыхался, остановился перевести дух и едва не поплатился за это жизнью – преследователи открыли огонь из огнестрельного оружия. Пара пуль просвистела в опасной близости, пробила нейронные образы и, лязгнув, срикошетила от стен, причем одна из пуль снова чуть не попала в Думаха. «Это точно не хранители Института всемирной иерархии», – подумал он, продолжая бег, следуя указаниям приходящих сообщений.

Кем был его тайный спаситель? Какие цели преследовал? На кого работал?

Думах получил указание спуститься в заброшенный утилизационный канал и без раздумий нырнул в образовавшуюся в нейронных образах брешь. Тоннель был крохотным. Думах едва мог передвигаться в нем, но он был генетической ошибкой, карликом. Нормальному человеку нечего было и думать протиснуться здесь.

– Хороший ход, – похвалил Думах отправителя тайных посланий, когда избавился от погони, оказавшись в утилизационном мусороприемнике канувшей в небытие эпохи, когда нейронные сети только начинали развиваться и человечество нуждалось в переработке большинства продуктов своей жизнедеятельности.

Сейчас все было автоматизировано с целью извлечения необходимой энергии для выживания в условиях сковавшего планету ледника. Даже потоотделение и прочие химико-биологические процессы в организме человека контролировались интегрированными от рождения жидкими чипами…

– И как мне теперь выбраться отсюда? – спросил Думах, не сумев отыскать другого выхода, кроме того, по которому пришел.

Неизвестный доброжелатель прислал по нейронной сети информационный протокол, содержащий украденный из старой базы данных образ работы утилизационного мусороприемника, предлагая схему, как активировать его.

– Ты спятил? – опешил Думах. – Хочешь, чтобы меня перемололо здесь?

Ответа не последовало. Связь, скорее всего, работала в одностороннем порядке.

– Вот ведь… – Думах изучил доступные в информационном протоколе сведения о работе мусороприемника, но не нашел ничего утешительного для себя. Если он проделает то, что требует от него тайный доброжелатель, то старая система сотрет его в порошок.

«Верь мне», – пришло новое послание, словно отправитель предвидел сомнения ведомого.

– Вот еще! – фыркнул карлик. – Отсижусь здесь пару часов, затем выберусь тем же путем, каким пришел…

Он услышал скрежет из тоннеля и почти сразу получил сообщение, показывавшее, что преследователи отправили за ним механического охотника. Машина напомнила ему уменьшенный вариант паукообразного строительного автомата, коими кишела территория модифицированной Сарсом игровой площадки, заставляя снова усомниться в реальности происходящего. Нет, с одной стороны, будучи разработчиком, он, конечно, хорошо разбирался в тонкостях игровых площадок и мог легко отличить реальность от искусственно построенного мира, но кто знает, как далеко ушел в своем развитии Сарс? Что если он разработал новую технологию или…

«Ты хочешь умереть здесь?» – пришло новое сообщение.

Думах нехотя подошел к блоку управления утилизационным мусороприемником, выполнив полученную инструкцию, чтобы активировать старую систему. Механизмы щелкнули, и он зажмурился, решив, что сейчас погибнет, но вместо этого системы переключились в режим инженерного меню, дав возможность открыть дополнительный канал для сброса отходов. Думах выполнил все согласно инструкции. Теперь оставалось забраться в открывшийся канал и дождаться, когда сработают системы утилизации и уничтожат механического охотника.

«Надеюсь, не вместе со мной», – подумал Думах.

Он зажмурился, понимая, что активация утилизационных систем создаст воздушный поток такой силы, что его выбросит из узкого тоннеля на другую сторону словно снаряд. Оставалось надеяться лишь на то, что старые системы уменьшат в разы давление, а обледеневшая поверхность дополнительного канала не сотрет до костей его плоть.

Думах услышал, как механический охотник спрыгнул на пол утилизационного мусороприемника и, решив, что система не сработала по причине старости, пополз по обледеневшему тоннелю вперед, не особенно надеясь, что сможет спастись. Сейчас механический охотник обнаружит дополнительный тоннель и… Заржавевшие системы со скрежетом выплюнули забившие каналы пневматики сгустки льда и активировали утилизационный процесс. Сильная струя воздуха подхватила карлика и потащила вперед. Пара ледяных наростов мелькнула в опасной близости, заставляя сжаться. «Если застряну здесь, то превращусь в фарш», – успел подумать Думах перед тем, как оказался в камере тонкой очистки.

Серия новых сообщений помогла ему открыть резервный выход для обслуживающего персонала, а затем выбраться в жилой сектор на окраинах Galeus longirostris, где его встретил незнакомец, сказав, что работает на агентство «Энеида».

– Почему я должен верить тебе? – прищурился Думах.

– Наш человек помогал тебе внедрить трояна, – напомнил агент.

– Почему тогда он не пришел сам? – спросил карлик, ловя себя на мысли, что с Дакоу чувствовал бы себя комфортнее, чем с чужаком, пусть и таким же агентом «Энеиды». – Разве мы не запустили трояна, чтобы вернуть контроль над «Меккой»?

– Троян должен был заманить Сарса в ловушку, решая глобальные проблемы, а не спасать второстепенные игровые площадки, игнорируя главные угрозы.

– В «Мекке» застряли десятки тысяч игроков по вине Сарса. Вы считаете их спасение второстепенной задачей?

– И вы бы считали так, если б знали, что стоит на кону.

– Почему бы тогда вам не рассказать мне? Или лучше отправьте мне информационный блок с отчетом обо всем, что случилось, пока я спасал «Мекку»… – Думах прищурился. – Кстати, почему у меня заблокирован доступ к социальным функциям нейронных сетей? Насколько я знаю, к подобному прибегают крайне редко и…

– Вы вне закона, – тихо сказал представитель агентства «Энеида». – Сейчас мы пытаемся урегулировать с клириками вопрос о том, чтобы с вас сняли статус нарушителя, вернув доступ к социальным функциям нейронных сетей, а также отменили блокировку в подконтрольных Иерархии зонах станций общественного транспорта…

– Не понимаю, когда я успел перейти дорогу клирикам, – пробормотал Думах, отмечая, что люди, напавшие на него, когда он покинул игровой терминал, были кем угодно, но только не служителями Иерархии.

– Это независимые силовики, которые служат новому союзу торговцев Hexactinellida и независимых разработчиков Isistius labialis.

– А этим-то что от меня надо? – окончательно запутался Думах.

– Легре считает, что появление противоборствующей стороны было неизбежным, потому что именно так действует уравнение жизни. На каждый свет обязательно найдется своя тьма. Мир стремится к равновесию. Понимаешь? – представитель агентства «Энеида» навис над карликом, заглядывая ему в глаза. – Таковы схемы жизнеустройства. Легре говорит…

– Я понятия не имею, кто такой Легре и что за алхимическую чушь ты тут несешь! – зашипел Думах.

– Легре – это бывший клирик, занимавшийся более века назад изучением тонких граней временных мембран. Затем Иерархия признала его отступником и приговорила к изгнанию в неиндексированные территории Квазара, присвоив статус содомита. Сейчас он курирует один из проектов ученых Энрофы по созданию бестерминальных переходов в двухуровневом мире…

– Ты сказал, более века назад? – Думаху казалось, что либо он сходит с ума, либо мир, пока его не было, окончательно сдвинулся.

– Думаю, будет лучше, если я доставлю тебя к Адриилу и ты поговоришь с ним, – сказал представитель агентства «Энеида».

Он связался с офисом своей организации, уточнив наиболее благоприятный маршрут до центра «Мекки» в Galeus longirostris. Процент вероятного столкновения с независимыми силовиками, нанятыми для поимки и допроса всех, кто был связан с проектом Лок-Кли и Демира, находился в рамках допустимых тридцати процентов. Представитель агентства «Энеида» специально активировал голосовой интерфейс связи, отказавшись от информационной передачи данных по нейронным каналам, чтобы Думах мог слышать разговор.

– Когда мы вытаскивали из лап Сарса Шамс, то проценты провала были семьдесят к тридцати. Так что у нас сейчас, можно сказать, благоприятные прогнозы, – агент позволил себе едва заметную улыбку.

– Кто такой Демир? – хмуро спросил Думах, когда они начали продвигаться к стоянке, где был припаркован частный транспорт. – Я понимаю, что Адриилу пришлось заключить договор с Лок-Кли, чтобы избавиться от Сарса, но как он умудрился ввязаться в разборки с торговцами Hexactinellida и союзом независимых разработчиков Isistius labialis?

– Думаю, теперь можно считать их коалицией, – уточнил представитель агентства «Энеида», избегая отвечать на заданные вопросы.

– А почему Шамс вытащили из игры раньше, чем меня? – спросил Думах.

– Так распорядился Пер-Либан.

– Ты говоришь сейчас о владельце игрового проекта «Фивы»?

– Да. У них там какие-то проблемы в связи с атакой Сарса, поэтому ему нужен был совет специалиста, уже сталкивавшегося с системой адаптивного развития Симеона.

– Разве Сарс еще не уничтожен?

– Разработчики Лок-Кли заверяют, что уничтожение базовых

ядер вируса теперь вопрос времени. После того, как вы внедрили в его новообразования трояна, он клюнул на приготовленную ему наживку в виде очередной игровой площадки, и теперь написанный Симеоном и Мо-Джо алгоритм разрушает Сарса как в нейронных сетях, так и в Подпространстве. Благодаря внедренному трояну «Мекка» начала очищаться первой, позволив возвращать игроков, пусть пока и в единичном порядке. Дакоу стал первым, потому что риск неудачи был велик и нам требовался, так сказать, доброволец… Шамс срочно понадобилась Пер-Либану, а тебя мы вытащили, потому что независимые силовики вышли на твой след…

Забравшись в крохотную машину, они вклинились в плотный поток главной магнитной дороги Galeus longirostris, перестроились в верхние ряды и долго неспешно продвигались к центру гигантского жилого комплекса, избегая пользоваться привилегированными полосами, чтобы не привлекать ненужного внимания.

Представитель агентства «Энеида» рассказал, что независимые ученые Isistius labialis взломали сильно потрепанные после атак Сарса системы защиты Института всемирной иерархии и внесли всех союзников Лок-Кли и Демира в черный список, объявив в розыск, после чего на них стал охотиться каждый хранитель, получив соответствующий информационный протокол. Также, как следствие, союзникам заблокировали доступ к социальным функциям нейронных сетей.

– Хотел бы я теперь услышать, чем мы обязаны такому вниманию со стороны торговцев Hexactinellida и союза независимых разработчиков Isistius labialis? – спросил Думах, когда представитель агентства «Энеида» доставил его к Адриилу.

Центр «Мекки» находился под усиленной охраной, что не могло не бросаться в глаза. После инцидента с внесением в черный список клирики разрешили главным пострадавшим в целях защиты от новых атак злоумышленников использовать дополнительные генераторы, создавая зоны частных нейронных сетей. Взлом Сарсом защитных систем Иерархии вообще ввел клириков в ступор, поставив под угрозы функционирование всего механизма в целом. Пронюхавшие о случившемся аналитики в поисках сенсаций обвинили во всем адептов «Мункара и Накира», которые якобы решили наконец-то прибрать к рукам Размерность, так что клирикам, чтобы не допустить беспорядков, пришлось сделать официальное заявление, рассказав о Сарсе. Новость произвела фурор и смогла временно отвлечь общественность от главной проблемы – формирования тайного союза, в котором были замешаны торговцы Hexactinellida, давно

поговаривавшие об отделении их жилого комплекса, и независимые разработчики из Isistius labialis.

Еще одной головной болью для клириков стал отказ Лок-Кли, единственного, кто смог разработать комплекс мер для борьбы с Сарсом, признавать свое сотрудничество с Институтом всемирной иерархии. Скандальный монополист, прежде рьяно желавший обелить свое имя, заключив союз с клириками, теперь предпочитал идти своей дорогой, объединившись с Демиром, курирующим запрещенный проект создания альтернативных генераторов, получающих энергию непосредственно из Подпространства, используя для этого тонкие грани временных мембран. Лок-Кли и Демир готовы были противостоять клирикам, желавшим прибрать тайный проект к своим рукам, но открывать в одиночку второй фронт против пронюхавших об экспериментах торговцах из Hexactinellida и союза разработчиков из Isistius labialis было уже слишком, поэтому пришлось раскрыть карты Адриилу, привлекая его к разработкам в качестве серьезного союзника.

– После пробного запуска альтернативного генератора, оказавшегося успешным, Сарс взял под контроль все системы, заставив Демира обратиться за помощью к Лок-Кли, – сказал Адриил, объясняя Думаху ситуацию. – Созданный скандальным монополистом отдел для борьбы с вирусом разработал для Сарса ловушку, замаскировав ее под игровую площадку. Оставалось только заставить Сарса клюнуть на наживку. Для этого был разработан троян, который ты и Шамс успешно внедрили в «Мекке»… – Адриил выдержал паузу и сказал, что Елим, глава «Голода», и Пер-Либан, глава «Фив», в курсе заключенного договора. – Альтернативные генераторы могут перевернуть мир, и наши тайные учредители хотят быть в числе тех, кто встанет у руля новой системы, которая сформируется после того, как Институт всемирной иерархии сдаст позиции.

– Торговцы из Hexactinellida и независимые разработчики из Isistius labialis, как я понимаю, пытаются противостоять нам? – спросил Думах.

Адриил кивнул.

– Так они знают об удачном запуске альтернативного генератора?

– Мы склонны считать, что да.

– А клирики и адепты?

– Вероятно, догадываются, но пока предпочитают взять паузу и посмотреть, к чему приведет наше противостояние с союзом торговцев и разработчиков. Последние давно были головной болью Иерархии, так что, думаю, клирики хотят убить двух

зайцев одним ударом: дождаться, когда мы разделаемся с разработчиками и торговцами, а затем, учитывая, что противостояние ослабит наш союз, взять нас за горло, заставив сотрудничать, передав права на альтернативные генераторы Иерархии.

– Звучит так, словно мы стоим на пороге новой мировой войны, – задумчиво подметил карлик.

Адриил нахмурился и пожал плечами, сказав, что если Думах решит принять его сторону, то будет лучше забыть о прошлых обидах и конфликтах.

– Мне нужно посоветоваться с Шамс, – уклончиво ответил карлик.

Адриил не возражал, лишь настоял, чтобы Думах взял охрану, когда отправится в представительство «Фив», расположенное на первом уровне реальности, тогда как головной офис всегда базировался в Подпространстве. Напоследок Адриил не без иронии отметил, что ловушка для Сарса создана на базе игровой площадки, которую планировал сделать Прай-Ми, покинув «Мекку».

– Руководители «Голода» и «Фив» считают, что это можно использовать для раскрутки «Мекки», – сказал Адриил. – Прай-Ми ведь все еще числится нашим главным разработчиком, так что… – он не успел закончить, потому что карлик покинул его кабинет, а связаться с ним по нейронной сети и закончить разговор не представлялось возможным, так как доступ к социальным функциям все еще был заблокирован для него.

Охрана, вызвавшаяся доставить Думаха к представительству «Фив», состояла в основном из представителей агентства «Энеида». Кортеж включал в себя три одинаковых автомобиля, которые следовали какое-то время друг за другом в плотных потоках магнитной дороги, а затем рассыпались, сбивая с толку преследователей, если таковые, конечно, имелись.

В представительстве «Фив» Думаха встретили как почетного гостя, хотя еще пару дней назад считали одним из главных врагов.

– Чувствую себя как шпион в стане врага, – признался он, встретившись с Шамс в просторном помещении аналитического отдела, где несколько сотен человек следили за нейронными новостными площадками и переписками в социальных сетях, оценивая спрос и популярность игровой площадки «Фивы».

От нейронных образов малозначимых информационных потоков, изучение которых могло ограничиться визуальным наблюдением, рябило в глазах. Другие многопоточные задачи выполнялись в фоне, и Думах буквально чувствовал своим

интегрированным жидким чипом, насколько сильно перегружена местная нейронная сеть.

– С ума сойти можно, – признался карлик. – Страшно даже представить, какой мощности здесь установлены генераторы. Кто-нибудь проверял радиационный фон?

– Не ной, – снисходительно улыбнулась Шамс, переводя разговор к новому союзнику по имени Демир. – Так вот на него работает пара ребят из небольшого, но давно сделавшего себе имя агентства «Ксанет». Я пока не разобралась в деталях, но кто-то модифицировал их жидкие чипы, позволяя задействовать мозг напарника для проведения дополнительного анализа, используя выделенные нейронные каналы для многопоточной передачи данных. Ты не поверишь, но они вдвоем спокойно могли бы заменить всех этих умников, – Шамс взмахнула рукой, указывая на работавших в отделе людей. – Я связалась с ними по просьбе Пер-Либана, заключившего с Демиром тайный договор сотрудничества, и его ребята из агентства «Ксанет» смогли провести необходимый мне анализ быстрее, чем сотни наших сотрудников вместе взятые…

– Какой анализ? – спросил Думах, которому не терпелось поговорить с глазу на глаз.

Все, что он смог выяснять от агентов «Энеиды» по дороге сюда, так это то, что Сарс, следом за «Меккой», атаковал «Фивы», но учитывая, что эта легендарная игровая площадка находилась в Подпространстве, территории которого Сарс только начинал осваивать, дела у него шли ни шатко ни валко. Его главным достижением стало создание принципиально новых сателлитов, взявших под контроль незначительную группу имитаций, да частичное проникновение в протоколы главных адаптивных алгоритмов, контролировавших игровой процесс. В результате этого появился ряд нестыковок, которыми не преминули воспользоваться некоторые особо наблюдательные игроки, создав на площадке панику, побудив озадаченных разработчиков срочно вызвать Шамс, чтобы она, будучи знакомой с принципами функционирования Сарса, навела порядок.

– «Фивы» тонут следом за «Голодом», и нужно извлечь из этого максимальную выгоду, – сказала она, хвастаясь, что лично связывалась с создателями Сарса. – Они сказали, что для полного уничтожения систем адаптивного развития Симеона потребуется около месяца. Придется провести полную проверку нейронных сетей седьмого поколения в каждом жилом комплексе. Плюс требуется отдельный комплекс наработок для борьбы с сателлитами Сарса, оставшимися в Подпространстве.

– Агенты «Энеиды» сказали, что одним из самых успешных игроков последнего месяца стал Прай-Ми? – спокойно спросил Думах, хотя еще неделю назад упоминание об успехах создателя «Мекки» заставило бы его сыпать ругательствами. Сейчас, после того, как Адриил заключил союз с Лок-Кли и Демиром, разногласия с Прай-Ми казались незначительными.

– С Прай-Ми и его братом все сложно, – поморщилась Шамс. – Там имеется незначительный сговор, так что после того, как мы вернули частичный контроль над адаптивными алгоритмами, отвечающими за игровой процесс, появилась возможность скорректировать развитие сюжета в соответствии с установленными правилами, но… После удачного обрушения «Голода», принесшего Елиму неплохую выручку, Пер-Либан задумался о том, чтобы провернуть нечто подобное с «Фивами»… Не знаю даже, скольких зайцев получится убить одним ударом, но если не допустить ошибок, то можно выжать из обрушения «Фив» колоссальные дивиденды, превратив Прай-Ми в героя КвазаРазмерности.

– В героя? – поднял удивленно левую бровь карлик.

– Он прославился, обрушив «Голод». Теперь, особенно после того, как клирики признали наличие Сарса, никто не сможет нас обвинить в том, что мы помогли Прай-Ми обрушить «Фивы». На все была воля случая. Люди любят подобные истории. К тому же не забывай, что устроить для Сарса ловушку удалось, используя образ игровой площадки, в основе создания которой лежат разработки Прай-Ми. А если вспомнить, что он до сих пор официально является главным разработчиком «Мекки», то…

– После устранения последствий атаки Сарса «Мекка» превратится в главный проект современности, – закончил за Шамс карлик, озвучив мысль, которая уже приходила ему в голову прежде.

– Елим и Пер-Либан сейчас обсуждают возможность расширения «Мекки» за счет территорий «Голода» и «Фив», освободившихся после закрытия этих площадок.

– Клирики сразу обвинят Елима и Пер-Либана в сговоре, натравив на них антимонопольную комиссию, – кисло подметил Думах.

– Сомневаюсь, что после того, как в продаже появятся разрабатываемые Демиром альтернативные генераторы, клирикам будет дело до игровых проектов. Их гегемония на энергетическом рынке рухнет, доставив столько хлопот, что им со своими проблемами будет не разобраться, не то что цепляться к «Мекке».

– А братья действительно так хороши, как о них говорят, или это уже начала работать запущенная тобой пиар-компания?

– Прай-Ми раскручивали и прежде, – пожала плечами Шамс, напоминая, что в свое время Адриил делал на него главную ставку. – А что касается его успеха в «Фивах», то главным его талантом, думаю, является умение оказаться в нужное время в нужном месте. Плюс везение… Помнишь охотников за наживой, обещавших взять реванш за проигрыш в «Голоде»? – она дождалась, когда Думах кивнет. – Теперь из врагов они превратились в друзей и союзников Прай-Ми. Сначала все шло неплохо: Зевс прогрессировал в рядах фидаинов, Ра готовилась возглавить ряды погонщиков гигантских червей минхочао, чтобы остановить вторжение телебов, если Прай-Ми каким-то чудом удастся все-таки объединить племена, но потом… – Шамс грустно улыбнулась. – Потом они вдруг решили занять сторону братьев, и Прай-Ми, сколотив весьма скромную армию, смог проложить дорогу через Голиафские горы, открыв доступ игрокам Далеких земель в Аид, в результате чего к нему присоединились две трети телебов, хлынув в новую локацию и образовав пятую армию…. Конечно, ничего подобного не случилось бы, если бы Сарс не нарушил работу адаптивных алгоритмов, отвечающих за игровой процесс, но… – Шамс беспомощно всплеснула руками, напоминая Думаху о девушке по имени Саломея, которую они вышибли из «Мекки» следом за младшим братом Прай-Ми. – Она начинала играть в закрытом городе, но смогла выбраться в Аид, собрать неплохую команду и оживить четвертую армию, которая теперь, скорее всего, объединится с телебами под предводительством Прай-Ми. – Кстати, не знаю, важно это или нет, но в «Фивах» с Саломеей познакомился сын Демира, а вылетев из игры, уговорил отца приютить дочь Саломеи. Они оба нейропаты, так что… – Шамс всплеснула руками, показывая, что от случайностей порой голова идет кругом.

– И что вы решили делать с Прай-Ми? – спросил Думах.

– Сейчас мы вернули контроль над «Фивами» и можем остановить продвижение братьев, но ребята из агентства «Ксанет» советуют этого не делать. Сейчас наши горе-аналитики, – она бросила недобрый взгляд на загруженных работой служащих, – проверяют вероятное развитие событий, если мы позволим Прай-Ми сорвать банк, обрушив «Фивы», и, судя по всему, нужно готовиться к скорому закрытию площадки.

– Не знаю даже, что сказать, – признался Думах, переводя разговор к обсуждению компенсации семьям ученых, погибших во время последней миссии.

– Если бы это случилось на площадке «Голода» или «Мекки»,

то мы смогли бы запеленговать их сознания, а так, вне зоны действия нейронных сетей… – Шамс тяжело вздохнула, надеясь, что ее избавят от необходимости встречаться с родственниками и приносить соболезнования.

– Вообще-то этим должен заниматься Адриил, – сказал карлик. – Они ведь работали на «Мекку».

– Боюсь, Адриил сейчас занят совершенно другим, – хмуро улыбнулась Шамс.

– Ты имеешь в виду союз с Лок-Кли и Демиром? – спросил Думах, наконец-то добравшись до интересующей его темы альтернативных генераторов.

– Там не только генераторы, – уклончиво сказала Шамс и наградила карлика долгим взглядом, без слов обещая рассказать обо всем, что знает сама, когда вокруг будет меньше свидетелей…

* * *

Они не знали, но не пройдет месяца после окончательной зачистки следов Сарса в КвазаРазмерности, как ученые из группы Демира, готовясь провести второй испытательный запуск альтернативного генератора, обнаружат критические повреждения тонких граней временных мембран, нанесенные сателлитами Сарса. Миры энергии и материи начнут сливаться, рождая новые науки и теории, в одну из которых лягут идеи путешествий во времени с возможностью влиять на прошлое, меняя настоящее. Появятся первые темпоральные центры, тайно курируемые адептами «Мункара и Накира», и первые астралы – прыгуны в прошлое, пользующиеся модифицированным гасителем резонансов Энрофы.

Не будет официальных испытаний. Не будет судов и запретов. Астралы просто сделают это – прыгнут в стремящееся к настоящему прошлое, интегрировав свое сознание в резонанс пространства и времени, где существует тело носителя, которое можно заполнить. Никто не будет знать, сколько погибнет первых астралов, прежде чем технологию удастся сбалансировать. Прошлое развернется и проглотит первую сотню, тысячу, а может, десяток тысяч смельчаков. Прошлое, измененное этими вторжениями, догонит настоящее и, столкнувшись с будущим, высвободит необходимую для жизни мгновения изменившуюся энергию, которая, утратив стройность полюсов, заискрит ошибками схем жизнеустройства.

Сначала это будут едва заметные вспышки, «сигаретные

ожоги» на пленке мира, но затем дыр станет больше. И через эти дыры Размерность будет затягиваться в Квазар, а Квазар в Размерность.

Первым ренегатом станет астрал по имени Уранти. Он предаст адептов «Мункара и Накира» и сдастся хранителям Иерархии.

– День отсчитывает твои последние мгновения, – объявит ему глава «Мункара и Накира».

Слова эти станут роковыми, и не только для астрала Уранти, но и для всего мира. Потому что, как только Уранти раскроет технологию прыжков астралов и первый хранитель отправится в прошлое, пытаясь исправить содеянное, все станет только хуже, положив начало первой темпоральной войне в истории человечества…